

АЛЕКСАНДР ДУНАЕВСКИЙ

*ИДУ
ЗА
ГАШЕКОМ*

АЛЕКСАНДР
ДУНАЕВСКИЙ

ИДУ
ЗА
ГАШЕКОМ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1963

Александр Михайлович Дунаевский родился в 1909 году в городе Полтаве. Свою журналистскую деятельность начал в местной газете «Большевик Полтавщины». В 1932 году перешел в газету «Правда», где проработал около 15 лет.

В годы Великой Отечественной войны А. Дунаевский — военный корреспондент «Правды».

За работу в печати награжден орденами Красной Звезды и «Знак почета».

Первая его книжка — «Надежда Кошик» — вышла в 1947 году, позже — «Ливенский клад», «Жизнь возьмет свое», «Призвание», «Девушка с золотой медалью».

Некоторые из этих книг переведены на иностранные языки и изданы за рубежом.

Люди высокого интернационального долга — любимая тема писателя. А. Дунаевский — автор документальной повести «Олеко Дундич». В соавторстве с Г. Новогрудским им создана книга «По следам Пау» — о китайских добровольцах, участниках гражданской войны в Советской России.

Новая книга Александра Дунаевского «Иду за Гашеком» написана в жанре литературного поиска.

Идя по следам гениального чешского сатирика, автора бессмертного «Швейка», А. Дунаевский побывал на Украине и в Прибалтике, на Волге и за Волгой, на Урале и за Уралом, в Западной и Восточной Сибири, восстанавливая страницу за страницей историю жизни Гашека, замечательного комиссара Красной Армии.

В документальной повести рассказывается об интересных находках, о людях, с которыми дружил Гашек, о его горячей любви к Советской России.

Глава первая
НАЧАЛО ПУТИ

Великий ветер веет из России.
Я. Гашек.

Два документа

Двадцать четвертого сентября 1915 года в 91-м пехотном полку австро-венгерской армии произошло чрезвычайное происшествие: исчез ефрейтор Ярослав Гашек.

В его послужном списке полковой писарь сделал лаконичную запись на немецком языке:

«Пропал без вести 24.IX.1915 г. после боя у Хорупан».

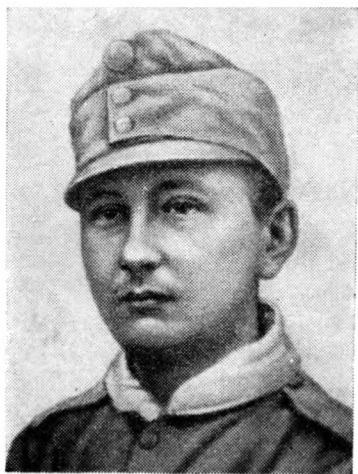
— Куда он девался? — рассуждали однополчане, вспоминая в часы фронтового затишья ефрейтора Гашека, отличного рассказчика веселых анекдотов и смешных историй.

Одни считали, что пуля уложила ефрейтора и похоронная команда, подобрав неопознанный труп, опустила в братскую могилу. Другие высказывали предположение, что тяжело раненного Гашека подобрали русские санитары.

— Нет, — возражали третьи, — ефрейтор стал добычей охотников за «языком». Гашек, должно быть, вышел ночью по нужде, те набросились на него и, заткнув рот кляпом, увели на свою сторону.

Но все эти догадки тогда остались неразрешенными. Гашек был цел и невредим. Он сам, добровольно сдался в плен, объяснив первому русскому солдату, которого встретил, что воевать за интересы австро-венгерской монархии не желает...

Ровно через сорок лет — в том же сентябре, только 1955 года, когда я рылся в фондах гражданской войны Центрального архива Советской Армии, мне попала на глаза четвертушка серой бумаги. Это была выписка из приказа № 473 от 24 октября 1920 г. по политиче-

Я. Гашек в австро-венгерской армии. 1915 г.

скому отделу 5-й Красной Армии.

«Откомандированного в распоряжение ПУР политинспектора т. Гашека Ярослава исключить из списков поарма с 24.X. с. г. и красноармейского пайка: денежного с 1/XI, провиантского, приварочного, чайного и табачного с 16/X и мыльного с 1/XI с. г.»

Сомнений не вызывало: пропавший без вести ефрейтор Гашек и политический инспектор 5-й Красной Армии, снятый с денежного, приварочного, чайного, табачного и мыльного довольствия в связи с откомандированием в Политическое

управление, — одно и то же лицо. Тем более что еще в молодости я читал о службе Гашека в Красной Армии. Однако об этом тогда сообщалось скупо.

Хотя оба документа были написаны сухим, канцелярским языком, они не могли не взволновать. Ведь в приказах называлась фамилия гениального чешского сатирика, написавшего бессмертного «Швейка», обошедшего все страны и континенты! И мне захотелось побольше узнать о жизни Ярослава Гашека в революционной России, о его службе в Красной Армии.

В столичных архивах было не густо: анкетный лист № 1721 чешско-словацкого коммуниста, под которым стояла собственноручная подпись писателя, его партийный билет, несколько докладных записок, с десятков справок и удостоверений... Вот, кажется, и все.

А в Центральном государственном архиве литературы и искусства о Гашеке не нашлось и строчки. Там мне порекомендовали обратиться к москвичу Петру Миновичу Матко.

Матко не литературовед и не историк, в годы Отечественной войны офицер Советской Армии, а в мирное время инженер — проектировщик гидроэлектростанций.

Петр Минович уже не первый год собирает все, что относится к Гашеку. Собирает не для коллекции, не для собственного любования, а для тех, кто любит чешского писателя, кто интересуется его жизнью в Советской России.

Матко указал несколько адресов литературоведов и историков, сослался на исследования пражан Здены Анчика и Ярослава Кржижека, перечислил с десятков статей и заметок, опубликованных в советской печати.

Петр Минович обратил мое внимание на очерк, написанный Мариэттой Шагинян, большой поклонницей гашековского таланта. Она отмечала, что целые периоды жизни Гашека до сих пор остаются в тени, особенно русский период, живое участие чешского писателя в гражданской войне, его работа в Коммунистической партии нашей страны.

Решил идти по следам Гашека: побывать на Востоке страны, в тех местах, где сражалась 5-я Красная Армия, в рядах которой многие месяцы находился писатель, разыскать его фронтовых друзей, записать их воспоминания, порыться в архивных и музейных фондах.

Может быть, удастся разыскать номера газет, в которых он печатал свои фельетоны, статьи и обращения, отыскать новые документы и фотографии, выяснить, в частности, почему в анкетном листке № 1721 в графе «Отчество» вместо «Иозефович» стоит «Романович».

Петр Минович снабдил меня картой, сказал, где следует побывать в первую очередь. Он нанес на кальку города, расположенные в Среднем Поволжье, в Башкирии, Татарии, на Урале и в Сибири. Их назвал сам Гашек, когда заполнял в Москве анкетный лист.

На вопрос: «Где работал в России как партийный работник?» — Гашек ответил: «В Самаре, Бугульме, Уфе, Челябинске, Омске, Красноярске и Иркутске».

Немало городов! Но Самара среди них стоит на первом месте. С нее, пожалуй, и начну. Может быть, там, на Волге, сохранились гашековские следы?

Еду искать их.

Верьте русской революции

С того же вокзала, по той же самой железной дороге, по которой весной восемнадцатого года ехал уполномоченный исполкома чехословацкой секции РКП(б),

направляюсь в бывшую Самару, ныне город Куйбышев.

Для Гашека это были знакомые места. Попал он сюда вскоре после сдачи в плен в селе Хорупаны. Сначала находился в Дарницком сортировочном лагере, что под Киевом. Потом его переправили в Заволжье, в Тоцкий лагерь — самый крупный лагерь для военнопленных царской России.

Как и тысячи других пленных, он много дней находился за колючей проволокой: жил впроголодь, в грязи, в тесноте до тех пор, пока в Тоцкое не прибыли агенты так называемого чехословацкого национального совета. Они привезли с собой весть о том, что получено согласие на формирование в Киеве особых воинских частей из военнопленных чехов и словаков для борьбы против австро-германской коалиции.

Легко поверив, что таким путем его родина может наконец избавиться от угнетателей и создать свободную Чехословакию, Гашек одним из первых записался в легионеры и уехал в Киев.

Вначале ему нравилось, что в чешских частях каждый солдат имеет право называть офицера «братр» — брат.

Но только на первых порах эта игра в демократию нужна была для того, чтобы завлечь в корпус как можно больше людей и хотя бы внешне сгладить классовые противоречия между солдатской массой и офицерской верхушкой. А потом все пошло по-старому.

Офицеры, выходцы из буржуазной среды, перестали заигрывать с «серой скотинкой». В их устах слово «братр» звучало уже как злая насмешка. Пустыми оказались и разговоры о национальном равенстве, о классовом единстве чешской нации. Постепенно Гашек понял, что только пролетарская революция может принести настоящую свободу чехословацкому народу. Ее плоды он впервые вкусил в Киеве, где, как и по всей Советской стране, заводы передавались в руки рабочих, земля — тем, кто на ней трудится. Да и русские большевики — это вовсе не германские агенты, как он раньше ошибочно писал о них в «Чехословане», а самоотверженные борцы за свободу и независимость. И не только своего народа — всех угнетенных народов, населяющих мир.

Я. Гашек в Киеве. 1917 г.

К тому времени национальные подразделения были сведены в чехословацкий корпус. Однако, когда австро-германские войска начали наступление на Киев, корпусу было приказано без боя отступить на восток, подготовиться к отправке во Францию.

В частях начались брожения. Многие солдаты покинули корпус, посылая проклятия в адрес его командования. Несколько раньше порвал с ним и Ярослав Гашек. Он уехал в Москву. Здесь вступил в партию. Поездка на Волгу была первым серьезным партийным поручением для молодого коммуниста.

Гашек вез с собой только что родившуюся в России газету «Прукопник»¹.

В ее первом номере под крупным заголовком: «К чешскому войску. Зачем ехать во Францию?» — была

¹ «Прукопник» — по-чешски «Пионер». Позже эта газета была переименована в «Прукопник свободы».

напечатана его статья, обращенная к обманутым землякам. Этот призыв появился буквально на другой день после того, когда между представителями Советского правительства и командованием чехословацкого корпуса было достигнуто соглашение о свободном проезде через Поволжье к Владивостоку. Отсюда чешское войско должно было отправиться морем во Францию, чтобы войти в состав ее армии.

Гашеку тогда еще не были известны коварные планы англо-французских империалистов и чешских реакционеров, готовивших восстание против молодой Советской республики. Об этом он узнал позже.

Обращаясь со страниц «Прукопника» к своим соотечественникам, он заявил:

«...Вы отправляетесь во Францию, вместо того чтобы участвовать в возрождении русской армии, деятельно участвовать в русской революции и помочь русскому народу укрепить Республику Советов, от которой исходят лучи освобождения для всего мира и нашего народа.

Мы должны остаться здесь! И здесь должен остаться каждый из нас, кто знает, что мы — потомки таборитов¹, первых в Европе социалистов-коммунистов! А это знает каждый чех. Наше политическое значение здесь, а ни в коем случае на Западе! Мы должны помочь России!»

«Мы должны помочь России! Мы должны остаться здесь!» — эти пламенные гашековские строки, сказанные в тяжелое для нашей страны время, нельзя забыть.

Отправляясь в Куйбышев, я знал название улицы, номер дома и квартиры, в которой жил и работал великий писатель. Известен был также и адрес казармы, где размещался чехословацкий отряд — один из первых отрядов Красной Армии, созданный Гашеком. Да и узнать было нетрудно. Об этом сообщалось в листовке, напечатанной в одной из самарских типографий в том же восемнадцатом году.

«За всеми справками и с приглашениями, — говорилось в этом документе, — обратитесь на чешский военный отдел для формирования чешско-словацких отрядов

¹ Табориты — представители антифеодального революционного движения чешского народа в XV веке. Это движение было направлено против немецкого засилья и римско-католической церкви.

при Красной Армии, Самара, Дворянская 106, отель «Сан-Ремо», кв. 32 или прямо в казармы чешско-словацких отрядов при Красной Армии, Самара, Кириллов дом, угол Воскресенской и Соборной».

Начал с местных музеев. Их в Куйбышеве два — Краеведческий и Дом-музей М. В. Фрунзе. Первый — самый большой на Среднем Поволжье. Здесь, думалось мне, могли сохраниться фотографии тех мест, где творил Ярослав Гашек, а также написанные им воззвания к чехам и словакам, ехавшим через Самару к Владивостоку. Возможно, удастся разыскать письма и докладные, освещающие работу военного отдела по формированию чехословацких отрядов Красной Армии.

Увы, ничего этого в Краеведческом музее не оказалось. Разочарованный, шагаю в другой музей.

Его начальник подполковник И. Штыкин нашел в своем «хозяйстве» место для Гашека: три известные фотографии выставлены на одном из стендов. Но есть и неизвестные экспонаты. В Доме-музее М. В. Фрунзе я узнал о докладной записке инспектора пехоты Г. Семенова. В записке как раз говорилось о чехословацком красном отряде в Самаре:

«Отряд расположен в казармах (бывший ночлежный дом)¹. Начал формироваться еще с 7 апреля. В настоящее время состав отряда — 120 человек... На занятии всегда присутствуют все взводные и ротный командир, а также политический комиссар Гашек».

Итак, первая командная должность, которую занимал Гашек в Красной Армии, — комиссар чехословацкого отряда.

О бойцах этого отряда инспектор пехоты отзывался с большой теплотой: «...Желание у них — соединиться где-либо с крупным отрядом чехословацким и создать батальон или полк... Все люди хотят служить Советской власти и возвращаться на родину не желают, по первому зову пойдут туда, куда призовет их народная власть».

Мысль о превращении маленького отряда в крупное чехословацкое подразделение Красной Армии повторил Ярослав Гашек в своем донесении от 27 мая того же восемнадцатого года:

¹ Ночлежный и Кириллов дом, о котором говорится в докладной, — это один и тот же дом.

«...Я убежден, — подчеркивал он, — что в течение месяца мы сформируем несколько рот — полк, так как наша агитация теперь успешно действует (приложено одно из наших воззваний)».

В докладной инспектора пехоты есть несколько строк, с которыми никак не может согласиться подполковник И. Штыкин. Семенов возражал против методов вербовки. Напрасно, мол, он журил начальника отряда за то, что тот «куда-то послал четырех человек, чтобы привлекать и вербовать в отряд свой всех чехословаков, проезжающих по железной дороге».

— Я точно так же поступил бы! — восклицает подполковник. — Семенов — старый служака, он, видать, не понимал, что такое живое большевистское слово. Эти четыре бойца с листовками, написанными Гашеком, вели агитацию на вокзалах, на линии, в эшелонах — всюду, где находились солдаты чехословацкого корпуса. Молодцы!

Интересуюсь, сохранилось ли воззвание, которое Гашек приложил к своему донесению как доказательство того, что «агитация теперь успешно действует».

Штыкин показывает небольшой листок, напечатанный на чешском и русском языках:

«Товарищи! Австро-германские войска продвигаются в глубь Российской Федеративной Республики. На пути их расстреляны ими многие чехи, не успевшие отступить. Австро-германцами занят Харьков, и войска императора Карла¹ и Вильгельма продвигаются на Курск.

Неужели во всемирной истории должно быть написано, что в это опасное время для свободы всех народов чешские войска ушли перед австро-германскими бандами, оставили русских революционеров без помощи?

Товарищи! Мы уверены, что наш народ дома бы вам запретил выехать во Францию, а сказал бы вам, что место на этом фронте, где грозит опасность для свободы всех народов, что место ваше в России!

Призываем всех чехословаков на защиту революции!

¹ Карл Габсбург — австро-венгерский император, вступивший на престол после смерти Франца-Иосифа. В одной из своих юморесок Гашек предсказал: «Карл — это последний Габсбург».

Мы формируем отряды истинных борцов за свободу из всех нежелающих выехать во Францию.

Мы вас ожидаем!»

Эта мысль красной нитью проходит через воззвания, написанные Гашеком незадолго до мятежа чехословацкого корпуса. В другом его обращении с той же революционной страстью говорилось:

«Верьте русской революции, верьте мировой революции, разберитесь спокойно это воззвание к вам, и кто с ним согласится, пусть вступит в чехословацкие отряды при русской Красной Армии».

Сотни солдат поверили революции и согласились с Гашеком — они покинули эшелоны, не поехали во Францию, остались в Самаре, чтобы помочь Красной Армии в защите первых завоеваний Октября.

«Сан-Ремо»

Здание старой казармы, где проводилась запись чехов и словаков в Красную Армию, и по сей день стоит на углу бывших Воскресенской и Соборной. Я его нашел сразу. Труднее было с гостиницей «Сан-Ремо», которой живо интересуются пражские и куйбышевские историки.

Не так давно в Куйбышев с группой чехословацких туристов приезжал Иозеф Поспишил — фронтовой друг Гашека. В восемнадцатом году они бок о бок работали в Самаре и жили в «Сан-Ремо».

Сойдя с волжского парохода, Поспишил отправился на бывшую Дворянскую, ныне Куйбышевскую, улицу. Она настолько изменилась за сорок лет, что гость никак не мог найти старую гостиницу. Тогда он обратился к городскому архитектору. Тот объяснил, что гостиницу не найти: здание «Сан-Ремо» было разрушено в 1926 году, и на его месте построен новый дом, за которым сохранился прежний номер.

Архитектору поверили. В пражском журнале «Свет Совету» появился фотоснимок нового дома, сооруженного якобы на том месте, где находилась гостиница.

Эта подпись, как и сам фотоснимок, вызвала возражения со стороны аспиранта Куйбышевского областного планового института Юрия Щербакова, собирающего все, что связано с пребыванием Гашека в его родном крае.

— Здание «Сан-Ремо» стоит там, где и стояло, — убеждал он меня, подводя к продолговатому трехэтажному дому, выходящему на улицу Куйбышева под номером «98».

В доказательство своей правоты Ю. Щербаков показал поблекшую фотографию двадцатых годов. На ней изображен дом, похожий на тот, перед которым мы стоим. На снимке между вторым и третьим этажами на камне выбита надпись. Простым глазом прочесть ее невозможно. С трудом просматриваются две буквы — «Са».

Не это ли начало названия гостиницы? Надо узнать поточнее. Заходим во двор, поднимаемся на второй этаж. Длинный коридор. Стучим в первую попавшуюся дверь, потом во вторую, третью... Беседуем с жильцами. Большинство из них поселилось в доме после Отечественной войны. Старожилами считают семью, которая живет с тридцать пятого года. Тогда здесь никакой гостиницы не было.

Решаю раскрыть «тайну» стертой надписи до конца. Это необходимо не только для книги: на здании, якобы появившемся на месте «Сан-Ремо», городские организации предполагают установить мемориальную доску, будет обидно, если она появится не там, где жил и творил чешский сатирик.

Все же любопытно, какие буквы шли после «Са»? Несу фотоснимок в областную милицию майору Кузьмину. Он соглашается его исследовать. Через два дня майор утверждает, что рядом с «Са» стоит буква «н».

— «Сан» получается, — сказал майор, возвращая мне старую фотографию. — А вот с «Ремо», извините, не выходит. Не размещался ли в этом здании магазин «Санитария»?

Достаю старый, весь потрепанный городской справочник: на бывшей Дворянской улице не было магазинов с названием «Санитария». Но это еще не дает основания для объединения «Сапа» с «Ремо».

Обращаюсь во Всесоюзный научно-исследовательский институт милиции. Товарищи согласны помочь. Просят оставить фотоснимок и дать им две недели для исследований. К концу месяца получаю ответ, что на фотоснимке в средней части изображенного здания имеется надпись: «ица. Сан-Ремо».

Здание бывшей гостиницы «Сан-Ремо»

Остается установить комнату, в которой жил Гашек. Меряю из угла в угол длинный коридор, всматриваюсь в таблички. Номера все новые. Старые не сохранились. Какой же из них числился тридцать вторым? В какой из комнат жил чешский сатирик?

Кто-то из жильцов вспоминает, что на соседней улице живет старая горничная гостиницы «Сан-Ремо» Анна Осиповна Левина. Она будто бы помнит красного че-ха, к которому ходили люди, большого шутника.

Бывшей горничной уже за семьдесят. С ее помощью устанавливаю номер, в котором жил Гашек. Большая светлая комната с двумя окнами на Волгу.

И пожелтевшая, всесторонне исследованная фотография, и свидетельские показания бывшей горничной позволяют сделать вывод, что трехэтажное здание на

Куйбышевской улице, 98, есть именно тот дом, где некогда была гостиница «Сан-Ремо», а два окна, выходящие на Волгу, есть те самые окна, возле которых стоял Гашек, мечтательно рассматривая великую русскую реку.

На караул, товарищи!

В «Сан-Ремо» писатель поселился в первых числах апреля. Это необходимо подчеркнуть, так как советский гашековед Н. Еланский, рассказывая о пребывании писателя на Среднем Поволжье, утверждает, что «в конце апреля 1918 года Гашек прибыл в Самару».

Не сократил ли он сроки пребывания сатирика в бывшей Самаре?

Хотя в городе не сохранились книги записей лиц, проживавших в те годы в гостинице «Сан-Ремо», но по другим документам нетрудно установить, что Гашек прибыл в Самару отнюдь не в конце апреля. Это видно из его обращения к народному комиссару по иностранным делам: оно было отправлено из Самары 17 апреля того же восемнадцатого года.

«Мы прислали Вам телеграмму 15 апреля, касающуюся нашей агитации среди чешских воинских частей», — так начиналось письмо.

На нем штамп: «Чешский военный отдел для формирования чешско-словацких отрядов при Красной Армии». Ниже адрес: «Самара, Дворянская улица».

Письмо к наркому — это не сомнительная копия, а подлинник, написанный рукой Гашека по-русски.

Но пятнадцатое число — середина месяца. Не выступал ли Гашек со страниц одной из популярных самарских газет — в «Солдате, рабочем и крестьянине»?

В Куйбышевском областном государственном архиве сохранилось несколько номеров этой газеты. Гашека в них не нахожу. Может быть, в других номерах он печатался, которых нет в Куйбышевском архиве?

Обращаю внимание на две подписи, стоящие в конце номера. Оказывается, у самарской газеты было два редактора — Григорий Цвиллинг и Максим Адельсон. Навел о них справки в Куйбышевском союзе журналистов: Цвиллинг умер в год окончания Великой Отечественной войны, Максим Адельсон — здравствует. Где его искать — не знают, ведь прошло так много лет,

Чешский
Военный Отдел
для формирования
чешско-словацких отрядов
при красной армии.

17 Самар, 1918 г.

№ 23

Самара

Командору по многогранному делу,
в Москве.

Центральный Исполнительный Комитет,
С. Р. и С. в Москве, Военный Отдел,
Командировал нас в Самару для агитации
в рядах бывших русских войск. частей.
Мы прислали Вам телеграмму, в которой
Коллективом нашей агитации среди
русских войск была распр. Егор много
много в среде их и нежелательные взгляды
во Франции. Мы хотим им организовать
отряды чехов и словаков при красной
армии. Но нам выехать так в Самару
и просим Вас до победы при Самар.
ском Совете и др. отбес.

Чешский Военный Отдел
для формирования чехско-словацких
отрядов при Красной армии.
Самара, Дворцовый, Отдел Сая Вильо.
— Гашек, Гашек и Гашек.

Адельсон! Напрягаю память... Кажется, среди старых московских журналистов я встречал эту фамилию, но с добавлением Вельский. Может быть, Адельсон-Вельский и есть тот самый редактор самарской газеты?

В Москве в Музее Революции нахожу нужный мне адрес и телефон. Набираю номер. К аппарату подходит Максим Григорьевич Адельсон.

При встрече я спросил, помнит ли он чешского сатирика по Самаре? О, конечно! Гостиница «Сан-Ремо» и редакция помещались на одной улице.

Самарский редактор помнит Гашека: его круглое добродушное лицо, хитринку в глазах, скупые, но мягкие фразы. Писатель был немногословен, но зато каждая написанная им в Самаре строка буквально стреляла. Его листовки — образец революционной публицистики.

На днях, перечитывая комплект газеты, которую он редактировал, Адельсон обнаружил воззвание к чехам и словакам. Под ним стояла подпись: «За исполнительный комитет чешско-словацкой Коммунистической партии Ярослав Гашек».

— Скажите, пожалуйста, в каком номере это обращение было напечатано?

Максим Григорьевич раскрыл блокнот и, полистав его, ответил:

— В номере от четырнадцатого апреля 1918 года.

— Четырнадцатое апреля, — повторил я, — первая половина месяца.

Еще одно важное свидетельство! Оно как бы подтверждает, что при всех транспортных неурядицах Гашек не потратил на дорогу из Москвы в Самару около месяца, что он, не задерживаясь в столице, сразу же отправился на Волгу, где его ждали боевые дела. О них писатель говорил в «Солдате, рабочем и крестьянине».

Читаю через лупу гашековские строки. Речь идет о смертельной опасности, нависшей над Советской республикой, о братском долге чехов и словаков перед русскими пролетариями.

Гашек призывал своих соотечественников к единению с русскими товарищами по классу, говорил об общих интересах.

«Если реакционный Катилина¹ живет еще и интригует внутри России, то германский Ганнибал стоит у ворот республики.

На караул, товарищи!»

В обращении названы города, где в то время формировались чехословацкие отряды Красной Армии. Рядом с Самарой стоит Пенза.

Доходили ли гашековские строки до Пензы, где в те дни был сформирован первый чехословацкий красный полк? Этим чехословацким подразделением некоторое время командовал Адольф Шипек. Ветеран революции, недавно перенесший тяжелую болезнь, живет под Москвой. Ему прописан строгий постельный режим. Но стоило только в начале разговора назвать комиссара Гашека, как старик сразу оживился.

Доходили ли в Пензу гашековские листовки? Да, доходили. Их с интересом читали солдаты, несмотря на строжайший запрет со стороны командования чехословацкого корпуса.

Шипек видел эти листовки у тех, кто остался в России, кто связал свою судьбу с Красной Армией.

— И в этом немалая заслуга Гашека, — подчеркнул он.

¹ Катилина — политический деятель Древнего Рима периода кризиса республики. Организатор нескольких заговоров.

Тяжелая, кровопролитная весна восемнадцатого года. В разных концах Советской страны подняла голову внутренняя контрреволюция. Началась интервенция: американцы и англичане высадили десанты в Мурманске, японцы — во Владивостоке, белочехи подняли восстание в Поволжье. Это им Антанта предназначала роль ударной силы контрреволюции.

31 мая в газете «Приволжская правда» под рубрикой: «Контрреволюционное выступление чехо-словацких банд» — появилось воззвание, подписанное председателем Самарского революционного комитета В. Куйбышевым:

«Руководимые преступной рукой российской и международной контрреволюции отряды чехословаков подступают к Самаре».

На той же газетной полосе — обращение чешских коммунистов: Ярослава Гашека, Франтишека Шебеста, Иозефа Поспишила. Осуждая предательскую роль Одбочки — отделения чехословацкой Национальной рады, — они заявили:

«...Вместо того чтобы приказать чешско-словацкому войску сражаться за идею всемирной революции, рука об руку с русским пролетариатом, приказала ему ехать в капиталистическую Францию и теперь приказала ему силой продолжать путь на восток и занимать города. Мы хорошо знаем настроение всех чехов на родине, в Чехии, которые готовы идти на борьбу за победу всемирной революции, поэтому заявляем, что все чехословаки, которые участвуют в аванюре чехословацкой национальной рады, предатели всемирной революции и что им никогда чешский народ на родине не позволит вернуться домой в свободную Чехию.

Мы, чехословаки, коммунисты, призываем всех истинных чешско-словацких революционеров на защиту интересов Российской Советской Фед. Республики, до полной победы над всеми предателями всемирной революции».

В тот же день это заявление было помещено на видном месте в газете «Солдат, рабочий и крестьянин». Придавая большое значение гашековскому слову, редак-

И. Поспишил

ция печатала этот документ подряд в двух номерах.

— Мятеж в Пензе, начавшийся в конце мая, — вспоминает Адельсон-Вельский, — свалился на Гашека как снег на голову и сильно потряс его. Мы привыкли видеть чешского комиссара спокойным, разговаривающим в шутливом тоне. На этот раз ему было не до шуток. «Предатели, негодяи, — бросал Гашек гневные слова в адрес руководителей Одбочки, — они обманули солдат, толкнули их на братоубийственную войну».

После Пензы пала Сызрань, а за ней 8 июня и Самара. Что случилось с Гашеком, когда белочехи захватили город, Максим Григорьевич не помнит. Об этом мог бы рассказать Алексей Дорогойченко. Он тогда работал в Самаре председателем губисполкома и одно время по совместительству редактировал крестьянскую страничку в «Солдате, рабочем и крестьянине». Дорогойченко чаще встречался с Гашеком, лучше его знал.

Известно было, что чехословацкий красный отряд получил приказ организованно отступить из города. Гашек не ушел с ним.

Почему он остался в Самаре, Адельсон-Вельский не знает. В. Куйбышева и А. Дорогойченко нет в живых. На этот вопрос более точно еще могли бы ответить те, кто в этот день были рядом с Гашеком, — чехословацкие красноармейцы. Но многие из них погибли в боях. Да и тот, кто остался в живых, неизвестно где теперь находится.

Долго не откликался Иозеф Поспишил, тот самый Поспишил, который вместе с Гашеком подписал воззвание, опубликованное в последнем майском номере «Приволжской правды». В то время он заведовал отделом по формированию чехословацких отрядов Красной Армии,

Написал несколько писем, но ответа от И. Поспишила не получил. Позже выяснилось, что он тяжело болел. Тогда я обратился к Ивану Юрьевичу Щадею — преподавателю кафедры русского языка Брновского пединститута — с просьбой побеседовать с ветераном гражданской войны в СССР, записать его воспоминания.

Оказывается, когда был получен приказ оставить Самару, И. Поспишил вместе с комиссаром Гашеком поехал на станцию, где шла погрузка бойцов в эшелоны. Перед отправкой эшелона Поспишил вспомнил, что в «Сан-Ремо» остались важные документы. Он предложил Гашеку вернуться в гостиницу и уничтожить их. Пока Гашек с особой тщательностью выполнял это задание, белочехи заняли центр города...

Вот все, что мог сообщить старый боевой друг чешского сатирика.

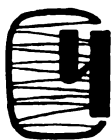

ВЫНУЖДЕННЫЕ СКИТАНИЯ

Ничего не поделаешь, — серьезно ответил Швейк. — Меня освободили от военной службы за идиотизм.

Я. Гашек.

Полоумный сын колониста

то же спасло Гашека? То же самое, что не раз спасало находчивого и смышленного Швейка: Гашек прикинулся дурачком и вышел из трудного положения.

Об этом через два года с небольшим он поведал в своем письме видному чешскому коммунисту Ярославу Салату¹:

«Неустойчивость свою я утратил в течение тридцати месяцев неустанной работы в Коммунистической партии и на фронте, за вычетом небольшого приключения после того, как братья (белочехи. — А. Д.) штурмовали Самару в восемнадцатом году и мне пришлось в течение двух месяцев, прежде чем я добрался до Симбирска, блуждать по Самарской губернии, играть печальную роль идиота от рождения, сына немецкого колониста из Туркестана, который ребенком убежал из дому и бродит по белу свету, чему верили даже хитрые патрули чешских войск, проходившие по краю».

Итак, сам Гашек объяснил, чем он в течение двух месяцев занимался после падения Самары. Оставалось только выяснить, через какие приволжские села и деревни он шел, у кого находил приют, поддержку?

Разумеется, на эти вопросы могли в первую очередь ответить те, кто помогали Гашеку укрыться от белочешских ищеек, или живые свидетели.

Но как их найти? Ведь с тех пор прошло более сорока лет. Да и могли ли они запомнить одинокого путника, просившегося на ночлег? Гашек, надо думать,

¹ Я. Салат-Петерлик был председателем чехословацкого бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б).

не представлялся Гашеком. Наоборот, он вынужден был, как и его любимое детище — Иозеф Швейк, носить маску мнимого идиота, рассказывать по всякому поводу и без повода разные забавные истории.

Немытый, нечесаный, придурковатый, с блуждающей улыбкой на лице, он бродил по селам Поволжья. Именно таким он мог запомниться волжанам.

Но опять-таки для этого нужно знать, каким путем шел Гашек из Самары в Симбирск. В письме к Салату он не назвал ни одного населенного сельского пункта.

Много путей-дорог ведут из Самары в Симбирск. По какой же из них шел Гашек? В каких населенных пунктах — русских, мордовских, татарских — он находил приют? Все это интересовало и интересует многих друзей Гашека.

Решил прибегнуть к помощи куйбышевской газеты «Волжская коммуна» и областного радио. Рассказал о цели поисков, а Радиокomitee обратился к своим слушателям с призывом:

«Может быть, среди вас найдутся люди, помнившие Ярослава Гашека по совместной борьбе в революционной Самаре? Может быть, живы те, кто летом восемнадцатого года встречал на пыльных дорогах Самарщины странника, разыгрывавшего из себя полоумного сына немецкого колониста?»

Может быть, отзовутся те, в чьих домах и избах чешский писатель находил радушие и гостеприимство, издавна присущее волжанам?»

Откликнулись немногие. Это были люди разных возрастов и профессий. Василий Лаврентьевич Трусилов, бывший боец 1-го Самарского советского полка, сообщил, что он видел Гашека на красноармейском митинге. Его представил собравшимся Валериан Владимирович Куйбышев, бывший тогда председателем Самарского ревкома. Говорил о чешском ораторе как о большом друге молодой Советской республики.

— С первого взгляда, — вспоминает В. Л. Трусилов, — нам полюбился этот замечательный человек. Голос у него был негромкий, а выступал он здорово: с шуточками, прибауточками. Весело было его слушать. А как Гашек самарскую анархию разыграл!..

— На том же красноармейском митинге?

— Нет, Раньше. Когда только в Самару приехал.

Об этой истории я узнал позже. В Самаре было много разных партий: большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы, максималисты, анархисты. Однажды Гашек попал к последним на митинг. Стоило только председателю объявить, что выступит представитель чехословаков, как зал дружно зааплодировал. А когда Гашек сообщил, что у себя на родине он состоял в такой же партии, анархисты устроили ему овацию.

После небольшой паузы Гашек заявил, что это была ошибка его молодости, что он навсегда порвал с анархистами и что чешские пролетарии, находящиеся в Самаре, будут вместе с большевиками защищать первые завоевания Октября.

Разочарованные анархисты стали прерывать оратора репликами. Посыпались угрозы. Гашек отбивался. Его остроумные ответы вызывали в зале хохот. В конце собрания он настолько овладел аудиторией, что митинг закончился победой Гашека.

Оля-огонек

Была у меня на примете одна бывшая комсомолка, теперь уже пожилая женщина, будто бы прятавшая Гашека от белочехов. В молодости ее звали Оля-огонек.

О ней рассказал Петр Минович Матко в день моего отъезда в Куйбышев.

К сожалению, ни ее фамилии, ни адреса он сообщить не мог.

В Куйбышеве поговорил с Федором Гавриловичем Поповым, журналистом и видным историком, автором книги о разгроме самарской учредилки.

— Оля-огонек... — повторил задумчиво Федор Гаврилович. — Мало ли таких Оль было тогда в комсомоле! Знали бы фамилию — ответил бы.

Набираюсь терпения. Ищу старых самарских коммунистов и комсомольцев. В Куйбышеве их по пальцам можно перечесть. Многих, кто остался в живых, судьба разбросала по городам и весям.

Поговорил с теми, кто осел на Волге, но получил примерно такой же ответ, как и от Федора Гавриловича.

Обратился в областной комитет партии. Там мне посоветовали поговорить с В. А. Кожевниковой, старшим редактором книжного издательства: Кожевникова, дес-

кать, готовила сборник о гражданской войне в Самарской губернии, ей и карты в руки.

— К сожалению, я ничего не знаю об Оле-огонек, — ответила В. Кожевникова. — Но если вас интересуют материалы о Гашеке, то могу подсказать, где они лежат. Совсем недавно редакция нашего альманаха «Волга» получила статью о пребывании чешского писателя в Самаре. Ее прислала старая большевичка не то с Урала, не то с Украины.

Редакция «Волга» находится на одном этаже с областным книжным издательством. Там подтверждают, что воспоминания о Гашеке были получены, но редколлегия не смогла их использовать.

Прошу разрешения ознакомиться с рукописью.

— Мы возвратили ее автору — Миненко-Орловской, — спокойно отвечает секретарь редакции.

Сохранился ли ее адрес? Через полчаса получаю его: Черкасская область, Корсунь-Шевченковский район, село Стеблев.

— Автор приезжала в Куйбышев?

— Нет. Рукопись приносила в редакцию ее родственница — Нина Васильевна Каноныкина. Живет она в нашем городе, в серых домах.

Вечером того же дня — я у Каноныкиной. Рассказываю, зачем пришел.

— Я в курсе дела, — ответила, улыбаясь, Нина Васильевна. — Читала воспоминания племянницы. Она ведь хорошо знала Гашека.

— А с чего началось это знакомство?

Нина Васильевна объяснила, что Олин дядя, Николай Павлович Каноныкин, преподававший словесность в Бузулукской гимназии, однажды познакомился в Тоцком с лагерным юмористом. Ему, человеку, близкому к литературе, захотелось вызволить Гашека из неволи. Каноныкин уговорил отца Миненко-Орловской, деятеля Бузулукской земской управы, взять чешского литератора, отлично знавшего немецкий язык, в свою семью в качестве домашнего учителя.

Пока велась переписка между земством и лагерной администрацией, Гашек успел записаться в legionеры и уехал в Киев, где создавались чешские полки.

Когда Гашек снова попал на Волгу, в Самару, знакомство с Каноныкиным возобновилось. Но встречались

они редко: Гашек был большевиком, Каноныкин — ярым учредителем.

После того как белочехи захватили Самару, Гашек пришел на каноныкинскую дачу.

— Это Оля, наша Оля-огонек предоставила ему убежище, — продолжала Нина Васильевна. — Она при большевиках в газете работала.

— Как вы называли Миненко-Орловскую?

— Оля-огонек. Так у нас ее звали.

Вот все и выяснилось. Теперь я уже точно знаю ее фамилию, имя и отчество.

Оля познакомилась с Гашеком за несколько недель до появления его на даче. Познакомилась в редакции газеты «Солдат, рабочий и крестьянин».

Однажды, вернувшись из поездки в деревню, она прямо с вокзала вместе с Николаем Кочкуровым (будущим писателем Артемом Веселым) направилась в редакцию. Там, кроме юного сотрудника, она застала двух военных. Один из них оказался Ярославом Гашеком. Между чешским писателем и юношей шел оживленный разговор о литературе, и в частности об отношении к творчеству Льва Толстого. Гашек говорил о большой ценности его литературного наследия для победившего пролетариата, юноша же пытался развенчать Толстого, доказывал обратное.

Желая помочь юноше, Николай Кочкуров тут же ринулся в бой и получил от Гашека достойный отпор. Спокойный тон, точные и меткие реплики вывели Николая из равновесия: он, хлопнув дверью, вышел из редакции.

— Оля осталась, она не ушла за ним, — продолжала Нина Васильевна. — Гашековская логика и умение вести спор произвели на нее сильное впечатление. Последняя их встреча состоялась на даче в Зубчаниновке. Это строение, в котором скрывался великий сатирик, сохранилось. Его вам охотно покажет мой муж, Михаил Павлович, младший брат Каноныкина. Он сейчас на курорте, вернется к концу недели.

Я дождался возвращения Каноныкина, и мы вместе побывали в Зубчаниновке. Того дачного строения, которое хотел он мне показать, уже не было. На его месте стояла одинокая труба.

— Вот здесь Оля прятала Гашека, — подтвердил Михаил Павлович.

Я настолько обрадовался этому сообщению, что на другой же день объявил читателям «Волжской коммуны» о том, что «установлен первый населенный пункт на пути скитаний Ярослава Гашека от Самары к Симбирску. Это — Зубчаниновка»¹.

Позже выяснилось, что я поторопился. Оказывается, в Зубчаниновке Н. Каноныкин жил не в восемнадцатом, а в двадцать первом году. И Гашек, разумеется, там не мог скрываться. Эту существенную поправку внес сам Михаил Павлович.

«Насчет Зубчаниновки, — писал он мне, — я ошибся. Брат приобрел там дом значительно позже. В июне восемнадцатого года он жил в поселке под названием «Дачи», неподалеку от того места, где я теперь живу. Об этом сообщила Миненко-Орловская. Она ждет вашего письма»,

Внук Дементьевны

Ольга Ксенофонтовна не заставила себя долго ждать. Она быстро откликнулась на мое письмо. Теперь с ее слов я узнал, что, когда белочехи находились в Самаре, она вместе со своей старенькой няней, Дементьевной, жила на пустующей каноныкинской даче. Сюда с часу на час должен был явиться человек, выдающий себя за полоумного сына немецкого колониста из Туркестана.

Девушка посвятила няню в свою тайну. Если кто-нибудь поинтересуется гостем, она должна разыграть роль бабушки не совсем нормального внука, приехавшего из Ташкента, где в молодые годы Дементьевна работала на текстильной фабрике.

Гость появился на даче, когда начало темнеть.

— Разрешите представиться, — произнес он негромко. — А где моя нареченная бабушка? Не мешает облобызаться с ней публично, поскольку я уже привлек внимание дикарки из племени зевак (он жестом показал в

¹ «Волжская коммуна», № 181 от 31 июля 1960 г. «Этим ли путем шел Ярослав Гашек?».

О. К. Миненко-Орловская

сторону глазающей толстой купчихи, выглядывавшей из окна соседней дачи).

На зов девушки Дементьевна выбежала к своему «внуку». Тот звонко поцеловал ее в обе щеки, и встреча состоялась.

«С тех пор как гость переступил порог нашего дома, — писала Миненко-Орловская, — у меня все время возникало чувство, будто я где-то видела его и даже будто с ним было связано что-то приятное в моей жизни.

Раздумывая над этим, я побежала в погреб за закуской. А когда я вернулась и отворила дверь в столовую, гость уже сидел за столом в дядиной пижаме. И вдруг, точно молния блеснула: редакция, чешский комиссар Красной Армии, спор о Льве Толстом...

Я выронила из рук банку со сметаной: «Гашек!»

В это время залаяла собака. Я выглянула в окно. Во двор входил чешский офицер в сопровождении двух солдат. Старший лейтенант шел как подагрик. Было видно, что он основательно выпил.

— Что вам угодно, господа? — спросила я, спускаясь с крыльца.

— Проверка документов.

Я объяснила, что это дача члена самарского правительства и что, кроме меня, бабушки и ее дефективного внука, который пришел ее навестить, здесь никого больше нет.

— Желаю глядеть. — И офицер занес ногу на ступеньку.

Я загородила ему дорогу: «Не имеете права, наш дом неприкосновенен. Мы будем жаловаться». А дальше все произошло в чисто швейковской манере: дверь за моей спиной отворилась, солдаты переглянулись и прыснули со смеха. На пороге стоял Гашек. Босой.

В пижаме и подштанниках. Вытянувшись во фронт, он прикладывал руку к непокрытой голове и сиял, как полуденное солнышко.

— Бог знает, господа, как это чертовски трогательно. Лежу я, отдыхаю с дороги и вдруг слышу, как ангельскую музыку, ваши чешские голоса. Вы, конечно, ко мне от господ Чечека и Власака? Не дальше как сегодня утром я послал им рапорт о спасении офицера доблестного чешского войска. И вот вы уже здесь! Осмелюсь спросить, какой награды удостоили меня их превосходительства за спасение чешского офицера и в какой батальон меня приказано зачислить?

Офицер был явно ошарашен. Я предложила ему зайти в гостиную. Оставив солдат у двери, он молча последовал за Гашеком в дом.

— Теперь, господин обер-лейтенант, я имею честь подробно доложить вам о своем подвиге. — Гашек поднялся, снова встал навтыяжку перед офицером. — Всю жизнь я мечтал совершить что-нибудь героическое. Хотел поступить в солдаты. К белым просился — не взяли. К красным просился — не взяли. Давай к чехам попросись, помогу им русскую кашу расхлебать...

— Ближе к делу, — оборвал офицер.

— Сижу я на станции Батраки и гляжу, из вокзального ресторана выходит чешский офицер, на ногах еле держится и прямо направляется в сортир, из которого я только что вышел. Ну, думаю, на ловца и зверь бежит. Я, конечно, обратно. Сажусь под дверью и сам говорю себе: «Потолкуй-ка ты, молодец, вот с этим чином. Это тебе не повредит, а с человеком под градусами всегда договориться легче». Сижу я десять, двадцать, тридцать минут — не выходит офицер.

В том же тоне Гашек рассказал, как он спас обер-лейтенанта, провалившегося в нужник, как требовал у коменданта награды за свой подвиг.

— Прошу у коменданта бумагу про спасение офицера, опираюсь на свидетелей, а он гонит и меня, и свидетелей. Ничего, говорю себе, волноваться я не буду. Дойду до Самары, до самих господ Чечека и Власака. Пускай проверят, спасал я или нет чешского офицера на станции Батраки. Хочу переговорить с вашим начальством с глазу на глаз. Хочу от него благодарность получить. Пойдемте.

— Сидите дома! — рявкнул обер-лейтенант и поспешил к выходу.

Гашек за ним.

— Я пойду, — упорствовал он. — Я расскажу вам еще один героический случай, который произошел со мной.

— Уберите его! — обратился ко мне офицер. — Куда он прет за мной в подштанниках?

Обер-лейтенант прибавил шагу и вышел за калитку. За ним последовали насмеявшиеся до слез солдаты.

Я взяла Гашека, который делал вид, что хочет следовать за обер-лейтенантом, за рукав и потащила в дом.

— Вы — великий артист, — сказала я ему.

На рассвете Гашек покинул каноныкинскую дачу.

У Эмилия Чопп

Куда же ушел из Самары Гашек? Через какие населенные пункты пробивался к своим?

Эти и другие вопросы оставались загадкой не только для меня, но и для Миненко-Орловской.

Несколько раз я внимательно рассматривал карту бывшей Самарской губернии. Она была с ятями и твердыми знаками. Карту где-то раздобыла В. А. Кожевникова, исходившая в молодости пешком многие села и деревни Поволжья.

Сидя над картой, мы рассуждали.

— А может быть, он шел через Кошки? — спрашиваю я.

— Нет, нет, — возражает Вера Александровна. — Кошки надо исключить. Там жили немцы-колонисты, и вряд ли Гашек, называвший себя сыном немецкого колониста из Туркестана, заявился бы туда. Скорее, он держал бы путь на Елховку или на Красный Яр, а может быть, на Малую и Большую Каменки. Там жил народ дружный, революционно настроенный.

Населенные пункты, названные Кожевниковой, я записал, но так же, как и она, не был уверен, что это именно те самые села и деревни, через которые в далеком восемнадцатом году шел Ярослав Гашек.

Однако здесь придется сделать небольшое отступление и забежать несколько вперед. Расскажу об ин-

тересной встрече в Челябинске. Она в известной мере объясняет, почему Гашек во время своих вынужденных скитаний выдавал себя за туркестанца.

Просматривая комплект газеты «Солдат, рабочий и крестьянин», я невольно обратил внимание на воззвание, адресованное южным славянам, проживающим в Самаре. Под ним стояла знакомая подпись: «Чопп, член окружной секции по формированию югославянских советских войск».

Со старым большевиком Э. Чоппом, живущим сейчас в Челябинске, я познакомился несколько лет назад в читальном зале Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Тогда нас «свел» Олеко Дундич. Я собирал о нем материалы, и Эмилий Михайлович, лично знавший Дундича еще по службе в сербском корпусе, рассказал много ценного.

Интересно, встречался ли он с Гашеком в Самаре? Посылаю заказное письмо в Челябинск. Оно вскоре возвращается с почтовой наклейкой: «Адресат выбыл».

Куда же он мог выбыть? Звоню в Челябинский городской комитет партии. Там о старом большевике должны знать. Выяснилось, что Чопп лишь переехал с одной улицы на другую.

Я давно собирался в Челябинск. Хотел поработать в местных архивах и заодно повидать своего старого знакомого.

С аэродрома еду прямо к нему. После взаимных приветствий выясняется, что Чопп был не только знаком с Гашеком, но и дружил с ним. Оба они в Самаре формировали отряды: Гашек — чехословацкий, Чопп — югославский. Оба после мятежа несколько месяцев скрывались от белочехов. Долго друг о друге ничего не знали. Встретились уже осенью девятнадцатого года в Челябинске, в политотделе армии. Гашек там заведовал иностранной секцией. То, что мне рассказал Эмилий Михайлович, оказалось более интересным, чем я мог предположить.

...Ночевал Чопп у Ярослава Гашека. Долго не могли уснуть, рассказывали друг другу о пережитом: Чопп — о боях с Юденичем за Петроград, Гашек — о своих скитаниях по заволжской земле. С его слов, Чопп помнит, что Гашек держался подальше от железной дороги, от крупных станций и пристаней, где шныряли чешские

патрули. Питался тем, что дадут, ночевал там, куда пустят. Жил среди русских, мордвинов, татар. Хвалил их за радушие.

Все время был на людях. Если кто начинал придира- раться к нему, находились сердобольные, они заступали- лись за «богом обиженного немца».

— Скажу откровенно, — рассказывал Эмилий Ми- хайлович, — сначала мне было непонятно, зачем Гашеку надо было представляться сыном немецкого колониста, пусть даже идиотом. Когда я высказал Ярославу свои сомнения, он рассмеялся: «А кем я, по-твоему, должен был представляться? Чехом? За мной охотились, меня бы узнали и, как «своего», вздернули бы на первом суку. Русским? Русский язык я знаю, с малых лет учил, но меня выдал бы акцент. Решил: стану сыном немец- кого колониста, идиотом от рождения. Немецким язы- ком, как ты знаешь, я владею не хуже родного. Патру- ли верили, что я из Туркестана».

— Почему из Туркестана? — спросил я.

— Почему из Туркестана? — повторил Чопп и за- думался.

И тут же вспомнил, что газету «Солдат, рабочий и крестьянин», где они оба печатались, редактировал Гри- горий Цвиллинг. До Самары он долгое время жил в Туркестане. В разговорах с Цвиллингом Гашек всегда проявлял повышенный интерес к малоизвестному ему краю. В ту пору в Туркестане была Советская власть, и, если бы белочехи захотели проверить, правду ли го- ворит «бродяга», они бы ничего не добились.

Говорил ли Гашек о населенных пунктах, через ко- торые шел? Может быть, и говорил. Но Чопп ни одного названия не запомнил.

— А про Камышлы не было разговора? (Это село мне назвал работник бугульминского музея. Там будто бы Гашека прятал сапожник М. Даблейшин.)

— Нет, не слышал...

Списался с редакцией районной газеты: в Камыш- лах Даблейшина не оказалось.

Встречи на дорогах

Кроме бывшего поселка «Дачи», вошедшего теперь в город Куйбышев, я многие месяцы не мог нанести на карту ни одного населенного пункта, где бы скрывался

Гашек. Не мог до тех пор, пока не познакомился с кандидатом филологических наук С. И. Востоковой, изучающей творчество чешского сатирика.

Востокова начала с географии.

— Про Большую Каменку слышали? — спросила она и, не ожидая, что я отвечу, сообщила, что именно в этом селе после падения Самары скрывался Гашек. Это известно с его слов.

— Кто может подтвердить, есть ли свидетели?

— Есть один. Он живет близ Праги и заслуживает полного доверия. Это — Климент Штепанек, бывший секретарь Гашека. Ему тяжело больной писатель диктовал свои воспоминания о самарских скитаниях, состоящие из трех небольших глав.

Эти записи много лет спустя нашел в архиве сатирика пражский литературовед Здена Анчик.

Летом двадцать первого года Гашек, живя в Липнице, решил как бы отметить третью годовщину своих скитаний по заволжской земле: он вспомнил добрым словом тех, кто оказывал ему гостеприимство, кто делился с ним последним куском хлеба.

«В это тяжелое время, когда мне на каждом шагу грозил «мат», — диктовал Гашек, — я решил, что наиболее безопасно будет отправиться на северо-восток, в Большую Каменку. Там живет часть поволжской мордвы. Этот народ добродушный и весьма наивный.

Когда я шел на северо-восток, меня по дороге догнал один мордовский крестьянин и, поравнявшись, спросил:

— Куда идешь, душа дорогая? — И он остановил свой воз, на котором были кочаны капусты.

— Прогуливаюсь, — ответил я.

— Ну что ж, — сказал мордвин. — Прогуливайся, голубчик. В Самаре казаки народ режут, страшные дела там творятся. Садись на воз, поедем дальше.

Мордвин посмотрел на меня, и по его глазам я понял, что он догадался о моем бегстве из Самары.

— Так, — продолжал он, — ты выбрал себе на дорогу прекрасную погоду. Среди мордвы ты спрячешься, пока все это пройдет. Только остерегайся кулаков. Через два-три дня здесь будут уже разъезды оренбургских казаков. Наши говорят, что они сейчас находятся у Бузулука, а с другой стороны кто-то еще движется

на Ставрополь. Ночью там была слышна артиллерия и видно было большое зарево от пожара... Ну ладно, давай закурим. — Он вынул из кармана кисет с махоркой, в который была засунута бумага. Мы закурили. Разговор продолжался.

— А ты чей будешь? — спросил крестьянин. — Изда-лека?

— Издалека, дядечка.

— У вас тоже бои идут?

— У нас все спокойно...

Возница посоветовал уйти за Волгу.

— Там собирают большие силы, против этих, самарских... Но ты, голубчик, не бойся: к вечеру доедем к нам, я тебе одежду дам, а утром пойдешь дальше на Большую Каменку. Ищи себе заработков. Всему научишься, а потом уж как-нибудь пробьешься к своим.

Все это описано Гашеком в первой главке «Юбилейных воспоминаний». Вторую он начал так:

«Утром меня бы уже никто не узнал, когда я двинулся дальше на северо-восток. К полудню я дошел до какой-то татарской деревни, прошел ее. За деревней меня догнал какой-то татарин и быстро спросил: «Бежишь?»

После этого он сунул мне в руки краюху хлеба и пожелал на дальнейший путь «салям-алейкум».

Приблизительно через полчаса меня догнал другой татарин с той же деревни. На ломаном русском языке он посоветовал свернуть с дороги и идти в сторону леса. Потом спуститься вниз к реке. При этом он несколько раз повторил: «Казак». «Дорога». «Казак». При прощании он дал мне пакетик махорки, коробочку спичек и немного бумаги. Он сказал: «Татарин — бедняк, генерал — сволочь».

У опушки леса я съел краюху хлеба. Неподалеку от меня, в траве, происходило примерно то, что и в Самаре. Толстый муравей пожирал маленького муравейчика, который еще минуту тому назад тащил кусок коры к общественной постройке нового гнезда».

Встречи на дорогах! Чего только не видел и не слышал здесь Гашек! И братское сочувствие, и дружеский совет, как добраться до Большой Каменки, чтобы не наткнуться на врага.

А какие замечательные люди попадались ему на пути! Крестьянин-мордвин подарил ему свою одежду, бедняк-татарин поделился с ним куском хлеба.

Последняя неоконченная главка «Юбилейных воспоминаний» посвящена селу Большая Каменка.

Гашек попал в гостеприимную мордовскую семью. Его усадили за стол, на котором стояла большая миска с картофельным супом.

«Хозяйка принесла деревянную ложку, положила ее передо мной и пригласила меня сесть со всеми вместе. Хозяин подвинул ко мне хлеб и нож. Никто меня ни о чем не спрашивал. Добродушные физиономии мордвин не выражали излишнего любопытства».

Когда все поели, хозяин сказал гостю, что он будет спать на чердаке. Потом он спросил его: «Умеешь обжигать кирпичи?» Гашек на всякий случай ответил: «Умею».

На этом записи, сделанные рукой секретаря Гашека, обрываются.

Однако при всей лаконичности незаконченного рассказа он все же явился для меня вехой к поискам.

Уточнив по карте, что Большая Каменка относится к Елховскому району, Куйбышевской области, посылаю срочный запрос в редакцию елховской газеты «За высокий урожай».

Тешу себя надеждой, что с помощью елховских журналистов удастся установить фамилию, имя и отчество крестьянина, приютившего Гашека.

Что было известно об этом человеке, спасшем писателя? По национальности он мордвин («добродушные физиономии мордвин не выражали излишнего любопытства»), многосемейный (большая миска на столе), имел какое-то отношение к производству кирпича («умеешь обжигать кирпичи?»).

А чем Гашек мог запомниться крестьянину, его детям или тем, кто жил по соседству с ним? Своей наружностью? Он был круглолицым, коренастым, темно-волосым. По одежде в нем легко угадывался горожанин (хозяин обратил внимание, что лапти он завязывает не так, как местные жители), по выговору его можно было безошибочно отнести к иностранцу.

Все эти и другие «приметы» были сообщены редакции газеты «За высокий урожай». Вскоре я получил из Елховки записку:

«Уважаемый Александр Михайлович! Кое-что удалось узнать о пребывании Ярослава Гашека в Большой Каменке. Литературный поиск продолжается. С завершением сообщим все подробности.

С горячим приветом, зам. редактора газеты «За высокий урожай» И. Поляков».

Обнадеживающий ответ. В нашем деле даже «кое-что» значит немало. А тут еще обещанные подробности.

Но вот проходит неделя, месяц, другой, а подробности из Елховки не поступают.

«Не остыл ли товарищ Поляков? — думалось мне. — Сначала взялся горячо, опросил часть старожил, узнал кое-что от них, а потом нахлынули другие дела, и он забыл про Большую Каменку, про Гашека, про крестьянина-мордвина, что приютил писателя».

Однако напрасно я так думал: Поляков не остыл. В этом я убедился, когда попал в Елховку. Вместе с Иваном Никифоровичем Поляковым едем на место.

Большая Каменка и в самом деле большая — несколько сот дворов. Село наполовину русское, наполовину мордовское. В день нашего приезда в контору колхоза пришли послушать, что писал Гашек о Большой Каменке, все сельские старожилы.

Старейший из них называет несколько фамилий тех, кто в восемнадцатом году обжигал кирпичи. Все русские фамилии.

— А кто из мордвы занимался этим делом?

Называют еще несколько хозяев, живших в окрестных селах.

— А кто обжигал кирпичи в Большой Каменке? — уточняет Поляков.

Наступила пауза.

— У нас этим занимался, — заявил с места учитель Тюмкин, — Дорогойченков. Звали его Яковом Федоровичем.

Учителю возражает счетовод колхоза:

— Яков Федорович писарем работал, с кирпичом дела не имел.

— Имел, — убежденно говорит учитель. — В восемнадцатом году в селе школу строили. Яков Федорович

от общества постройкой руководил. Кирпича не было, рабочих рук тогда не хватало. Он и мог у иностранца спросить: «Кирпичи обжигать умеешь?» Да и по другой статье он подходит — многосемейным был, возле миски всегда много едоков собиралось: Яков Федорович с женой, четыре дочки и пятеро сыновей. Говорят, какой-то иностранец у него прятался. Это Николай Иванович Фадеев может подтвердить.

Н. И. Фадеев, парторг второй колхозной бригады, сосед Дорогойченкова, действительно помнит, как однажды дядя Яков попросил его, когда стемнеет, отнести в старую баню горячий картофель.

— Там не то чех, не то немец прятался, — вспоминает Николай Иванович. — Одет он был по-мордовски, а говорил по-русски. Правда, ломано. Может быть, это и был Гашек? Я у него тогда фамилии не спрашивал. Помню только, что он от белых чехов прятался. А когда каратели в Большую Каменку пришли, они посадили Якова Федоровича под арест и шомполами пороли. Били за то, что он Советскую власть всей душой поддерживал, за то, что красного чеха прятал и помог ему уйти из Большой Каменки.

Николай Иванович пришел позже других и не присутствовал при громкой читке «Юбилейных воспоминаний». Надо было видеть, с каким интересом он читал гашековские строки.

— Все ясно! — воскликнул он. — Гашек еще в Самаре решил идти на северо-восток, в наше село. Кто же ему посоветовал держать курс на Большую Каменку? Догадываюсь! — И широкая улыбка расплылась по его лицу. — Путевку дал ему Алексей Дорогойченко — сын Якова. Он в конце своей фамилии букву «в» опустил. Тоже коммунист и тоже писатель. О родном селе целый роман сочинил. «Большую Каменку» — его книгу — вы, должно быть, читали?

К концу беседы все сошлись на том, что человеком, приютившим Гашека, был Яков Федорович Дорогойченков, старый коммунист, патриот, большой души человек.

Жаль, что он не дожил до того дня, когда до Большой Каменки дошли гашековские «Юбилейные воспоминания».

ЯРОСЛАВ РОМАНОВИЧ

Я получил свои документы и кипу мандатов, в которых указывалось, что любой гражданин, попавшийся мне на пути из Симбирска в Бугульму, обязан оказывать мне всяческое содействие.

Я. Гашек.

На консультации у генерала

В письме к Ярославу Салату Гашек назвал Симбирск как конечный пункт своих двухмесячных скитаний по Поволжью, как место, где он вступил в 5-ю Красную Армию и откуда вместе с ней прошел весь ее героический путь на восток.

Однако знакомый уже читателю Петр Минович Матко при составлении моей «маршрутки» не рискнул нанести на кальку Симбирск.

— Там о Гашеке ничего не сохранилось.

Из Большой Каменки меня все-таки потянуло в Ульяновск, бывший Симбирск. Я очень рассчитывал на человеческую память.

Начинаю с областного партийного архива. Его заведующая, Галина Евгеньевна Шитова, охотно согласилась еще раз порыться в фондах гражданской войны — нет ли там чего-либо о Гашеке.

К сожалению, после тщательной проверки ничего не оказалось. Значит, прав был всеведущий Матко. Досадно. А тут еще письмо от историка Ф. Г. Попова, посланное мне вдогонку из Куйбышева.

«Самара была захвачена белочехами 8 июня 1918 года, — напоминал он. — Гашек после двухмесячных скитаний мог добраться до Симбирска лишь в первой половине августа. Но этот город, как известно, был взят белыми 22 июля и находился в их руках до 12 сентября того же года. Когда же мог прийти сюда Гашек? Либо до 22 июля, либо после 12 сентября, когда Симбирск

был освобожден войсками 1-й Красной Армии, то есть не через два, а через три месяца и пять дней.

Вот загадка! Может быть, вы, находясь в Ульяновске, попробуете ее разгадать?»

И в самом деле, зачем Гашеку было идти в Симбирск, захваченный теми, кто так рьяно охотился за ним? Да и срок — три месяца и пять дней — кажется слишком большим для пребывания в тылу у белых. Фронт тогда не представлял собой сплошной линии. Бои шли главным образом за крупные населенные пункты, за важные в стратегическом отношении железнодорожные станции и речные пристани. Почему же писатель так долго пробивался к своим?

Галина Евгеньевна порекомендовала проконсультироваться с генералом Н. И. Корицким. В восемнадцатом году Николай Иванович занимал видный пост в 1-й армии, участвовал в боях за Симбирск. Теперь он в отставке. Вчера приехал из Москвы на Всесоюзный слет юных туристов.

Генерала я разыскал у Волги, в одной из брезентовых палаток пионерского лагеря.

— Я допускаю, — сказал он, подумав, — что Гашек мог явиться в Симбирск вскоре после того, как в газетах была напечатана ленинская телеграмма. Могу повторить ее первые строки наизусть: «Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны». Так писал Ильич...

Но его телеграмма была адресована бойцам 1-й армии, а Гашек, как известно, вступил в 5-ю армию.

— Здесь ошибки нет, — объяснил генерал. — 5-я армия вела бои на подступах к Симбирску. Вполне возможно, что не здесь, а, скажем, в Мелекессе Гашек вступил в ее ряды. Вместо малоизвестного посада он назвал губернский город. Ведь жители Серпухова, к примеру, величают себя москвичами, хотя и живут от столицы почти за сто километров. Кстати, в Москве вам следовало познакомиться с ветеранами 5-й армии. Советую в первую очередь поговорить с Василием Васильевичем Сорокиным, Елизаветой Яковлевной Драбкиной, Сергеем Михайловичем Бирюковым.

С одним из них, с С. М. Бирюковым, я уже виделся в Москве незадолго до поездки на Волгу.

С. М. Бирюков

Большевик с тринадцатого года, депутат Московского Совета первого созыва, председатель его хозяйственной комиссии, он, по роду своей службы, часто бывал у военного комиссара Москвы. Именно у него Сергей Михайлович в первый раз встретил Гашека. Тот пришел в военкомат с запиской от председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, чтобы получить необходимое ему красноармейское обмундирование.

— Было это в марте восемнадцатого года. От военного комиссара вышли вместе, а через час, побродив по

московским улицам, считали себя, как это часто бывало в революционные годы, закадычными друзьями: перешли на «ты», называли друг друга по имени.

Жаль, что я не спросил тогда у Ярослава, где и при каких обстоятельствах он познакомился со Свердловым, — посетовал Бирюков. — Известно, что Яков Михайлович был человеком общительным: принимал интернационалистов и на службе, и в гостинице, где он тогда жил. При всей своей занятости он выкраивал время для посещения собраний, где шли тогда горячие дискуссии. На Арбате собиралось чешское землячество, и возможно, что там Гашек впервые увидел Свердлова.

Бирюков тогда еще не знал о книге В. Менгера «Ярослав Гашек пленный № 294217». Вышла она в Праге в двадцатых годах.

Попав в восемнадцатом году в Москву, Гашек, как об этом писал Менгер, поселился у бывшего учителя Романа Якла, державшего на Арбате «Пражскую колбасную», куда приходили и коммунисты-чехи и реакционно настроенные офицеры, переодетые в штатское.

Однажды сюда зашел Свердлов. После встречи с

ним Гашек ушел к большевикам и больше не возвращался к Яклу.

На следующий день к хозяину колбасной явился красноармеец с гашековской запиской. На вопрос Якла, что случилось с его квартирантом, красноармеец ответил: «Товарищ Гашек вступил в Красную Армию».

Сергей Михайлович задумался.

— Возможно, они познакомились в другом месте — в редакции чехословацкой газеты, — продолжал Бирюков. — В ту пору в Москве выходили газеты на разных языках: венгерская для венгров, польская для поляков, сербская для сербов. Издавалась газета и для чехов и словаков. Ее редакция помещалась в гостинице «Европа» на Неглинной. Названия газеты не помню, но, что такая выходила, — это точно.

Получив обмундирование и необходимые документы, Гашек уехал на фронт. Бирюков остался в Москве. Встретились они примерно через год. Сергей Михайлович был тогда назначен членом Ревтрибунала Восточного фронта, в который входила 5-я армия.

О, это была интересная встреча!

Домик на Московской

О ней Бирюков рассказывал со всеми подробностями. Вместе с Гашеком он был на Московской улице, в домике, в котором прошли детские и гимназические годы Владимира Ильича Ленина. С разрешения квартирантов (там жила семья инженера, строившего мост через Волгу) они обошли все комнаты, поднялись в детскую, где жил Володя Ульянов. Выйдя из дому, несколько минут молча сидели в беседке, окруженной кустами сирени, — там, где обычно по вечерам отдыхала семья Ульяновых.

Сергей Михайлович рассказывал Гашеку о ленинских поручениях, которые он в разное время выполнял. Гашек внимательно слушал, не перебивал. Особенно ему нравились ленинская простота и скромность.

— Я рассказал о митинге в Лефортовском районе Москвы, — продолжал Бирюков. — Было это так. Никому не представившись, Ленин занял место где-то в конце плохо освещенного зала. Рядом с ним оказался работник Центросоюза Чуланов.

Ему показалось подозрительным, что незнакомец все время посматривает по сторонам. Чуланов уже собрался потребовать у него документы, но в зале зажегся свет. Раздались возгласы: «Ильич! Ильич!»

Гашека эта история позабавила: «Ну и чудак, этот Чуланов! Чуть было Ленина не арестовал».

Все рассказанное С. М. Бирюковым я записал со стенографической точностью. Получилось несколько интересных страничек. В Ульяновске я их прочел Галине Евгеньевне Шитовой. Для нее все это было новым, интересным. Но в одном она усомнилась. В девятнадцатом году дом Ульяновых еще не был домом-музеем. Он стал им значительно позже. О доме на Московской в городе знали считанные люди, и поэтому трудно представить, как это двое приезжих — Гашек и Бирюков — так легко обнаружили дом Ульяновых, да еще и беседовали с каким-то инженером.

А что, если его поискать в городе? Не помнит ли старик чешского писателя и русского командира, приходившего в девятнадцатом году на Московскую?

Позвонил в дирекцию Дома-музея В. И. Ленина. Интересуюсь: кто в первые годы революции жил в этом доме? Называют фамилию Мерло. Жив ли он? Не знают. Где находится семья Мерло — неизвестно. На этот раз на помощь пришел начальник паспортного отдела ульяновской милиции. Выяснилось, что в городе есть только один человек с такой фамилией. Зовут его Виктор Гаврилович. Год рождения 1871.

Возраст вполне подходящий. Направляюсь по адресу: улица Можайского, 8.

Стучу в дверь. Глухой женский голос: «Кто здесь?» — «Виктор Гаврилович дома?» — «К нему нельзя». Но стоило объяснить, зачем я пришел, как дверь раскрылась, и на пороге показалась женщина преклонных лет — Эмилия Ивановна Мерло.

Начал с наводящих вопросов: «Давно ли ваша семья в Ульяновске?» — «С одиннадцатого года. Муж строил мост через Волгу». — «Где жили?» — «По Московской, в бывшем доме Ульяновых».

Побеседовать с Виктором Гавриловичем не удалось: он был тяжело болен. Его жена, Эмилия Ивановна, предложила мне прочесть статью мужа, написанную несколько лет назад на листках из ученической тетради.

Мерло указывал, что, после того как в московских и местных газетах была напечатана телеграмма Владимира Ильича бойцам 1-й армии, в домик на Московскую началось паломничество. Приходили красноармейцы, рабочие, крестьяне из окрестных сел. В двадцатых годах здесь бывали иностранцы: чехи, сербы, французы...

Инженер Мерло в своих записях не называл чешского писателя. Он, конечно, не спрашивал фамилий тех, кто бывал в доме. Мог быть среди посетителей и знаменитый сатирик.

Коль речь зашла о литературе, Эмилия Ивановна посоветовала сходить в областную библиотеку: «Там что-то о Гашеке, кажется, имеется».

Книга без выходных данных

«Что-то о Гашеке!» Но и «что-то» человека ищущего может зажечь. Из домика на Московской «держу курс» на областную библиотеку. От ее главного библиографа узнаю любопытную историю, связанную с Гашеком.

Началась она с того, что к старшему редактору ульяновского издательства А. И. Цареву, который слышит среди местных книжников большим гашеколюбом, однажды явился старик со сборником фельетонов и рассказов Я. Гашека, изданным на русском языке. В книге были юморески о Заволжье. Посетитель объяснил, что он получил эту книгу в сороковом году от сына — бойца Красной Армии, участвовавшего в освобождении Прибалтики.

Прочитав сборник, Царев готов был тотчас включить его в план переизданий. Останавливало отсутствие последней страницы с выходными данными. Неизвестно было также, кто переводил гашековские фельетоны и кто их издавал. Это насторожило ульяновских издателей. Через областную библиотеку они послали запрос в Москву. Из Библиотеки имени В. И. Ленина пришел лаконичный ответ: «Такая книга в Советском Союзе не издавалась».

Тогда упорные ульяновцы обратились во Всесоюзную библиотеку иностранной литературы. Тот же ответ. Запросили Всесоюзную книжную палату. Ее издательство выпустило в 1959 году био-библиографический указ

затель произведений Гашека. И снова неутешительный ответ.

После того как ни одна из московских библиотек не подтвердила авторства Гашека, книгу вернули ее владельцу, и на этом поставили точку.

История с загадочным сборником меня заинтересовала. Побывал у Царева, попытался получить у него адрес старика, владельца книги. Выяснилось, что в областном издательстве не записали ни фамилии, ни адреса человека, приносившего книгу.

Царев решил, что этот промах можно исправить. Вместе составляем объявление для областной газеты «Ульяновская правда». Просим владельца книги незамедлительно зайти в областное издательство.

Откликнулся ли старик — не знаю. Я покинул Ульяновск, когда объявление еще не было напечатано. Перед отъездом послал на всякий случай запросы в Ригу, Вильнюс и Таллин — издавались ли там гашековские рассказы на русском языке до 1940 года?

«Дать срочно отзыв о тов. Гашеке»

Все же не зря я съездил в Ульяновск: разыскал инженера Мерло, вовлек в поиски Шитову и Царева, встретился с генералом Корицким, получил от него новые адреса.

Вернувшись в Москву, звоню Василию Васильевичу Сорокину. Дома его не застал — он был на курорте. С курорта в тяжелом состоянии Сорокин попал в больницу. Ему было не до воспоминаний. Нашу встречу пришлось отложить.

Зато с Елизаветой Яковлевной Драбкиной встретился сразу.

Гашека она впервые увидела на вечере красноармейской самодеятельности в селении, названном «Новый Порт-Артур», расположенном между Казанью и Симбирском. Там стояли войска, входившие в левобережную группу только что родившейся 5-й Красной Армии. Когда программа вечера уже подходила к концу, человек в старой, заношенной немецкой куртке попросил разрешения рассказать одну смешную историю.

— Ему разрешили, — продолжала Елизавета Яковлевна. — Выйдя на середину, человек «с того берега»

рассказал не одну, а несколько смешных историй. Бойцы хохотали до упаду. За весь вечер рассказчик ни разу не улыбнулся.

— Не помните, в каком месяце, какого числа состоялся этот вечер?

— Числа не помню, — ответила Елизавета Яковлевна. — Было это в первой половине августа восемнадцатого года.

Чувство радостного волнения охватило меня: первая половина августа восемнадцатого года, левобережная группа войск 5-й Красной Армии, конец двухмесячным гашековским скитаниям!

Когда я разговаривал с Е. Я. Драбкиной, она еще не знала о письме Гашека к Салату.

Хотелось выяснить, что делал Гашек во второй половине августа и в сентябре. Может быть, отдыхал после тяжелого пути?

Елизавета Яковлевна покачала головой:

— Тогда не до отдыха было...

Она высказала предположение: возможно, по поводу Гашека был послан запрос в Москву, ведь в 5-й армии его тогда никто не знал. Она формировалась не в Самаре, а под Казанью.

Предположение, высказанное Елизаветой Яковлевной, нашло свое подтверждение: в одной из папок архива Института марксизма-ленинизма я прочел запрос политотдела армии, посланный в ЦК Чехословацкой компартии в России. Это был повторный запрос с требованием «дать срочно отзыв о тов. Гашеке Ярославе Бугульма политотдел 5-ой Каюрову... За зав. политотделом 5-ой Абрамов. 24 декабря 1918 г.»

Раз был послан запрос, тем более повторный, на него должен быть ответ. Он лежал в той же папке и адресован был: «Бугульма, Политотдел, Каюрову».

«Товарищ Гашек выступил в марте из чешского корпуса. С тех пор был в сношении с партийными учреждениями. После занятия чехословаками Самары нам неизвестен. За ЦК Чехословацкой коммунистической партии Гандлирж».

Читая и перечитывая эту телеграмму, я не раз думал о том, что не Гашек, а его судьба после падения Самары была неизвестна тому, кто подписал эту мало-вразумительную депешу.

Обратился к Здене Анчику — видному чешскому гашековеду, приехавшему в Москву на короткое время.

— Эта телеграмма, — сказал он, — могла лишь усложнить положение Гашека. Представьте себя на месте начальника политотдела или его заместителя. К нему явился человек «с того берега», явился без документов. Конечно, Гашек сослался на то, что его знают в Москве, в ЦК Чехословацкой компартии в России. Заметьте, что в тогдашнем составе ЦК были и люди, помнившие Гашека по Киеву, по его сотрудничеству в буржуазном «Чехословане», по допущенным им грубым ошибкам. Для них было непонятно, почему Гашек стал коммунистом, порвал со своим прошлым. Между тем позже, как известно, часть этих «революционеров» переметнулась на сторону чешской реакции. Вернувшись на родину, они клеветали на писателя, обвиняли его в том, что он будто бы примазался к большевикам.

Несколько лет назад Здена Анчик разыскал в Праге письма Гашека, в том числе и письмо к Ярославу Салату. В нем Гашек дал отпор клеветникам, с полным основанием утверждая, что они сами не могут обойтись без того, чтобы к кому-нибудь не примазаться. «Они стремились примазаться к Австрии, затем к царю, потом они примазались к французскому и английскому капиталу...»

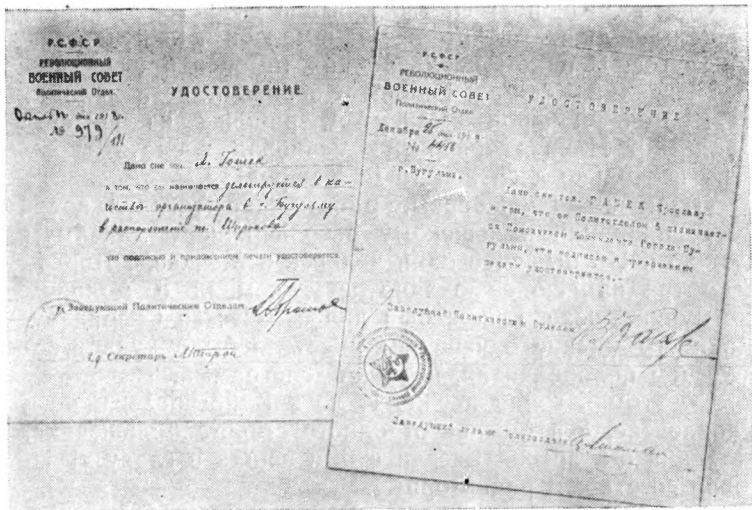
— К счастью, в поарме 5, — заключил Здена Анчик, — работали люди, обладающие большим партийным чутьем. Не получив еще отзыва о Гашеке, они доверили ему небольшой, но важный участок работы в одной из военных комендатур. Позже писатель стал крупным политическим работником Красной Армии, ее гордостью.

Еду в Бугульму

После беседы со Зденей Анчиком снова беру в партийном архиве «Дело Я. Гашека». И снова все перечитываю. Вот удостоверение, подписанное заместителем заведующего политотделом армии, свидетельствующее о том, что Я. Гашек «делегирован в качестве организатора в г. Бугульму в распоряжение т. Широкова¹».

Сопоставляю даты: удостоверение было выдано 16 ок-

¹ Широков — военный комендант Бугульмы.

тября восемнадцатого года, а ответная телеграмма из Москвы поступила в политотдел в конце декабря. Выходит, что еще до ее получения Гашек был отправлен из Симбирска в только что освобожденную Бугульму.

Это позже подтвердила и Рига. На полках республиканской библиотеки был найден тот самый гашековский сборник, который вызвал столько разговоров в Ульяновске. Назывался он — «Снова Швейк». Эту книгу, изданную в тридцатых годах в Риге, помогла найти главный библиограф республиканской библиотеки Идея Зигфридовна Микельсон.

Читаю книгу, которой нет ни в «Ленинке», ни в «Историчке». В сборнике напечатано предисловие Ильи Эренбурга, о котором, кстати говоря, Илья Григорьевич не знал. Оказывается, рижское издательство использовало его газетную рецензию.

Многие страницы в книге посвящены пребыванию Гашека в Заволжье. В них называются населенные пункты, расположенные в Татарии, встречаются знакомые фамилии.

«Когда в начале октября 1918 года,—писал Гашек,— мне было сообщено, что я назначен комендантом города Бугульмы, я спросил председателя Каюрова: «А вы точно знаете, что Бугульма в наших руках?»

Снова — Каюров! Не беда, что в фельетоне неточно названы должности, которые занимал он и Гашек. Важно другое. В одном из ленинских томов я прочел, кем был Василий Каюров. Говоря о необходимости двинуть на Восточный фронт максимум рабочих из Питера, Владимир Ильич горячо рекомендовал послать «вождей» несколько десятков (à la Каюров)¹.

Люди а ля Каюровы, работавшие тогда в поарме 5, проявили к чешскому революционеру максимум чуткости. Но был еще один человек в Москве, который, несмотря на всю свою занятость, помнил о молодом коммунисте-чехе. Гашек был лично известен Свердлову. Да и его мнение о чешском писателе было куда весомее, чем половинчатая, путаная телеграмма.

Об этом я узнал позже. И не в Куйбышеве, и не в Ульяновске, а в Москве от одного старого большевика, ветерана 5-й армии. Беседа с ним вошла в главу «Разговор со старым редактором».

А сейчас, читатель, мы отправимся с тобой в Бугульму. Она названа самим Гашеком в его анкетном листе сразу же после Самары. Но ни там, ни в Ульяновске, ни в других местах мне не удалось узнать, почему в анкетном листке, заполненном им в Москве, Гашек назвал не свое настоящее отчество. Это превращение из «Иозефовича» в «Романовича» некоторые библиографы объясняли неверным прочтением почерка писателя. Но ведь сам Гашек своей рукой четко написал: «Романович».

Может быть, в Бугульме, где Гашек прожил не один месяц, я найду ключик к этой московской загадке?

Редактор местной газеты «Ленинское знамя» Анатолий Алексеев, с которым я накануне разговаривал по телефону, сразу же согласился включиться в проводимый поиск. Не откладывая, он поместил в газете объявление. Редакция приглашала всех, кто работал с Гашеком в Бугульме или был знаком с ним, встретиться с московским литератором в помещении «Ленинского знамени» 1 августа 1961 г. в 7 часов вечера.

В назначенный день и час в кабинете редактора — ни одного свободного места. Пришли старожилы, откликнулась и молодежь.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 27, стр. 503.

Алексеев приглашает собравшихся поделиться своими воспоминаниями. Увы, желающих не оказалось. Даже Митрофан Федорович Глазов, которого горожане в шутку называют «ходячей бугульминской энциклопедией», не пожелал высказаться. Он заметил, что с Гашеком ему, к сожалению, не пришлось видеться: он вернулся с фронта, когда Гашек уже уехал из Бугульмы.

— Уж лучше вы сами расскажите о нем, а мы слушаем, — неожиданно закончил Митрофан Федорович.

Роли меняются. Пришлось начать мне. Рассказываю о московских находках, о всем виденном и слышанном в Куйбышеве, о рижском сборнике, в котором напечатана юмореска: «Комендант Бугульмы». В ней писатель вспоминает о своей службе в местной военной комендатуре.

— Что же тут удивительного? — бросает с места Евгений Грачов, бывший редактор бугульминской газеты, выходившей в двадцатые годы. — Гашек был отличный юморист. Он и придумал для себя службу в военной комендатуре. Мы его в Бугульме не видели.

Только пожилая учительница, Анна Владимировна Шишагина, утверждала, что своими глазами видела автора «Бравого солдата Швейка» на железнодорожной станции. Вместе с другими он переносил шпалы.

— Когда это было? — спросил Грачов.

— Весной девятнадцатого года, когда проводился субботник.

— Вам, должно быть, показалось...

На этой реплике: «Вам должно быть показалось» — закончилась первая встреча в Бугульме.

Из редакции ухожу обескураженный. Об отчестве уже не спрашиваю. Меня тревожит другое. Неужели Гашек не работал в военной комендатуре? Неужели не был в Бугульме? А архивные документы? А его фельетоны? Ведь в них наиподробнее образом описана Бугульма и ее окрестности. Какие же еще нужны доказательства?

У доктора Земляницына и у других

Ранним утром, выйдя из гостиницы, я встретил у подъезда Митрофана Федоровича. Глазову, как и мне, видать, не спалось.

— Хочу выяснить все о Гашеке, — начал он. — Побываем у тех старожилых, которых в редакции вчера не было. Поищем, может быть, что-либо и найдем.

Несколько десятков лет Глазов проработал в городском коммунальном отделе: сажал деревья, прокладывал водопровод, благоустраивал улицы, заботился об их чистоте. И Бугульма, и ее люди росли на его глазах. Многих горожан, ставших теперь взрослыми, старик помнит еще тогда, когда они только-только учились ходить.

Наш «поход» начался с посещения учительницы Надежды Андреевны Киреевой. О Гашеке она ничего сообщить не смогла. А о чехах-музыкантах охотно рассказала. Все они прошли через русский плен, а когда победила революция, сколотили свой небольшой оркестр. Назывался он пражским. Играли в городском кинотеатре «Идея». Играли хорошо. Надежде Андреевне даже запомнилась мелодия одной чешской песенки: «Танцуй, танцуй, выкруцай!»

От Киреевой направляемся к старому почтальону, от него — к бывшему земскому агроному. Всех стариков застаем дома в полном здравии, но о пребывании Гашека в Бугульме никто не знает.

— Поначалу всегда бывают осечки, — успокаивает Глазов.

Большие надежды он возлагает на Николая Михайловича Земляничина. Он давно врачует в Бугульме, намного старше Киреевой. Теперь на пенсии. Живет при больнице, все помнит, а вот слышит плохо.

— Николай Михайлович, вы Гашека знали? — кричит с порога Глазов.

— Как же, как же, — заулыбался старенький доктор. — Ярослава Гашека да не знать! Он ведь «Швейка» сотворил!

— Да, да, — подхватывает Глазов. — Именно он.

— Швейка мои пражские коллеги от ревматизма и других болезней лечили. Ох и чертяка был...

— Не о Швейке речь, — перебивает сердито Глазов. — Вот приезжему человеку надо точно знать, — он показывает на меня, — жил ли Гашек в Бугульме.

— Чего не знаю, того не знаю.

— А надо было знать. Человек из Москвы за Гашеком приехал. Прага о Гашеке нас запрашивала. А вы, голубчик, пятьдесят лет в Бугульме врачуете и...

— Он ко мне не обращался, на здоровье не жаловался.

— А может быть, Николай Михайлович, вспомните?

— Охотно бы помог, но, ей-богу, не припомню, — оправдывается доктор.

Шагаем дальше. Глазов ходит быстро, размашисто. Я едва успеваю за ним. Мимо проносятся автобусы, такси, но старик решительно отказывается от услуг городского транспорта. «Чтобы ознакомиться с городом, надо пешочком походить», — твердит он.

Ответы старожилов: «Гашека не помним», «В Бугульме не видели» — злят Глазова. Он ругает хрупкую человеческую память, а заодно и меня: «Почему так поздно занялся Гашеком? Приехал бы в Бугульму раньше, когда живы были ветераны гражданской войны Василий Ракитин, Денис Болотов. Они-то уж наверное его знали».

Правая рука коменданта

Выйдя на главную улицу, Митрофан Федорович остановился. Немного подумав, он вспомнил, что за базаром живет «один сведущий человек», по фамилии Снегереv. Направляемся к нему.

Дом Ильи Георгиевича Снегеревa — это уже двадцатый, куда мы заглядываем (счет я веду от старой учительницы). Застаем не одного, а двух Снегеревых — Илью и Степана. Последнему уже под восемьдесят — он на пять лет старше Ильи Георгиевича. В восемнадцатом году он работал в военном комиссариате, рядом с комендатурой.

На вопрос, знал ли Снегереv-младший Гашека, «сведущий человек» отрицательно качает головой.

— А чеха, что служил в комендатуре, помнишь? — подсказывает Глазов.

Снегереv-младший молча трет лоб: ведь прошло более сорока лет.

— Чеха? — переспрашивает он. — Не тот ли, что шинель на одну пуговицу застегивал и фуражку набекрень носил? Как же, помню. Много он добра людям делал.

— Фамилия его Гашек, — продолжает подсказывать Глазов.

— Нет, того, что в комендатуре служил, звали не Гашеком, а Романычем.

Снегереv-младший закуривает.

— А трубку твой Романыч курил? — допытывается Глазов.

— Курил. Длиннющую.

Митрофан Федорович подошел к окну, выходящему на улочку, и, увидев знакомого подростка, крикнул ему:

— Сень, а Сень, принеси-ка книжку про бравого солдата!

— Сию минуту! — донесся тоненький голосок.

Вскоре в окно была подана читаная-перечитанная книга. Митрофан Федорович раскрыл ее и, показав на портрет автора, спросил:

— Он?

Илья Георгиевич молча поднес к глазам очки с погнувшимися дужками и пристально стал вглядываться в портрет писателя, сидящего за письменным столом с необычайно длинной трубкой.

— Трубка вроде той. А личность не похожа. Уж очень он толстый.

Снегереv объясняет, что помощник военного коменданта был худощавым.

— Так это его художник, должно быть, таким нарисовал, — заметил Митрофан Федорович и, повернувшись ко мне, сказал: — Покажите ему ту фотографию, что вчера в редакции нам показывали.

Хорошо, что Глазов напомнил о ней. Это был портрет Гашека, сделанный в Самаре в восемнадцатом году. На ней изображен худощавый Гашек в фуражке, чуть сдвинутой набок.

Протягиваю ее Снегереву и с волнением жду, что он скажет.

— Романыч! — обрадованно восклицает он. — Какой же это Гашек? Это наш Романыч!

И старик разговорился.

— Прелюбопытная личность был Романыч. Как он умел чувствительно с военнопленными говорить, что жили в лагере за рекой Бугульминкой! Советская власть им полнейшую свободу предоставила: хочешь — возвращайся домой, к семье, к кружке пива, одевай штатское. А если у тебя, браток, есть пролетарская совесть, если ты интернационалом дышишь — бери в руки винтовку и помогай русским рабочим народную власть защищать.

А когда она на ноги встанет — тебе по-братски поможет, пролетариев всех стран соединит...

— А в комендатуре что твой Романыч делал? — уточнял Глазов.

— Правой рукой у коменданта был. С контрой боролся, порядок в городе наводил. Купца Телегина, которого по-уличному Гурычем звали, сразу прижал. Не подумай, что только по торговой части. Держал Гурыч еще и другое заведение — публичный дом. Комендатура его прикрыла. Вы, когда ко мне шли, мимо него проходили. Там теперь детский сад. Тогда обиженный Гурыч жалобу в центр послал. А Москва действия Романыча подтвердила. Позже этот Гурыч по божественной линии продвинулся — старостой в церкви заделался.

Митрофан Федорович не выдержал и рассмеялся.

— На Романыча и игуменья сетовала, — продолжал Снегереv. — К нам в Бугульму не то из Иванова, не то из Петрограда должно было подкрепление прибыть. Комендатура отвела для красноармейцев старые казармы. Грязь там была несусветная: полы не мылись, на окнах копоть, паутина. А полк вот-вот должен прибыть. Для уборки рабочих рук не хватало. А монашки в кельях отсиживались, сплетнями занимались. Вот Романыч и решил призвать их на борьбу за чистоту. Не силой, разумеется, а словом.

Старик отлично запомнил эту историю. У Гашека она рассказана в одной из юморесок.

После того как в казарме была наведена чистота и монашки вернулись целые и невредимые в монастырь, старая игуменья прислала Гашеку в подарок... икону с надписью: «Молюсь за вас!» «Я сплю спокойно, — закончил Гашек свой фельетон, — потому что знаю, что по сие время за старым сосновым бором Бугульмы стоит монастырь божьей матери, в котором старая настоятельница молится за меня, никчемного».

— Сходим к бывшей монашке, — неожиданно предложил Митрофан Федорович, окрыленный первым успехом предпринятого нами «нохода». — Правда, той настоятельницы монастыря, что обещала молиться за Га-

шека, давно нет в живых. А с бывшей послушницей Варварой поговорить можно. Она живет на другом конце города.

Сначала бывшая монашка твердила, что потеряла память, но Глазов наводящими вопросами все же вызвал ее на разговор. И она рассказала все как было.

С освобождением Бугульмы от белых игуменья запретила обитательницам монастыря общаться с внешним миром. Монашки отсиживались в кельях, выжидая.

Игуменья говорила им, что Советы долго не продержатся, что вернется старая власть. А тут распоряжение от военной комендатуры — произвести уборку казармы. Настоятельница — ни в какую. Распоряжение не выполняет. Тогда из комендатуры явился человек. Велел всех в одно место для разговора собрать.

— Ну, думаю, сейчас про мировую революцию начнет говорить, — вспоминала бывшая монашка. — А он со святого апостола Павла начал, с его второго послания фессалоникийцам: «Завещаю вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь». Знал, видать, божьи законы ваш Роман, хотя, говорят, сам безбожником был.

— Оттого что знал, потому и был, — подхватил Глазов. — Ну и молодчина! Святого апостола на революцию заставил работать.

Речь комиссара убедила монашек. Вооружившись метлами, тряпками и ведрами, они отправились в пустые казармы и за один день навели там лоск.

— Настоящим делом мы были в тот день заняты, — вспоминает Варвара. — Романыч нас на правильный путь наставлял.

Значит, Снегереv был прав, называя помощника коменданта Романычем. Впрочем, не только у Гашека было новое отчество.

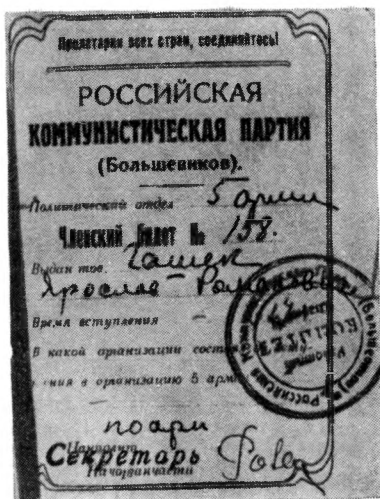
В революционные годы многие командиры-интернационалисты, кроме собственных имен, имели еще и русские имена-отчества. Олеко Дундича, например, называли Иваном Антоновичем, а китайского комбата Пау Ти-сана — Константином Георгиевичем. Могли и Гашека называть Романычем или Ярославом Романовичем.

Этому отчеству Гашек остался верен и при получении партийного билета. Он был выдан ему политотделом 5-й армии в двадцатом году в Иркутске.

Долгое время партбилет хранился в Центральном партийном архиве, а потом был переслан в Прагу. Вместо него в личном деле хранится справка: «Четвертого октября 1957 года партбилет Я. Гашека передан Институту истории при ЦК КП Чехословакии».

Пришлось довольствоваться фотокопией. На ней четко написано: «Членский билет № 158. Выдан тов. Гашеку Ярославу Романовичу...»

Вот и встало все на свое место.

==

Глава четвертая

В УФЕ И ЗА УФОЙ

Мужайся, Александр IV. Иди на свою Голгофу.

Я. Гашек.

Записка Чугурина

В канун девятнадцатого года была освобождена Уфа. В городе, более полугодом находившемся под пятой у белых, налаживалась нормальная жизнь. Революционный военный совет 5-й армии поручил политотделу издавать ежедневную газету для бойцов и жителей прифронтной полосы. Редактором назначили Василия Сорокина, бывшего комиссара 26-й стрелковой дивизии, которого многие в армии знали как поэта «Правды».

Новой армейской газете нужны были сотрудники. Гашека отозвали из Бугульмы в Уфу. Отозвал заведующий политотделом 5-й армии И. Д. Чугурин. В другом случае можно было бы назвать только фамилию того, кто подписал приказ, и, не задерживаясь, идти дальше. Мало ли приказов подписывалось тогда о назначениях и перемещениях. Можно, если бы Иван Дмитриевич Чугурин был для Гашека только начальником.

Иван Дмитриевич родился в один год с Гашеком, но жизнь его сложилась иначе. С юных лет он, сын крестьянина-мордвина, целиком отдал себя революции: участвовал в демонстрациях в Нижнем Новгороде, входил в состав «пятерки» по руководству сормовским восстанием, работал в екатеринбургском подполье вместе с Яковом Михайловичем Свердловым.

Чугурин был старым знакомым «Ильичей» — так называли профессиональные революционеры В. И. Ленина и Н. К. Крупскую; слушал лекции Ленина под Парижем. При возвращении на родину он был задержан царскими жандармами на границе. Отсюда, как сам он в шутку любил говорить, пришлось совершить поездку Париж — Нарым.

В Нарыме Чугурин снова встретился со Свердловым. Летом двенадцатого года Яков Михайлович пытался бежать на рейсовом пароходе. Лодка, которая должна была доставить его к судну, перевернулась на середине Оби. На выручку тонущим бросились Чугурин и еще несколько человек. Свердлов был спасен, но побег не состоялся.

Зимой Чугурин устроил новый побег, и Свердлов благополучно прибыл в Питер. После февральских событий Чугурина избирают секретарем Выборгского райкома партии. В памятный день возвращения Ленина из эмиграции, после митинга у Финляндского вокзала, он вручал Ленину партийный билет.

На Выборгской стороне Иван Дмитриевич проработал недолго. Летом восемнадцатого года он едет во главе продотряда за хлебом в Заволжье. А когда белочехи подняли мятеж и под Казанью формировалась 5-я Красная Армия, Чугурин становится во главе ее политотдела.

Ивана Дмитриевича давно нет в живых. О его жизни мне рассказал Михаил Романович Рублев — старый большевик, бывший агитатор поарма 5 среди чувашских национальных частей.

— Было это в Уфе, — вспоминал Рублев, — вскоре после того, как город был очищен от белочехов. Захожу в кабинет к Чугурину, чтобы отчитаться. Еще в Симбирске он поручил мне с помощью местных поэтов обеспечить перевод «Интернационала» и других революционных песен на чувашский язык. Вижу, Чугурин с незнакомым мне человеком беседует. По выговору — иностранец. Сажу в уголке и жду. Разговор заканчивается. Чугурин подает гостю записку, жмет руку и говорит: «Наздар».

Наздар — не нашинское, а чешское приветствие. По-русски вроде «желаю удачи». Меня, признаться, тогда этот разговор несколько удивил. Кому это Чугурин желает удачи? С чехами мы тогда не на жизнь, а на смерть дрались...

Иностранец поблагодарил Чугурина, взял записку и вышел из кабинета.

Не таясь, высказываю Ивану Дмитриевичу все, что думаю (я тогда не знал, что на других фронтах действовали чешские красные отряды). Говорю, а Чугурин

только головой качает. «Не о том, мол, толкуешь, парень, не туда гнешь». Потом встал из-за стола, подсел ко мне и начал объяснять: «Чехи, Миша, как и русские, как и чувашаи и мордвинаы, бывают всякие. К людям перво-наперво надо с классовой меркой подходить. Есть чехи — капиталисты, есть чехи — пролетарии, которые вместе с нами поют: «Вставай, проклятьем заклейменный...» У нас и у них один общий враг — капитал. Других врагов, кроме него, нет. Потому-то против нас выступают те самые чехи, которые у себя на родине угнетают трудовой народ».

Потом перешел к тому чеху, из-за которого разговор начался. Сказал, что человек этот давно хотел помочь своим землякам освободиться от австрийского гнета, но как это сделать — не знал. То в одну, то в другую политическую партию тыкался. Не было тогда в Чехии своей большевистской партии. В России он ее нашел. В Москве коммунистом стал. И не без содействия Якова Михайловича Свердлова. У него на людей глаз наметанный.

— А что этот человек собой представляет?

— Большую силу представляет. Ты не смотри, Миша, что он с виду такой скучный, зато пишет весело...

— Не читал...

— Да и не мог. В царской России Гашека не печатали. Следи теперь за армейской газетой, читай гашековские фельетоны.

В первом и втором номерах вновь созданной армейской газеты «Наш путь» Гашека не было. В третьем он появился с фельетоном «Из дневника уфимского буржуя». Рублеву «Дневник» настолько понравился, что он даже перевел его на родной чувашский язык, а потом читал бойцам. Вместе с ними он смеялся над трусливым буржуем и белогвардейской брехней о жестокостях большевиков: они будто бы «обливают буржуев кипятком, а из их жен и детей жарят рубленые котлеты, которыми кормят в тюрьмах правых эсеров и кадетов».

Виделся Рублев с Гашеком редко. Зато он знал человека, который был близок с писателем. Михаил Романович назвал уже известную мне фамилию — Сорокин.

— Наш первый редактор, — пояснил он.

Разговор со старым редактором

Василия Васильевича Сорокина я нашел у Кропоткинских ворот, в тихом Барыковском переулке. Еще до нашей встречи я прочел его статью, опубликованную в шестом номере журнала «Славяне» за 1957 год. В ней приводился разговор редактора с начальником политотдела армии. Сорокин просил Чугурина порекомендовать ему работника для руководства типографией.

Чугурин ответил:

«Есть у нас в резерве чешский журналист Гашек. Кажется, подойдет, да и сам просится на работу в печать. Говорит, «чешутся руки...»

Вскоре Ярослав Гашек пришел в редакцию с запиской Чугурина. Внешне скромный, внимательный, лет тридцати пяти — тридцати восьми на вид, Гашек производил впечатление культурного и прямого человека, меткого на слово, знающего и любящего газетную работу. После подробной товарищеской беседы было решено, что он возьмет на себя руководство типографией, где печаталась новая газета, которую называли «Наш путь». Гашеку было предложено принять участие в газете и в качестве литературного сотрудника.

Назначенный военным комиссаром крупной уфимской типографии, он быстро наладил своевременный выпуск армейской газеты и вскоре принял в ней деятельное участие как автор фельетонов на политические и злободневные темы».

Наш разговор с Сорокиным начался с чугуринской записки.

— Сохранилась ли она?

— К сожалению, я ее уничтожил при отступлении.

— Не помните, что писал Чугурин?

— Записка была немногословна. Чугурин горячо рекомендовал Гашека и ссылался на то, что он лично известен Свердлову.

— Знали вы Гашека прежде?

— Нет. А он, представьте себе, к моей радости, знал, что есть на свете начинающий поэт Вася Сорокин. Он даже запомнил одно мое стихотворение. Оно было напечатано в восемнадцатом году в «Правде», а потом перепечатано в местных газетах. Стихотворение называлось «К борьбе». Хотите, я прочту вам несколько строк?

В этот час — не место для сомнений,
Как один, идите, братья, в бой!
И за счастье юных поколений
Киньте вызов пламенной борьбой!

Гашек тогда объяснил, что эти стихи он прочел в газете «Приволжская правда» и даже искал автора по всей Самаре, чтобы, как он сказал, вместе «кинуть вызов пламенной борьбой». Но Сорокина тогда в Самаре не было. Он жил в Петрограде.

Сорокин законно гордится, что первый гашековский фельетон, написанный по-русски, проходил через его руки. Читая «Дневник» в рукописи, редактор не мог удержаться от смеха. На лице же автора не было и тени улыбки. Одно место в фельетоне вызвало у Сорокина возражение.

— Помните абзац, где зарвавшийся белочешский капитан Паличка сообщает о прибытии в Казань двух миллионов немцев? Мне показалось, что он слишком завирается. Два миллиона для Казани — цифра астрономическая. Я сказал об этом Гашеку, попросил уменьшить количество немцев.

— И он согласился?

— Нет. Призвал на помощь Гоголя, напомнил о разговоре Анны Андреевны с Хлестаковым. Говорил же тот об арбузе, стоившем семьсот рублей, о тарелке супа, доставленной на пароходе из Парижа в Петербург, о тридцати пяти тысячах курьеров? Говорил. Чешский офицер Паличка во всем подражает Хлестакову — он ему сродни.

Сорокин тогда согласился с Гашеком. Два миллиона немцев остались в «Дневнике», напечатанном в армейской газете 14 января 1919 г. Было известно, что вскоре после отступления наших войск из Уфы Гашек опубликовал продолжение «Дневника».

— Фельетон был напечатан в пятьдесят четвертом номере «Нашего пути», — уточнил В. В. Сорокин.

— Сохранился ли он?

— Увы, нет. Его кто-то из моих друзей зачитал. Как бывший работник Ревтрибунала, я «допросил» всех, кто ко мне заходил, но ни одна душа не призналась. Все номера «Нашего пути» сохранились, а вот этот, с фельетоном Гашека, пропал. Правда, некоторые выдержки из него я еще до войны опубликовал в «Литературной газете».

На вопрос: «В каком году?» — Василий Васильевич молча открыл ящик стола, вынул из него томик юморесок Гашека с предисловием И. Ипполита, посмотрел на выходные данные и уверенно произнес:

— Сборник вышел в тридцать седьмом, — значит, моя статья была напечатана в тридцать восьмом. Кажется, в номере, посвященном Дню печати.

Василий Васильевич не случайно заглянул в довоенное издание. Его выступление в «Литературной газете» было откликом на обращение советского литературоведа И. Ипполита, считавшего сбор материалов о жизни чешского сатирика делом своей жизни. В предисловии к «Избранным юморескам» он писал:

«...Вместе с 5-й армией Гашек проделывает победоносный поход через всю Сибирь.

Этот отрезок жизни Гашека до сих пор принадлежит к числу наименее освещенных. Вернувшись на родину, Гашек не любил распространяться о нем перед своими, — как правило, чуждыми революции — друзьями, а друзьям Гашека по поарму 5, видимо, не до воспоминаний. Многие хранят, вероятно, старые архивы — простой комплект редактировавшихся Гашеком газет, а таких было несколько, очень помог бы разъяснить ряд интересных вопросов, не говоря уже о том, что открыл бы новую страницу в творчестве Гашека...

Если эти строки попадутся на глаза бывшим соратникам Гашека, большая просьба к ним, поделиться своими воспоминаниями...»

К счастью, эти строки попались на глаза Сорокину. Именно ему было что рассказать, что вспомнить. Кроме того, он обладал единственным, наиболее полным комплектом «Нашего пути», в котором было напечатано более полусотни фельетонов и статей Ярослава Гашека.

Многие годы, несмотря на переезды и разъезды, Сорокин бережно хранил старые газеты. Они были дороги ему как память о «днях пламенной борьбы», как память о друзьях-товарищах, с которыми он создал одну из первых и, пожалуй, одну из лучших по тому времени армейских газет.

— Если здоровье позволит, — продолжал бывший редактор, — непременно напишу о Ярославе большой очерк, но как знать... — В голосе Сорокина чувствовалась усталость.

Беседа затянулась. Прошу Василия Васильевича перенести нашу встречу на другой, удобный для него день.

— Не могу, — возразил он. — Завтра в полдень, по предписанию врачей, уезжаю на юг.

Решаем сделать перерыв на два часа: Василий Васильевич тем временем отдохнет, а я схожу в библиотеку, полистаю довоенную «Литературную газету».

Листаю газетные полосы и в номере от 5 мая тридцать восьмого года нахожу большую статью «Ярослав Гашек — как фельетонист фронтовой печати». Внизу подпись: «Вас. Сорокин». В статье приводятся выдержки из «Дневника уфимского буржуа».

Но выдержки, какими бы они ни были интересными, это лишь урезанный фельетон.

Где же найти оригинал? Где прочесть неизвестные гашековские строки, которыми, по определению Сорокина, зачитывалась вся армия?

«Винтовку в руки! Вперед!»

В условленный час возвращаюсь в Барыковский переулок. За время моего отсутствия Василий Васильевич перерыл весь свой архив, но нужной газеты так и не нашел.

Сорокин явно огорчен.

— Кто же его зачитал? — повторяет он.

Я пытаюсь успокоить Василия Васильевича, убедить его, что рано или поздно пропажа будет обнаружена, заявляю, что готов навестить всех его знакомых, объяснить им, как дорога нам каждая гашековская строка, и, наконец, обещаю поискать заветный номер в уфимских газетных хранилищах.

— Добро, — соглашается Сорокин. — Если найдете, одну фотокопию мне.

Разговор переходит к героям гашековских фельетонов. Сорокин подчеркивает, что в произведениях Гашека, написанных для армейской газеты, как правило, присутствуют не вымышленные персонажи, а лица с собственными фамилиями.

Василий Васильевич приводит несколько примеров. Священник Николай Сперанский, о котором Гашек писал в статье «В мастерской контрреволюции», был такой — Сперанский. В газете даже указан его адрес:

«Уфа, Телеграфная улица, дом 41». Другой мракобес, отец Николай, по фамилии Гуляев, прикрываясь крестом, устраивал погромы — был и такой поп Гуляев. Спекулянт Булакулин, которому Гашек специальный фельетон в «Нашем пути» посвятил, — тоже невымышленный персонаж.

Сорокин прочел первую строчку из фельетона «Об уфимском разбойнике, лавочнике Булакулине»:

— «Есть разбойники, которые действуют топором, обухом. Лавочник Булакулин действовал спекуляцией, и никто из разбойников не относился так легко и насмешливо к своим жертвам, как он».

— И еще заметьте, — продолжал бывший редактор, — сотрудничая в армейской газете, Гашек не прятался за псевдонимом.

— В Праге у него их было более ста, — напомнил я.

— Так то в буржуазной Праге, а у нас, в революционной России, он даже под десятистрочной заметкой ставил свою полную подпись: «Ярослав Гашек». Тем самым писатель как бы заявлял всем — своим друзьям, и врагам, что он с большевиками, что он в строю, что он сражается за революцию.

Сражающийся Гашек! Как точно Сорокиным подмечено!

— Удивительный это был человек, — Василий Васильевич встал и прошелся по комнате. — Гашек не смеялся даже тогда, когда сам рассказывал смешные истории или когда слышал их от других. Люди хватались за животы, а Ярослав как бы оставался ко всему равнодушен. Смеющимся я его не видел, а грустным — да. Один раз. В тот горестный день, когда в Уфу пришло печальное известие из Берлина. Было это днем, а вечером в редакции состоялся траурный митинг. Гашек не выступал. Он сидел у окна, молча сосал свою трубку и что-то писал — пепел сыпался на гимнастерку, на подоконник... А когда митинг кончился, Ярослав подошел ко мне и протянул исписанный листок.

Василий Васильевич на секунду умолк и бережно провел рукой по газетной полосе, на которой была помещена гашековская заметка «Два выстрела».

Как бы желая вновь почувствовать все пережитое, редактор прочел ее вслух:

— «В Германии раздались два выстрела, которыми убиты тов. Карл Либкнехт и Роза Люксембург.

Эхо выстрелов разбилось о каменные дома Берлина, и был момент страшной тишины... А затем гроза, неданная историей гроза.

Мы все чувствуем, что эти два выстрела должны превратить весь мир в пожар. Не может быть сегодня ни одного из рабочих, который бы не знал, что ему делать и как бороться со всеми виновниками смерти великих вождей германского пролетариата.

Каждый рабочий и крестьянин знает, что эти два выстрела — символ атаки международной буржуазии на революционный пролетариат и что нельзя тратить время, рисковать еще жизнью других работников Великой Революции Труда и что надо сразу покончить с буржуазией и истребить ее на всем земном шаре.

Эти два выстрела — сигнал к нашему наступлению на всех фронтах пролетарской революции, сигнал к беспощадной борьбе внутри страны с контрреволюцией.

Мы страшно отомстим всей буржуазии за последний отклик германских заговорщиков против всемирной революции.

Эти два выстрела нам сказали ясно: «Винтовку в руки! Вперед!»

— Винтовку в руки! Вперед! — повторил Сорокин. — Я помню, в каком состоянии был тогда Гашек, и ни минуты не сомневался, если бы партия сказала: «Бери, Ярослав, винтовку и иди вместе с другими на Берлин, чтобы отомстить за смерть Карла и Розы», он пошел бы. Пошел бы, как боец, как коммунист, как писатель.

В «Нашем пути» Сорокин проработал сравнительно недолго — меньше трех месяцев. В Белебее поэта назначили председателем армейского Ревтрибунала. Судил он людей не по статьям уголовного кодекса — тогда его еще и не было, — а как подсказывала своя революционная совесть.

С Гашеком в это время он виделся редко. Иногда писатель появлялся в зале суда, молча садился в угол, клал на колени блокнот и что-то записывал. Однажды в перерыве Сорокин подошел к Гашеку:

— О чем, Ярослав, собираешься писать?

— Скоро прочтешь, Василий, — последовал уклончивый ответ.

Однако это «скоро» наступило через десять лет. В пятой книжке «Вестника иностранной литературы» за 1929 год Сорокин прочел юмореску «Перед революционным трибуналом Восточного фронта». Гашек фигурировал в ней в качестве подсудимого, служившего в бугульминской военной комендатуре. Его дело разбирал трибунал под председательством Сорокина. Приводится краткая биография председателя — говорится о том, что он поэт, а также описывается его внешность: тонкий, приятный парень с небольшой белокурой бородкой.

— В молодости,—вспоминает Василий Васильевич,—я действительно носил бородку. Хотел выглядеть солиднее, а теперь, на старости, как видите, безбородым стал. Между прочим, Гашека никто у нас не судил. Это он для занимательности придумал. Вот, оказывается, зачем этот хитрец посещал заседания трибунала!

Василий Васильевич считает, что напечатанное в «Вестнике иностранной литературы» — лишь эскиз большого полотна, задуманного Гашеком.

Он не афишировал свои планы, не хвастался своими замыслами, а, наоборот, держал их «в себе». В минуты откровений Гашек делился с Сорокиным своими планами. Герой его «главной книги» — сын Праги — проходит через русский плен, попадает в чехословацкий корпус и порывает с ним. Он побывает в Москве и Самаре, испытает горечь скитаний по заволжской земле и радость возвращения в Красную Армию. С ней он пройдет весь Восточный фронт, встретится с Колчаком и после его разгрома уедет с бойцами Красной Армии в Китай помогать кули свергать капиталистов.

— Не правда ли, интересный был замысел? — говорит Сорокин.

Бывшему редактору запомнился и такой любопытный эпизод. Однажды, заглянув в типографию, он увидел Гашека, стоявшего возле закрытой двери и внимательно слушавшего, что происходит за ней.

— От кого прячешься, Ярослав? — удивился Сорокин.

— Ни от кого. Мой фельетон там читают, а я слушаю.

Сначала Сорокин не понял, зачем Гашеку прятаться за дверь. Известно, что в Праге он охотно читал свои юморески в пивных и кафе, проверяя их на людях.

В Красной Армии первыми читателями его фельетонов были не завсегдатаи пивных, а типографские рабочие. И тут-то у Гашека возникло сложное положение: как начальник армейской типографии, он должен был следить за дисциплиной и не позволять нарушать ее, а она нарушалась. И виновником этого был сам Гашек. Как только фельетон поступал в типографию, рабочие собирались у наборных касс. Начиналась громкая читка.

— На одну из них я случайно и попал, — продолжал Сорокин. — Пришлось вместе с автором несколько минут постоять у двери, пока Перец не закончил читать фельетон. А читал он, надо прямо сказать, артистически.

— Перец? — переспрашиваю я и заношу эту редкую фамилию в свой блокнот.

— Да, был у нас такой наборщик. Острый парень, с явным пристрастием к журналистике и сцене. После гражданской войны Степан Перец где-то под Куйбышевом редактировал районную газету, а теперь, говорят, на пенсии, в Уфе живет. Жаль, точного адреса не знаю. В Башкирии поищите. Заодно справьтесь об Андрее Сокурове, побывайте у Владимира Михайлова, бывшего технорука армейской походной типографии. Но он, кажется, болеет. Его адрес у меня где-то записан. Позвоните, пожалуйста, завтра утром...

Московская находка

Звоню утром. Телефон Сорокина не отвечает. Я уехал, так и не повидав его. Больше нам не пришлось с ним увидеться. Где-то в дороге, между Бугульмой и Челябинском, раскрываю «Правду» и на последней странице, в траурной рамке, читаю извещение о смерти старого правдиста, ветерана гражданской войны В. В. Сорокина.

Умер поэт, журналист, редактор. Сорокин жил один, без семьи. Уцелел ли комплект армейской газеты, которую он многие годы берег?

Вернувшись в Москву, навожу справки. Узнаю, что сорокинский архив передан Центральному музею Советской Армии.

В секторе сбора мне показали несколько пачек старых газет: полковую «Искорки», дивизионную «Окопную правду». Эти газеты в разное время редактировал Сорокин. Но комплекта «Нашего пути» нет. Его нет и в ак-

те передачи. Там записаны только два номера армейской газеты. Они хранятся в разных конвертах. В первом — полуистлевший номер «Нашего пути» от 23 февраля 1919 года. В нем помещена публицистическая статья Я. Гашека «Международное значение побед Красной Армии»:

«Вести о победах Красной Армии в России приносят подъем всему, что завтра разыграется на Западе.

Могучая Красная Армия говорит буржуазии о нарастающей силе пролетариата и о пустоте и ничтожности буржуазии.

С востока на запад Европы идет волна революции. Она уже разбудила сотни миллионов людей. Она сорвала короны с Карла Габсбурга и Вильгельма Гогенцоллерна, она разбудила рабочий класс Франции и Англии».

Очень интересная статья, но она не является открытием для тех, кто собирает все, Гашеком написанное. Беру второй конверт, и радостное волнение сразу же охватывает меня: в конверте — двухполосный, почти не тронутый временем, никем не зачитанный и пока единственный 54-й номер «Нашего пути». Я искал его во всех уфимских газетных хранилищах, а он, оказывается, здесь, в музее! Вот она, московская находка!

На второй странице под рубрикой «Маленький фельетон» напечатано продолжение «Дневника». Привожу его полностью.

«Из дневника уфимского буржуа¹

Первого марта² старого стиля в день св. мучеников Нестора, Тривимия, Антония, Маркелла, девицы Домнины и Мартирила Зеленецкого, мощи которых оскорбили большевики, вступила в Уфу освободительница нас, буржуев и капиталистов, — народная армия императора Колчака I, самодержавного царя всесибирского, омского, тобольского, томского и челябинского.

С гордостью теперь говорю: «Я буржуй!» Пришла свобода для всех нас, богачей, а для этой рабочей и крестьянской дряни — кандалы, ссылка, Сибирь, веревка и расстрел.

Только меня возмущает маленькое недоразумение, которое случилось после обеда. Мы, буржуи, собрались с

¹ Слово «буржуй» Гашек заменил в фельетоне на «буржуа».

² 14 марта по новому стилю. В этот день белые захватили Уфу.

хлебом и солью встречать наших освободителей, а вместо них встретили по ошибке эскадрон красного кавалерийского полка, который чуть нас всех не изрубил. Я испугался так, что вечером, когда пришли настоящие освободители, лежал на кровати в горячке и видел перед собой только шашки красной кавалерии. Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак, царь православный всесибирский!..

Сегодня я благоговейно молился в храме с другими купцами и буржуями о благе нашем и счастии. Как нам свободно теперь дышится. На улицах опять стоят городовые, никто не смеет взять ничего на учет. На своих квартирантов я прибавил по 100 рублей в месяц за комнату. Живет у меня самая пролетарская сволочь. Я им теперь покажу! Сегодня был с доносом у полицмейстера на портного Самуила, жида-беженца, который прежде всегда говорил, когда здесь были большевики: «Свет, воздух, свобода!» Я очень рад, что его арестовали и расстреляли. — «Свет, воздух, свобода!». Да здравствует крепостное право! Да здравствует император Колчак!..

Сегодня вступил в город полк Иисуса Христа. У солдат, вместо нашивок, белые кресты. Я говорил с одним офицером, бывшим батюшкой из Казани, который мне сообщил, что задача полка Иисуса Христа — вырезать всех большевиков и жидов в России, в Европе и освободить Иерусалим от турок и жидов. В полку Иисуса Христа есть специальная пулеметная команда из духовенства...

Настоящая весна для нас, буржуев, после большевистской зимы. Все улицы украшены яркими золотыми погонами. Везде слышно: «Ваше благородие, ваше высокоблагородие, ваше превосходительство». Если солдат не отдает честь и не становится во фронт, бьют его, мерзавца, по морде. Ясно видно, что без рабства жить невозможно и что должен быть порядок. Сегодня объявлен указ, которым отобрана земля у крестьян и отдана помещикам и дворянству. Крестьянин и рабочий будет лишен всех прав и не смеет уходить от тех владельцев, на чьей земле он сидит или работает. Для пролетарской сволочи отменены все свободы. Каждый рабочий должен ежедневно являться в полицию.

Нам представлена полная власть над рабочим. Указом царя Колчака I введено телесное наказание, зако-

вание в кандалы и ссылка в Сибирь. Я говорил с несколькими фабрикантами. Они будут ходатайствовать перед Колчаком о разрешении им продавать рабочих по своему усмотрению.

У нас поселился один офицер Челябинского полка. Какая красота! Золото и ордена. Приказал мне, чтобы я при его вступлении в комнату кричал всей семье: «Встать, смирно!» Боевой парень! Каждый день требует вина и порет своего денщика. Сегодня повешено перед собором 50 большевиков с женами и детьми. Вход на место казни 1 рубль в пользу георгиевских кавалеров. Да здравствует диктатура буржуазии!..

Вчера была у нас пирушка. Мой офицер расстрелял все зеркала и лампы, шашкой разбил всю посуду, разрезал себе руку, помазал кровью лицо и пел «Боже, царя храни». Ночью видел везде большевиков и спрятался под кровать. К утру его увезли в больницу. Врач сказал, что это отрава алкоголем, который распространен среди народной армии...

Сегодня расстреляна в тюрьме третья партия политических заключенных. Разогнаны все профессиональные союзы. Да здравствует император Колчак I...

Говорят, что большевики во что бы то ни стало возьмут Уфу обратно. Господи, что будет, что будет... Говорят, что отрезали уже от Верхнеуральска путь на Златоуст, деваться некуда.

Проклятая авантюра Колчака...»

Несомненно, что этот фельетон, написанный чешским сатириком более сорока лет назад в небольшом башкирском городке и обнаруженный в ворохе разных бумаг, открывал, говоря словами И. Ипполита, новую страницу в творчестве Гашека.

Забегая вперед, скажу, что сатирик больше не возвращался к «Уфимскому буржуа». Однако полюбившуюся ему дневниковую форму не бросал. Но об этом будет рассказано позже.

Степа Перец

Попав в Уфу, я перво-наперво навел справки о Степане Перце, Владимире Михайлове и Андрее Сокурове — наборщиках армейской типографии, названных В. В. Сококиным.

С. В. Ганцеров

Сокуров умер в двадцать четвертом году, Михайлов — в больнице, а Перец, как мне ответило городское адресное бюро, ни в старой, ни в новой Уфе не проживает. Как же его найти?

В списке людей, с которыми мне советовали побеседовать, значился еще и Ганцеров — старый уфимский наборщик, обладающий хорошей памятью, человек, который мог знать Степана Перца.

Когда в Уфе я разыскал Ганцерова и стал его расспрашивать о человеке с забавной фамилией «Перец», он хитро улыбнулся и ткнул себя пальцем в грудь:

— Вот он, Перец!

Оказывается, Перец — это не фамилия, а прозвище. (В. Сорокину оно запомнилось как фамилия.) Так в юности прозвал Степана Ганцерова чешский сатирик.

Степан Викторович рассказал о своей первой встрече с Гашеком. Произошла она не в армейской типографии, а в той, где работал Ганцеров, — в типографии «Печать». Там по заказам политотдела армии печатались листовки. Все заказы оформлял Гашек.

В этой же типографии работал ровесник Ганцерова — Андрей Сокуров, знавший писателя. Степан попросил Андрея, чтобы тот при случае познакомил его с Гашеком, чьи фельетоны он читал в «Нашем пути».

Вскоре такой случай представился. Увидев Гашека, явившегося в типографию с очередным заказом, Андрей шепнул приятелю:

— Вот Гашек.

Степан не выдержал и громко рассмеялся. Гашек остановился, лицо его было серьезным.

— Почему смеетесь? — спросил он. — Я, кажется, ничего смешного не сказал?

— Как не сказали? — возразил Ганцеров. — А про чешского офицера, что уфимского буржуя охмурил, золотые часы, деньги и дочку у него украл?

— Допустим...

— Французского капитана с отмороженными ушами, что вы в газете пропечатали, я своими глазами видел. Роста он до крыши, а трусливее мыши. Красные еще только к Чишме подходили, а долговязый уже на вокзал торопился. Я ему вслед: «Эй, шаромыжник, смотри пятки не потеряй!» Француз оглянулся и по-своему пробормотал: «Бон суар, месье». Это по-ихнему «Добрый вечер, господин». А на дворе тогда утро было. В общем, пришел незванным, а ушел от нас драным.

— Как тебя звать? — спросил Гашек.

— Степой.

— Степа Перец! — окрестил его Гашек, почувствовав в новом знакомом острого и непримиримого парня.

С тех пор они подружились — чешский сатирик и простой русский наборщик. Из «Печати» Гашек перетянул Перца в армейскую типографию.

В свободное от работы время Ганцеров посещал митинги и собрания, где обычно в переполненных залах выступал Гашек. Бывал он и в доме, где жил писатель.

Теперь, через четыре десятилетия, старому наборщику снова захотелось «побродить» по дорогим, как он сказал, гашековским местам.

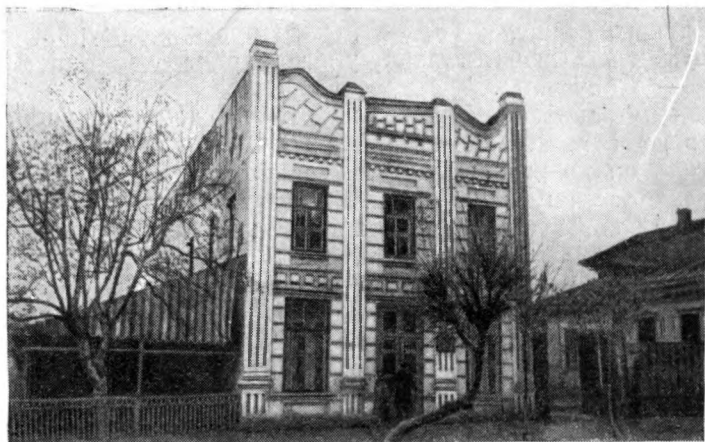
И мы отправились со Степаном Викторовичем по городу.

Памятные места

Начали с Пушкинской.

— Вот в этом доме, — сказал Ганцеров, показывая рукой на небольшое двухэтажное здание, на котором была прибита дощечка «Учебный центр ДОСААФ», находилась армейская типография, которой командовал Ярослав Романыч...

Здание как здание. В архитектурном отношении ничем не примечательное, но для Уфы — историческое. В нем трудился гениальный чешский сатирик. И не один день, а несколько месяцев: с первой половины января по первую половину марта девятнадцатого года.

Здание уфимской армейской типографии

Степан Викторович помнит этот тяжелый март. Под натиском превосходящих сил противника Красная Армия отступала. Из штаба на рассвете получили приказ — немедленно грузить все ценное типографское оборудование и уходить из Уфы.

Гашек колебался: если прекратить работу, бойцы не получат свежей газеты; в колчаковскую армию не будут заброшены листовки, обращенные к ее обманутым солдатам. И Гашек отдал приказ — пока весь тираж не будет отпечатан, никому не трогаться с места.

— Мы отойдем последними¹, — заявил он тогда и, повернувшись к посыльным из разных частей, прибывшим в типографию, сказал: — Набирайтесь, ребята, терпения.

¹ Отойдем последними! Что-то похожее я прочел в одном документе Центрального архива Советской Армии, воздающем должное Гашеку и работникам армейской типографии.

«Когда наша армия, — говорилось в докладе, — вынуждена была откатиться из Уфы, типография со своей маленькой горсточкой людей отступила в последних ее рядах и работала не покладая рук.

В это время типография выбрасывала десятки тысяч, даже сотни тысяч, разных воззваний, листовок, обращенных как к обманутым солдатам колчаковской армии, так и к тов. красноармейцам, дрогнувшим в это время».

Когда весь тираж «Нашего пути» был отпечатан и отправлен в полки, Гашек приказал оставшиеся газеты разделить на две части: одну забрать с собой, чтобы в пути раздать отступающим бойцам, вторую — оставить в Уфе для мальчишек-газетчиков, которые, как всегда, придут утром в типографию.

Что было в Уфе, после того как обоз с типографским оборудованием двинулся к Белебею, старый наборщик знает со слов тех, кто не сумел эвакуироваться.

Артиллерийская канонада утихла, и город некоторое время оставался ничейным. Воспользовавшись временным затишьем, бойкие газетчики продавали на улицах свежий номер «Нашего пути».

...Пройдя Пушкинскую, мы вышли к большому красивому дому, где помещалась редакция армейской газеты. Напротив нее находилось кафе, в котором обедали Сорокин и Гашек. Нередко в ожидании официанта редактор и фельетонист обменивались экспромтами. Один из них, адресованный Гашеку, сохранился в памяти Ганцера:

Ты чех из Праги. Журналист.
Политбоек. Фельетонист.
Рубаха-парень и товарищ.
Твое оружие остро,
Не штык, не сабля, лишь перо,
Но ты врагов смертельно ранишь!

На оборотной стороне меню Гашек ответил Сорокину:

Пишу я прозой, не стихами,
Не пахну тонкими духами,
Газетной краскою пропах...

— Газетной краскою пропах, — подхватывает Ганцеров. — Многие месяцы Гашек руководил типографией. И что мы тогда только не печатали?! Газеты, брошюры, листовки, воззвания к нашим бойцам и к обманутым колчаковским солдатам. И не тысячи, а десятки, сотни тысяч экземпляров. Было отчего краской пропахнуть.

Старый наборщик останавливается возле красивого здания с башенками. В нем раньше помещался политотдел армии, теперь — Башкирский областной комитет партии. Это одно из самых лучших зданий и одно из самых памятных гашековских мест.

В первой половине января того же девятнадцатого года здесь состоялось организационное собрание иност-

ранных коммунистов — выходцев из Германии, Австрии, Венгрии, Чехии, Словакии — и выборы партийного комитета. Председателем был избран немец Пейзнер, секретарем — Гашек.

В том же месяце и в том же здании был созван массовый митинг иностранных пролетариев, перед которыми выступил чешский писатель. Ганцеров был на этом поистине интернациональном собрании.

Когда он вошел в зал, Гашек стоял на трибуне. Говорил он по-немецки, но по тому, как реагировали собравшиеся, Степан чувствовал, что многое им сказанное берет людей за живое. И еще он заметил, что в одном зале за одним столом, обсуждая общие задачи, сидят «вчерашние враги» по фронту: русские и немцы, австрийцы и сербы.

Рассказав о запомнившемся ему митинге, Ганцеров предложил сходить на ликеро-водочный завод.

Любопытно, какое отношение имеет этот завод к памятным гашековским местам? Правда, в молодости Гашек дружил с Бахусом. Однако в Красной Армии он слыл за трезвенника.

— Прямое, — улыбаясь ответил Ганцеров. — Он жил по соседству с ликеро-водочным заводом, на его территории, в одном из его домов. Этот дом сохранился. Я его вам покажу и заодно объясню, почему из всех городов, лежавших на пути из Иркутска в Москву, Гашек выбрал Уфу, сделав здесь остановку на целых три дня.

Шуленька

О трехдневной остановке Гашека в Уфе на пути из Иркутска в Москву я знал из командировочного удостоверения, выданного Гашеку поармом 24 октября 1920 года.

Это было последнее удостоверение, которое писатель получил в Красной Армии. В нем говорилось, что Гашеку «при следовании в ПУР гор. Москву разрешается заехать на три дня в город Уфу».

— Три дня, — подчеркнул Степан Викторович, — это не такой уж большой срок, если учесть, что писатель прожил в Уфе в общей сложности более восьми месяцев. Пожалуй, ни в одном из советских городов он столько не находился, сколько в нашей Уфе.

Р. С. Ф. С. Р.

УДОСТОВЕРЕНИЕ. —

Политический Суд

Революционного Военного Совета

5-й армии.

21 Октября 1920 г.

19 4 200.

И. Ярма.

Дано сие Тов. ГАШЕКУ ЯРОСЛАВУ в том, что ему при следовании в ПУР гор. Москву разрешается заехать на три дня в город Уфу, что подписью с приложением печати и удостоверяется. —

Вр. Начкоарм 5 *Волжарский*

Инструктор-Организатор
По Учету и Распределению *Листа*

Из Иркутска на родину Ярослав Романыч возвращался не один: вместе с ним ехала его жена — Шура Львова, веселая, задорная... Гашек величал ее Шурочкой. Мы же называли ее Шурочкой.

В Уфе девочкой она начала работать в типографии Яцкевича: сначала была на побегушках, а со временем приобрела профессию — стала накладчицей у литографской машины.

Когда город был освобожден Красной Армией, типографию отобрали у частного, и весь ее штат зачислили на работу в военную типографию. Там Шура познакомилась с Гашеком.

Вначале ее смущало то, что новый начальник задерживался у литографского станка: стоял и смотрел, как она кладет чистые листы на камень, потом брал в руки оттиски. Повышенный интерес к ее делам тревожил девушку: она говорила подругам, что Гашек придирается к ней, что он недоволен ее работой и что неизвестно, чем это кончится.

— А кончилось это тем, — рассказала мне Анна Романовна Шишкина, работавшая в те годы рядом с Шурой, — что писатель предложил ей сердце и руку. Гашек не скрывал, что он был женат, что в Праге от первого брака у него есть сын. Он признался Шуре, что полюбил ее, и просил стать его женой.

Официально брак был оформлен в Красноярске. В архиве загса я видел книгу регистрации браков за 1920 год, там на одной из страниц есть запись, сделанная 15 мая:

в графе «Жених» — «Ярослав Романович Гашек, род занятий — начальник интернационального отделения политотдела 5-ой армии», в графе «Невеста» — «Александра Гавриловна Львова, род занятий — печатница типографии газеты «Красный стрелок»¹.

От Шишкиной направляемся к месту, где жил Гашек. Тогда на ликеро-водочном заводе работал отец Анны Андреевны Малоярославцевой, второй Шуриной матери. Она удочерила ее, и Гашек Анну Андреевну называл по-чешски: «матичко».

С малых лет Александра Гавриловна носила фамилию Львова, а ее родные сестры были Романовы, Ивановы, Зюзины. Львовай, как и ее сестрам, присваивалась фамилия и отчество тех, кто их крестил. В Уфе я разыскал одну из них — семидесятилетнюю Татьяну Ивановну Зюзину. Выяснилось, что она, как и Шура, родилась в татарской деревушке Петяково, бывшего Бирского уезда. Отец их был хороший сельский сапожник, но все заработанные деньги тут же пропивал. После его смерти у вдовы остались на руках четыре девочки. Во время всероссийской переписи из волости приехал писарь Василий Малоярославцев, тогда еще человек бездетный. Ему понравилась самая младшая из сироток и он, с согласия матери, увез с собой Шуру.

Воспитывалась она в семье Малоярославцевых, и потому Анну Андреевну считала своей матерью.

Еще один мудрец в древности сказал: в зяте можно найти сына, но у кого дурной зять, тот потеряет и свою дочь. Анна Андреевна не только не потеряла Шуру, но и нашла в Гашеке любящего сына.

Простившись с русской «матичко», Гашек обещал ей писать. И свое слово сдержал. Однако вести из Праги долгое время не доходили до Уфы. Анна Андреевна, жившая тогда с дочерьми у своего отца А. Д. Александрова, многие месяцы молчала. Это тревожило Гашека, и он обратился к председателю Уфимского горсовета за содействием. В большой конверт было вложено незапечатанное письмо к Анне Андреевне, которое Гашек просил передать адресату, проживающему на ликеро-водочном заводе. Свое обращение в горсовет Гашек объяснял тем,

¹ Позже армейская газета «Наш путь» называлась «Красный стрелок».

Я. Гашек и А. Львова-Гашекова

что ему неизвестно, «куда девались наши родные, которые жили у сторожа склада Андрея Дмитриевича Александрова».

Гашек не забыл свою уфимскую родню, и они не забыли его. В семье долгое время хранилась единственная фотография Ярослава и Шуры, сделанная в Уфе в один из трех памятных дней. А когда сестры Малоярославцевы разъехались, они разрезали фотографию на две части: одна — с Гашеком — досталась Лиде, вторая — с Шурой — Зое, которая по сей день живет в Уфе.

Несколько лет назад Гашеков «соединил» пражский журналист Зденек Щтястны, активный собиратель гашековского наследства. Восстановленный им снимок пере-

А. Львова-Гашекова среди бойцов чехословацкой армии

дан пражскому Музею В. И. Ленина, а копия прислана советским родственникам чешского писателя.

Эту фотографию я впервые увидел в Уфе. На снимке рядом с одетой в военную форму круглолицей Львовой стоит худощавый Гашек. На нем новая гимнастерка. Через плечо переброшен ремешок полевой сумки.

Уфимцам, как и пражцам, дорог этот снимок времен гражданской войны. Им дорог также и более поздний снимок, сделанный через сорок два года в Праге: Александра Гавриловна среди бойцов чехословацкой армии.

— Она живет в Праге?

— Под Прагой, в Ростоках, — заметил Ганцеров, когда мы закончили хождение по памятным гашековским местам. — Чехи любят Гашека и уважают ту, кто в радостные и трудные дни была рядом с ним. Скажу больше: для Александры Гавриловны, для нашей Шурочки, Прага стала таким же родным городом, как и Уфа.

Снимите свои кресты, мошенники!

Всю неделю пребывания в Уфе Степан Викторович меня не отпускал. Да и я не отпускал его. Мы побывали во всех домах, где жил и работал Гашек, побродили по улицам, по которым он некогда бродил. Посетили и областной партийный архив. Здесь пришлось снова засесть за комплект «Нашего пути». В Москве у Сорокина я не успел глубоко ознакомиться с ним.

Уфимский комплект, хотя намного тоньше сорокинского, все же представлял большой интерес.

О том, что номера «Нашего пути» уцелели и хранятся в Уфе, Ганцеров узнал от меня. Старик загорелся желанием посмотреть труды своей молодости — полистать газетные полосы.

Надо было видеть, как он бережно переворачивал хрупкие страницы с полуистлевшими краями, как по-мальчишески радовался, когда находил знакомую подпись: «Вот Гашек!», «Вот еще Ярослав!»

После каждого «вот» Степан Викторович подзывал меня к себе (я сидел напротив него и листал документы времен гражданской войны).

Гашековская статья «Что такое отделение церкви от государства», в которой цитировались параграфы из Евангелия, напомнили старику о походной библиотечке писателя. Она состояла из нескольких томиков Гоголя, Чехова, Салтыкова-Щедрина и Евангелия.

— Евангелия? — переспросил я.

— Что же тут удивительного? Ярослав Романович вел со «святыми отцами» открытую войну, бил церковников их же оружием. В своих статьях и фельетонах он часто приводил даже отдельные изречения из «священного писания». Это помогало ему срывать с попов личину благочестия.

На антирелигиозном фронте Гашек считался «большой силой». В Красной Армии многие политработники

разоблачали попов, доказывали реакционную сущность религии, но Гашек это делал лучше других, делал мастерски.

Еще у себя на родине в своих юморесках Гашек высмеивал священнослужителей всех рангов и вероисповеданий. Однако, по мнению Ганцерово, фельетоны в «Нашем пути» отличаются от того, что Гашек писал о духовенстве в Праге. Там он часто прибегал к иносказаниям, намекам. В Уфе же говорил «во весь голос».

Это была нелегкая, но очень нужная работа. В армии находилось немало бойцов из глухих сел и деревень. Они верили попам и не могли допустить, что «святые отцы» не только агитируют против большевиков, но и с оружием в руках участвуют в антисоветских мятежах.

Степан Викторович задержался на небольшой корреспонденции, напечатанной под заголовком: «Жизнь по катехизису». В ней приводился невыдуманный разговор Гашека с попом, у которого при обыске нашли пулемет и несколько бомб. Зная, какая кара его ждет, поп всячески изворачивался перед теми, кто его задержал, а под конец не выдержал и расплакался.

«Я хотел его успокоить, — писал Гашек, — и разговаривал с ним о воскрешении мертвых, которого он, по символу веры, должен ожидать. Не подействовало. Ревел на всю деревню... Не успокоил его даже разговор о жизни будущего века и блаженстве души.

Когда же я с ним поговорил о пользе, какую могут ему принести размышления о смерти, воскрешении и о последнем суде, о вечном блаженстве, поп не выдержал, упал на колени и заревел: «Простите, больше не буду стрелять в вас...»

Интересная заметка! Пришлось отложить в сторону папку и сесть за один стол с Ганцеровым. Степан Викторович обратил мое внимание на фельетон «Трагедия одного попа». Он начинался так:

«Жил-был в Уфимской губернии один поп. Звали его Николаем Петровичем Гуляевым. Это был истинно русский человек, который в старое время, за неимением евреев в его селе, ездил на погромы в Самару и Воронеж».

А когда пришла революция, отец Николай решил было переметнуться на ее сторону. Однако, услышав, что «церковь и Советская республика не имеют ничего общего и что его доходы от государства кончились», Гу-

ляев стал молиться за учредилровку, объявив своей пастве, что «учредительное собрание есть творенье божье, совершенно отличное от всех окружающих его тварей».

А потом пришла телеграмма: «Священнику Николаю Петровичу Гуляеву. Так как учредительное собрание разогнано и члены арестованы, приказываем вам немедленно прекратить молитвы в пользу учредительного собрания и вести молитвы за адмирала Колчака».

— Гуляев не только за Колчака, но и за самого черта помолился, если бы ему приказали или заплатили, — заметил Ганцеров. — Продажная душа.

Несколько минут он молча переключивал один номер газеты за другим, пока не дошел до фельетона «Христос и попы», напечатанного в «Нашем пути» 5 марта.

— А вот еще о продажных душах, о тех, кого Гашек метко окрестил «вернейшими поданными всех царей».

Со статьей «Христос и попы» я был знаком. Особенно нравились ее заключительные строки:

«Прежде попы учили, что власть есть божье установление, имеющее добрую цель — бороться со злом и поддерживать добро и правду в жизни людей...

Советская власть теперь тоже власть, которая поддерживает добро и правду. Скажите мне, вы, попы, вы, мошенники, зачем теперь вы не говорите: должно повиноваться власти не за страх, но за совесть?

Скажите мне, вы, банда корыстолюбивых аферистов, зачем вы теперь везде поддерживаете контрреволюцию и не подчиняетесь советской власти?

Ваш мир — мир рабства.

Ваша религия — религия кармана, и контрреволюция доживает свои последние дни.

С вами нужно поступить беспощадно! Снимите свои кресты, мошенники... вы — контрреволюционеры!»

В тот день с помощью Степана Викторовича, кроме «Трагедии одного попа», «Жизни по катехизису», «Что такое отделение церкви от государства», была найдена заметка «Святая кровь».

Переписав краткое содержание этих статей и фельетонов, я отправился на ближайший переговорный пункт, чтобы обо всем прочитанном сообщить Петру Миновичу Матко.

Что он скажет? Известны ли эти публикации широкому советскому читателю?

— Нет, — донесся до меня голос Матко. — Для широких читателей это будет открытием. Срочно закажите фотокопии и шлите в Москву. Адрес, надеюсь, не забыли? Измайловский проезд, д. 6а, кв. 54. Музей Гашека.

В этот вечер мне дважды пришлось повторить адрес Матко. Первый раз, когда я разговаривал с ним, второй, когда вышел из телефонной будки.

— Простите за беспокойство, — обратился ко мне юноша в светлом плаще. — Не скажете ли вы нам, — он показал рукой на стоящих рядом девушку и парня, — как попасть в Музей Гашека? Мы слышали ваш разговор с Москвой.

Юноша сказал, что он и его товарищи — ленинградские студенты-филологи. Путешествуют по стране. Две недели гостили в Москве, посетили музеи Толстого, Горького, Достоевского. О гашековском слышат впервые. В справочниках этот музей не упоминается.

Я сказал, что такой музей действительно существует. Размещен он в квартире московского инженера. Открыт с семи вечера, после того как Петр Минович Матко возвращается с работы домой.

Человек для всех

Все же в тот день мы не все гашековское учли. Выяснилось, что писатель не только руководил армейской типографией, сочинял фельетоны для «Нашего пути», был секретарем Уфимского комитета иностранных коммунистов, но еще и представлял по всей Уфимской губернии Австро-Венгерский Совет рабочих и солдатских депутатов. Этот Совет основали в Москве бывшие военнопленные, уроженцы Австрии и Венгрии: на местах он имел своих представителей, которые вербовали добровольцев в Красную Армию, занимались трудоустройством своих земляков, вели среди них культурно-просветительную работу.

Ганцеров помнит, что в «Нашем пути» был опубликован не то приказ Гашека, не то обращение к венграм, волею судеб оказавшимся в Уфимской губернии.

— Когда это было?

— Ранней весной девятнадцатого года. Кажется, че-

рез несколько дней после рождения второй Советской республики.

— А где же тогда выходила армейская газета?

— В Белебее. Гашек пришел в типографию возбужденный: «Ребята, — не говорил, а кричал он, — в Будапеште Советская власть! Ура, ребята!»

— В те дни, — продолжал Степан Викторович — настроение у наших ребят, прямо скажем, было неважное: только что Уфу сдали. Там, в колчаковской неволе, остались наши родные и близкие. А тут из темноты словно светлый луч пробился. В самом центре Европы — в Венгрии — революция! Вторая Советская республика появилась на карте мира. И эту радостную весть первый принес Гашек. Он протянул мне густо исписанный лист бумаги и сказал: «Набирай, Перец, да поскорей. Мы должны помочь новой Венгрии».

Вслед за Ганцеровым мысленно повторяю: «Мы должны помочь новой Венгрии». Знакомая гашековская фраза. Я читал ее в обращениях к чехам и словакам, написанных в Москве и Самаре. «Мы должны помочь новой России» — с такой же просьбой писатель обращался к венграм, находившимся в Уфимской губернии.

Позже я установил, что документ, который набирал Ганцеров в Белебее, был напечатан не в одном, а в двух номерах «Нашего пути» — за 25 и 26 марта девятнадцатого года. Это обращение было написано в стиле тех героических лет:

«Всем венгерским гражданам, проживающим в Уфимской губернии.

В Венгрии победила пролетарская революция. Вся власть в Венгрии перешла в руки рабочих и крестьян. Отныне Венгрия объявлена Советской Республикой. Она состоит в оборонительном союзе с Российской Социалистической Республикой. В силу этого союза против врагов рабочего класса — объявляю всеобщую мобилизацию до сорока лет всех венгерских граждан, проживающих в Уфимской губернии. Они должны записаться в трехдневный срок в Губернском Военном Комиссариате в городе Белебее. С неподчиняющимися этому приказу будет поступлено как с предателями Венгерской Социалистической Республики.

*Уполномоченный Австро-Венгерским Советом
Рабочих и Солдатских Депутатов Ярослав Гашек».*

Распрашиваю Степана Викторовича, как прошла мобилизация, сколько венгров уехало на родину. Верно ли, что в Белебее был в те дни сформирован отряд имени Венгерской Советской Республики? Не говорил ли ему об этом Гашек?

— Нет, не говорил. Он в те дни даже в типографию не заглядывал. Все распоряжения подписывал в губвоенкомате, там, где находился мобилизационный центр.

Желающих помочь новой республике нашлось немало. Уполномоченный Австро-Венгерского Совета беседовал с каждым, хлопотал об экипировке венгров, о вагонах для отправки их на родину.

— Гашек, как сказал один поэт, был человеком для всех. Для него наивысшим счастьем было — бороться за счастье других, — не без гордости подчеркнул старый наборщик.

Если бы их раздеть...

В день отъезда из Уфы, когда я уже укладывал чемодан, в номер гостиницы постучал Степан Викторович.

— Михайлова из больницы выписали, — произнес он с порога. — Ждет нас.

Это известие меня обрадовало: объявился еще один человек, хорошо знавший Гашека. Пришлось отложить отъезд и отправиться с Ганцеровым к Михайлову.

В армейской типографии работали четыре брата Михайловых. Когда Гашека назначили заведующим иностранной секцией поарма, он передал типографию старшему из братьев — Владимиру Степановичу Михайлову, который прежде был техноруком.

Рассказанное им поначалу не представляло интереса. Владимир Степанович лишь подтверждал уже слышанное от Ганцорова. Да и тот, не стесняясь, перебивал его: «Да я уже об этом, Степаныч, сказывал».

— А про людей с нечистым прошлым? — Михайлов пристально посмотрел на Ганцорова. — Помнишь, Перец, как Ярослав Романович в своих открытых письмах Кобусова, Субеева и Мильниченко на чистую воду вывел?

Первое открытое письмо, посланное Гашеком в редакцию, появилось в армейской газете 15 февраля девятнадцатого года — через два дня после того, как в

Уфе произошел эпизод, глубоко возмутивший писателя.

Уполномоченный губернским полиграфотделом, некий Кобусов, напившись пьяным, раскатывая в санях по городу, орал: «Вот как комиссар гуляет...»

Под крылышком этого гуляки вольготно жилось людям с нечистым прошлым — Субееву и Мильниченко. В анкетах эти люди выдавали себя рабочими, на самом деле они до революции эксплуатировали рабочих.

Обращаясь в газету, Гашек писал:

«Товарищ редактор! Прошу поместить в Вашей уважаемой газете следующее:

При устройстве Советской Республики надо соблюдать, чтобы во всех советских учреждениях были люди, соответствующие своему назначению и не дискредитирующие своими поступками Республику, люди с чистым прошлым.

Всех бессовестных работников, которые предательски губят народное уважение к власти трудящихся, надо беспощадно прибавать к позорному столбу, изгонять из учреждений и наказывать самыми строгими мерами революционного времени».

Письмо, в котором люди с нечистым прошлым ставились к позорному столбу, заканчивалось так:

«Принимаю всю ответственность за свое письмо и прошу Революционный Трибунал дело Кобусова разобрать, а Революционный комитет устранить граждан Мильниченко, Субеева от их должностей, сменив их честными и незапятнанными рабочими — печатниками».

Михайлов помнит, что дело Кобусова трибунал рассмотрел. И тот получил по заслугам. Мильниченко же отстранили от руководства типографией, а с Субеевым пришлось еще повоевать. У него нашлись защитники в типографии «Восточная печать», приславшие опровержение.

Оно было напечатано в газете вместе с ответом писателя. Гашек до конца разоблачил Субеева и его защитников.

«Это лицо, — указывал он, — которое прежде защищало интересы хозяев и торговало чужим трудом. Такими эксплуататорами были не только хозяева, но и приказчики, и заведующие предприятиями и прочие! Понятно, если бы гр. Субеев защищал только интересы рабо-

чих, его бы давно хозяева прогнали, а что у него только начальное образование и что он поступил в типографию почти мальчиком — это еще не значит, что гр. Субеев не мог быть эксплуататором. Как заявляют авторы письма, что гр. Субеев был сам «эксплуатируемый» в качестве заведующего — непонятно. По-видимому, работают в бывш. типографии «Вост. П.» граждане очень смирные, добрые, которые все уже забыли и рады сказать даже, что их заведующий боролся за улучшение рабочего быта. По-моему, это было всегда задачей союза печатников и никогда заведующих. Как смотрит на гр. Субеева союз печатников, видно из того, что его прошение о принятии в члены союза было на собрании союза 10 февраля отклонено, и он не принят членом. Понятно, если бы он был друг рабочих, как в заявлении, он был бы принят.

Но удивительно, что за его принятие в члены на собрании союза не голосовали даже представители типографии «Восточная печать», которые подписали несколько дней спустя «письмо в редакцию»...

Этим прекращаю полемику и прошу еще раз Рев. комитет устранить его от должности и на его место поставить рабочего».

Ярослав Гашек».

— Субеева потом отстранили, — продолжал Владимир Степанович. — На его место поставили человека с чистым прошлым. А Ярослава Романовича за его неприимимость к тем, кто торговал чужим трудом, уфимские полиграфисты стали еще больше уважать.

Михайлов вспоминает еще один любопытный случай, связанный с борьбой Гашека за справедливость. Когда ранней весной девятнадцатого года Красная Армия вынуждена была временно оставить Уфу, не все рабочие военной типографии успели эвакуироваться и получить зарплату за первую половину марта. Позже, когда Советская власть в городе была восстановлена, губфинотдел отказался выдать полиграфистам недополученную ими заработную плату. Более того, тех, кто вынужден был остаться в Уфе, готовы были обвинить чуть ли не в предательстве. Гашек тогда заступился за рабочих.

— Жалованье им выдали, да дело не в деньгах, — продолжал Михайлов. — Главное, что с людей сняли пятно. Они ведь не были виноваты.

Позже в Москве, в груди архивных бумаг, я обнаружил документ, подтверждающий то, о чем слышал в Уфе. Доказывая справедливость требования рабочих, заведующий типографией писал в политический отдел 5-й армии:

«Типография существовала до 13 марта с. г. — до времени оставления Советской властью Уфы. Служащие и рабочие типографии выехать из Уфы вместе с другими советскими учреждениями не имели возможности, т. е. не имели точных сведений о времени оставления г. Уфы, и им не было предъявлено заранее официального распоряжения об обязательной эвакуации с учреждением и не были предоставлены для этого необходимые средства. Оставшимся, не по их вине, служащим и рабочим, не было уплачено за спешностью выезда из Уфы советских учреждений жалованье с 1—13 марта».

Оказывается, Гашек воевал с бюрократами и с губфинотделом не только по вопросу о выдаче заработной платы рабочим и служащим.

Уже не первый год существовали народные комиссары и управления, а из уфимского губфинотдела однажды прислали в типографию заказ на бланки со старыми названиями, вроде «казначейство», «департамент». Такого заказа Гашек, как заведующий типографией, не принял. В «Нашем пути» появился фельетон «Замороженные чиновники в советских учреждениях».

«Для этих чиновников, — писал Гашек, — советский строй остается непонятным.

Они служили царю, служили Керенскому, служили белым. Только вывески над учреждениями перекрасились с занятием Уфы нами, но внутри остались те же самые попугаи, которые не стремятся к пониманию окружающего...

...При том говорят: «Мы только служим, мы беспартийные». При этом страшно обидно, что много партийных интеллигентных людей или искренне сочувствующих Советской власти не могут найти в Уфе никакой должности, потому что в советских учреждениях находятся беспартийные глупцы, которые плачут при снятии икон в советских учреждениях.

...Красный свет бьет в окно, но в комнатах сидят люди с воспоминаниями о кадетской жизни, не интересующиеся в настоящее время ничем, кроме сосиски с капустой.

Если бы их раздеть, то на груди их можно было бы найти портрет губернатора. Они остались служить Советской власти, потому что им деваться некуда.

Эти безобидные люди презирают Советскую власть, но, тем не менее, служат ей.

Они не поняли новую жизнь, они замороженные и растают только на своем солнце, которое, конечно, вне советского строя».

Под конец наш разговор зашел о редакторах армейской газеты. Их было несколько. Старые наборщики вспомнили спокойного Василия Сорокина, темпераментного Яна Грунта, тоже поэта, выпустившего в дни революции сборник своих стихов «Кандалный звон» (к известному читателям письму, адресованному председателю Уфимского горсовета, Гашек сделал следующую приписку: «Привет тов. Грунту, редактору, ежели еще в Уфе»).

Но Грунта в Уфе уже не было. Его перевели в Москву, в редакцию «Правды».

Вспомнили его земляка, пламенного Яна Димана. Позже он редактировал армейскую газету.

— Звонко Диман писал, — сказал Михайлов. — Был он мастером на все руки: передовую так передовую, фельетон так фельетон, заметку так заметку — все умел делать. Здоровяк был, а помер от сыпняка.

— А ты, Степаныч, не ошибаешься? — остановил Михайлова Ганцеров. — Сдается мне, что в двадцатых годах Диман какую-то брошюру выпустил. Своими глазами видел фамилию на обложке: «Ян Диман». Вот кто мог бы о Гашеке на целую книгу рассказать...

Сколько раз мне приходилось слышать эти обнадеживающие слова «мог бы», за которыми часто следовало разочаровывающее «но». И все же я решил порыться в библиотечных каталогах. Изредка попадалась фамилия «Диман», но инициалы не сходились. Наконец в одной из карточек обнаружил и то, и другое: это была статья за подписью Я. Димана, опубликованная в Риге в пятидесятом году.

Значит, Диман не «помер от сыпняка», вернулся в родную Ригу? Впрочем, мало ли Диманов в Латвии! Там это довольно распространенная фамилия.

Связываюсь с постпредством Латвийской ССР в Москве. Беседую с консультантом по культуре. Готов помочь, обещает через неделю все выяснить.

Проходит неделя, вторая, месяц. Диман в Риге не обнаружен.

Михайлов говорил, что Ян Янович был большим книголюбом. Нет ли его среди читателей Рижской республиканской библиотеки? Послал открытку главному ее библиографу Идее Зигфридовне Микельсон. Это она помогла мне найти забытую книгу «Снова Швейк». Может быть, поможет найти и Димана?

Вскоре получил от нее письмо с точным адресом: «Ян Диман, бывший редактор газеты «Красный стрелок», проживает в Риге, по улице Горького, дом 123, квартира 7». Внизу приписка: «Вы можете связаться с ним и получить все необходимые сведения».

Решил не прибегать к помощи почты. Первым поездом отправился в Ригу.

Диман жив, Диман смеется!

И вот я в Прибалтике. На сей раз в гостях у персонального пенсионера Яна Яновича Димана. Высокий, стройный, не согнутый годами, неугомонный и неумный, каким описывали его Михайлов и Ганцеров, он весь день за работой: читает лекции, доклады, пишет статьи.

Диман действительно болел в Сибири сыпняком; его тогда сняли с поезда, отправили в тифозный госпиталь, но крепкий организм одолел болезнь. Через несколько месяцев Ян Янович вернулся в строй. А когда кончилась гражданская война, остался работать в Сибири.

— Я из крепкой породы, — с улыбкой говорит он.

Ян Янович рассказал, когда и при каких обстоятельствах он познакомился с Гашеком.

Это было весной девятнадцатого года. Штаб 5-й армии вместе с политотделом и редакцией газеты стоял «на колесах» на станции Кротовка, неподалеку от Самары.

— Сидим мы в вагоне, работаем каждый за своим столом. Посредине вагона — «буржуйка», по углам — койки. Входит незнакомый мне, среднего роста, военный. Одет в английский френч, через плечо на узеньком ре-

мешке — полевая сумка, на голове — черная кожаная фуражка с красной звездочкой.

Вошедший поздоровался с каждым за руку. Начал с секретаря редакции Веры Засыпкиной — по газете ее знали как Веру Чужую.

— А-а, Гашек! — воскликнула Засыпкина и представила его мне, новому сотруднику редакции:

— Знакомься, Диман, это наша «производственная база»!

Мы обменялись рукопожатиями. Фамилия «Гашек» мне тогда ничего не говорила. Засыпкина же знала Гашека и всю его родословную. Познакомилась она с ним еще летом восемнадцатого года, под Казанью.

Перекинувшись со мной несколькими словами, Гашек подсел к Яну Грунту, но поговорить с ним почти не удалось: приходилось отбиваться от наседавших сотрудников.

Сразу видно, что Гашек за словом в карман не лезет. Отвечает так, что волей-неволей захохочешь. Сам же не улыбнется. Он не улыбочатый был, хотя человек добрейший.

Воспоминания Яна Яновича изобиловали любопытными деталями.

— Спустя несколько дней после нашей встречи, — продолжал Диман, — мы с Верой Засыпкиной возвращались в вагон. Шли вдоль поезда. Редакция с типографией стояли на последних путях, за ними уже степь. Дверь одного из вагонов полуоткрыта. Засыпкина заглянула в вагон: «Хозяева дома?» Не дожидаясь приглашения, она поднялась по ступенькам и потащила за собой меня. В полутемноте узнаю Гашека. Рядом с ним его жена Шурочка.

Под жильё Гашеки заняли угол вагона. В «квартирке» уютно. Сразу чувствуется женская рука. Несколько табуреток, столик. Коек нет, их заменяют кипы бумаги.

Болтаем о том о сем. Шура занята домашними делами и не принимает участия в нашей беседе. Незаметно разговор перешел на «женский вопрос». Засыпкину хлебом не корми, ей только дай «женский вопрос»! Гашек, по ее мнению, как вообще все мужчины, эксплуататор и поэтому всю домашнюю работу взваливает на плечи жены.

Гашек, лукаво прищутив глаза, ждет, заступится за него Шура или нет? Шура не согласна с такой характеристикой.

— Позже вы с Гашеком встречались? — спрашиваю у Димана.

— И не один раз. Уфа была отбита у белых летом девятнадцатого года. Типография нашей армейской газеты расположилась на одной из центральных улиц города. Представьте себе кабинет Гашека — просторная светлая комната с письменным столом посередине и большим окном-витриной на улицу. Ярослав Романович — именинник, радостный ходит по кабинету. Он в том же защитном френче, в котором я его видел в Кротовке, с той же полевой сумкой на тоненьком кожаном ремешке — с ней он никогда не расставался. Говорят, в сумке он хранил какие-то ценные записи. Может быть, это были «заготовки» для «Швейка». Трудно сказать, но, думается, что это именно так.

— Вы говорите, что это было летом? — уточняю я. — А день Ярослава, как известно, чехи отмечают ранней весной?

— Вы меня не поняли. Гашек ходил по кабинету именинником, потому что в тот день в армейской газете был напечатан его блестящий фельетон, разоблачающий «святое войско».

Диман дал правильную оценку этому фельетону, назвав его одним из лучших. Написан он был на злобу дня. Летом девятнадцатого года, когда колчаковский фронт трещал по всем швам, адмирал вынужден был объявить всеобщую мобилизацию. В этом ему помогало реакционное духовенство: в городах и селах устраивались молебны. Из церковнослужащих и монахов формировались дружины «святого креста».

Появление этого фельетона для всех сотрудников, и особенно для Димана, тогда еще молодого журналиста, было сенсацией. Он восторгался, как мастерски и остроумно умеет писать «производственная база», какой искрящийся юмор, какая едкая сатира на новоявленного «правителя всяя Руси», на реакционное духовенство!

— Не помните, Ян Янович, как назывался этот фельетон?

— Простите, запямятовал.

— Могу назвать точно: «Дневник попа Малюты. Из полка Иисуса Христа»¹. — И тут же достаю из папки, где собраны копии фельетонов и статей, написанных Гашеком по-русски (папка все время со мной в пути), забывшийся Диману фельетон.

Ян Янович читает. Первые строчки из «Дневника» вызывают на его лице мягкую улыбку.

— Да, это тот самый фельетон, — обрадованно подтверждает он.

Но вот Диман доходит до записи, в которой поп Малюта советует Колчаку: «Мужайся, Александр IV! Иди на свою Голгофу. С тобою крест святой, дворянство, купцы, офицеры и помещики. Твое войско, побиваемое красными, переходит на их сторону, но с тобой воинство небесное.

Красные взяли Уфу, Пермь, Кунгур, Красноуфимск, идут на Екатеринбург и подходят к Златоусту. «Оскудеша очи мои в слезах, смутиша сердце мое» (Плач Иеремии, 2 гл., 11 ст.)», — Ян Янович начинает хохотать.

Смеялся он заразительно, смеялся, должно быть, так, как сорок лет тому назад, когда в первый раз прочел этот фельетон, написанный Гашеком в Уфе на уфимском материале.

¹ Этот фельетон был напечатан в «Красном стрелке» 9 июля 1919 г. Он несколько раз включался в гашековские сборники, выходящие в разные годы в Москве. И каждый раз издатели почему-то опускали сделанную автором очень важную пометку: «Материал взят из подлинника». Этим Гашек хотел сказать, что в основу «Дневника» были положены подлинные факты.

БУДЬ У НЕГО ДЕСЯТЬ ЖИЗНЕЙ...

Захудалый журналишко, скажем, «Азиатик Нью Аженс» или «Журналь де Пекин», лает на огромную пролетарскую революцию, лает на русского рабочего и крестьянина, который сегодня уже взял винтовку в руки, чтобы двинуться через Омск, Томск, Иркутск на Владивосток.

Я. Гашек.

Что удивило Ольбрахта

В поисках документов и живых свидетелей я многие месяцы ездил то в Ригу, то в Куйбышев, то в Иркутск, то в Ульяновск. На Волге мне рекомендовали разыскать Софью Гончарскую. Говорили, что она может многое рассказать о Гашеке: Гончарская работала с ним в Челябинске, куда Гашек был переведен из Уфы на должность заведующего иностранной секцией поарма 5.

Говорили, что в тридцатых годах Софья Самойловна Гончарская жила в Москве, а потом как будто переехала в Ленинград.

Обратился за помощью к Матко. Петр Минович снял с полки «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» — первое советское издание сатирического романа, которое он приобрел у букиниста, и молча протянул этот редкостный экземпляр мне.

Вступительную статью к «Швейку» написал в двадцатых годах старый большевик, один из первых народных комиссаров В. Антонов-Овсеенко. В его предисловии приведен любопытный разговор писателя Ивана Ольбрахта с Софьей Гончарской, той самой Гончарской, о которой мне рассказывали на Волге.

Ольбрахт расспрашивал Гончарскую и других работников политотдела о своем знаменитом земляке, о том, как он работает, как живет, как ведет себя в быту.

— Перед войной, — заметил гость, — Гашек был известен в пражских литературных кругах как бесшабашный кутила и веселый юморист.

Ольбрахт несказанно обрадовался, когда узнал, как изменился Гашек, находясь в рядах Красной Армии. Товарищи отзывались о нем как об отличном работнике, человеке сурового, почти аскетического образа жизни. Гашек отрешился не только от своих ошибочных взглядов на пролетарскую революцию, но и от дурных привычек.

— И не пьет? — с недоверием спросил Ольбрахт.

— О, что вы, товарищ! Что вы только говорите!

«...И один за другим, — пишет В. Антонов-Овсеенко, — к большому удивлению Ольбрахта, заговорили о Гашеке товарищи, которым нельзя было не верить, все прославляли Гашека за его геройство в боях, за его ум и организаторские способности».

От Матко я узнал, что Софья Самойловна живет в Москве, на Красной Пресне.

Наша встреча состоялась.

— В Гашеке, — сказала Гончарская, — меня поражала его исключительная работоспособность. Он был политработником в самом широком смысле этого слова: выступал на митингах, читал лекции в школе политруков, писал листовки и редактировал газеты на разных языках. Да что там говорить — динамический был человек!

Все это было ценно, но мне нужны были факты, нужны были черты и черточки из боевой биографии писателя.

Увидев, что лист бумаги, лежавший передо мной, к концу беседы остался чистым, Софья Самойловна несколько смутилась.

— Вы на меня не обижайтесь, — сказала она виноватым голосом. — На старости лет память словно решето. Вот, например, Ольбрахт пишет, что Гашек говорил, будь у него десять жизней, а не одна, он бы их с радостью пожертвовал ради власти пролетариата. Он бы тогда так и поступил, я в этом не сомневаюсь, но когда и где им были сказаны эти слова — хоть убейте! — не помню.

Немного подумав, она продолжала:

— Вам следовало бы побывать в Челябинске. Там есть люди, которые помнят содруга Гашека. Там, я слышала, улица и библиотека носят его имя.

Однако людей, хорошо знавших Гашека (кроме Эмилия Чоппа), я в Челябинске не нашел. Чопп сообщил мне, что в местном архиве хранится разрозненная подшивка «Красного стрелка». Может быть, в ней сохранился полноценный 123-й номер армейской газеты, на поиски которого я затратил не один день.

Сорокин говорил, что Гашек собирался отправить героя своей «главной книги» из революционной России в пробуждающийся Китай. Неизвестно было, писал ли что-нибудь сатирик о Китае? На этот вопрос П. М. Матко дал исчерпывающую справку: «В «Красном стрелке», в его 123-м номере, выпущенном в Челябинске, был помещен гашековский фельетон «Вопль из Японии». В нем говорилось о Китае. Но самого фельетона не пришлось прочесть.

С ним получилось то же самое, что и с сибирским сборником «О попах». Издаваться он издавался, но никто из современных гашековедов его в глаза не видел.

— Вот если бы найти газету с фельетоном «Вопль из Японии», — мечтательно произнес Петр Минович и еще раз назвал номер «Красного стрелка», в котором он был напечатан.

Разговор происходил в начале недели, а к концу ее в одном из московских газетных хранилищ мне наконец попался в руки этот номер. С трепетом раскрываю его. На первой, второй полосах фельетона нет. Берусь за третью — она вся белая. Типографский брак. Не на этой ли полосе должен быть фельетон «Вопль из Японии»? Найти бы номер «Красного стрелка» без типографского брака!..

И только в Челябинске сохранился полноценный номер с этим фельетоном.

В нем Гашек высмеял английский журнал, издающийся при дворе японского микадо в Токио: с дрожью этот органчик сообщал, что «красный призрак большевизма бродит над Амуром».

Итак, речь идет о Китае, идет о том, что больше всего меня интересовало.

«Сильно беспокоятся они также относительно Китая, — отмечает Я. Гашек. — Там, за Желтым морем, против острова Нипон, спит титан, удара которого они боятся. Это 400 миллионов обитателей Китая, нищих, голодных, о которых доктор Ку, представитель от Китая в

«Лиге народов», с тревогой пишет, что в один день все они станут в лагерь большевиков».

Более четырех десятков лет отделяют нас от того дня, когда были написаны эти строки. Все то, что писалось о Китае, действительно произошло за Желтым морем. Только уже не четыреста, а шестьсот с лишним миллионов китайцев стали в лагерь большевиков.

Не менее актуально звучат заключительные слова «Вопля из Японии»:

«Американский сенат в Вашингтоне предложил японскому генералу Кикизу Отана золотой орден за успешное ведение борьбы с большевиками в Маньчжурии!

Мне бы хотелось записать в «Адвертэр»: «Господин редактор! Фронт всемирной революции расширяется и через золотые ордена генерала Кикизу Отаны. Эта линия революции пройдет и через Токио, Вашингтон и Лондон. Она раздавит в своем историческом продвижении и бога, соборного протоиерея Кругового, и империалистический и купеческий мир! Это величайшее событие, которое только знает история — а человечество само определит свое развитие и без Вудро Вильсона, Клемансо, Ллойд Джорджа, которые без вести пропадут в волнах всемирной революции».

Еще одно очень важное выступление Гашека против Антанты я обнаружил в старой подшивке «Красного стрелка».

Ян Янович Диман рассказывал, что, когда 5-я армия была награждена правительством почетным Красным Знаменем ВЦИКа, он попросил Ярослава Гашека написать статью. Писатель охотно откликнулся.

— В каком номере был напечатан отклик?

— Разумеется, в праздничном. А вы что, сомневаетесь?

Нет, я не сомневался. Мне хотелось лишь проверить утверждения Н. Еланского, который в своей монографии «Ярослав Гашек в революционной России» отмечал, будто бы писатель на страницах «Красного стрелка» в течение десяти месяцев — с октября 1919 года по август 1920 года — не выступал.

Конечно, сообщение бывшего редактора армейской газеты заслуживало доверия, но ради установления истины пришлось засесть за комплект «Красного стрелка». В Челябинске он был неполным. В Москве — тоже. Зато в

библиотеке Иркутского университета сохранились почти все номера армейской газеты. В одном из них — в номере от 27 июня двенадцатого года — Гашек опубликовал статью «К празднику», которую я привожу полностью:

«Много тысяч верст прошла 5-я армия. Это была жесточайшая схватка с контрреволюцией в великой эпохе наших революционно-социалистических войн. Не страшны ни многочисленные полки отечественной контрреволюции, ни тяжелая артиллерия международного капитала.

Когда наемник иностранного капитала адмирал Колчак в апреле прошлого года наступал на Казань и Самару, представители союзников посылали телеграмму за телеграммой.

Лондонская газета «Таймс» в своей передовой статье высказывала пожелания и надежду, что Англия, поддерживая адмирала Колчака, поможет ему уничтожить Советскую власть.

Парижский «Тан» поздравлял адмирала с наступлением, обещая Колчаку всевозможную поддержку Франции для окончательного разгрома Советской власти.

Представитель американских миллиардеров Вудро Вильсон телеграфировал: «Желаю доблестной армии адмирала Колчака разбить наголову своих врагов и обещаю всевозможную поддержку».

Так было в апреле 1919 г. В апреле 1920 года пишут эти же газеты: «Англии необходимо признать Советскую власть».

Победы Красной Армии, в том числе и 5-й армии, отбили у английских буржуев спесь и заставили их заговорить о мире.

Советуем и японским дипломатам призадуматься над этим и помнить, что почетные знамена мы дарим железным армиям».

Перепечатал эту статью в нескольких экземплярах: один для себя, другой для московского Музея Гашека, третий посылаю в Ригу Яну Диману, как еще одно доказательство, что память не умирает.

На Южном Урале

С чего же начать рассказ о работе писателя в политотделе армии, в его иностранной секции? Не с обращения ли Гашека, которое он послал в поарм, накануне его переезда из Уфы в Челябинск?

Интереснейший документ! В каждой строчке чувствуется беспокойный гашековский характер:

«Прошу принять самые срочные меры, — писал он по поручению уфимского комитета иностранных коммунистов, — для командировки тов. Гольца Хаима, тов. Просе Германа и тов. Хадингера Иосифа в гор. Челябинск для организации быв. военнопленных граждан из Германии, Венгрии, Австрии и др. стран, освобожденных нашей армией.

Нужно действовать очень быстро, так как в Челябинске находится, по данным сведениям, какая-то группа социал-соглашателей из иностранцев.

Комитет просит вышеуказанным товарищам дать полномочия, так как они являются представителями нашей организации при политотделе 5».

А может быть, начать рассказ с того памятного августовского дня, когда поарм переехал в Челябинск и на дверях одной из комнат большого здания, переданного в распоряжение политотдела, появилась написанная от руки табличка: «Иностранная секция. Заведующий Я. Гашек»?

Пожалуй, начну с этого.

С утра, как об этом свидетельствует Я. Диман, Гашек был в кабинете: принимал посетителей, снабжал их литературой, напечатанной в Уфе и полученной из Москвы. Днем и до поздней ночи он находился в лагерях для бывших военнопленных.

Они уже не были опоясаны проволокой, но в них по-прежнему находились уроженцы Австрии и Венгрии. Здесь орудовала группа социал-предателей. Они убеждали своих земляков, что русские дела не касаются иностранцев: им следует держаться подальше, терпеливо ждать, когда начнется обмен военнопленными между Советской Россией и странами австро-немецкой коалиции. Тогда, дескать, можно будет вернуться на родину «чистенькими», «здоровыми», не зараженными бактериями коммунизма.

В одном лагере было, по существу, несколько лагерей. Кроме враждебно настроенных, были люди, готовые прийти на помощь русской революции, — и таких было немало. Были и колеблющиеся. Последних пугало одно очень важное обстоятельство: по приказу Колчака ино-

странцы красноармейцы в плен не брались, они расстреливались на месте.

После того как иностранная секция развернула работу в лагерях, колеблющихся и выжидающих оставалось все меньше и меньше.

К сожалению, в местных архивах не сохранились документы, отражающие кипучую деятельность иностранной секции и ее начальника. Уцелели лишь разрозненные номера газет, в которых время от времени печатались информационные отчеты о состоявшихся интернациональных митингах, их резолюции.

Одна из резолюций была напечатана в сотом номере «Красного стрелка». Гашековская манера письма угадывалась в каждом ее абзаце:

«Мировая революция в опасности. Задушена Советская власть в Баварии и Венгрии. Российская Советская Социалистическая Республика осталась единственным оазисом во всем мире, где ниспровергнута власть буржуазии и осуществлена диктатура пролетариата. Мировой империализм употребляет все усилия, чтобы задвить Российскую революцию, которая вдохновляет к борьбе пролетариат всех стран. В этом ему оказывают содействие те партии, которые, именуя себя социалистическими, на самом же деле с первых дней войны, еще в августе 1914 г., втоптали в грязь знамя Интернационала и превратились в прямых и косвенных пособников буржуазии.

Поражение Российской революции было бы самым сильным ударом для дела мировой революции и отдалило бы час освобождения трудящихся от их цепей.

Ввиду этого военнопленные мадьяры, немцы, чехословаки, румыны и поляки, собравшись 28 августа с. г. на митинг в гор. Челябинске в числе 600 чел., постановили: с оружием в руках защищать форпост мировой революции — Российскую Советскую Социалистическую Республику, уверенные в том, что таким путем они лучше всего помогут своим братьям, борющимся на Западе против кровавой диктатуры буржуазии».

Это был не единственный митинг, организованный Гашеком в Челябинске. О втором я узнал из газеты «Степная коммуна» за 20 сентября 1919 года. На этом митинге присутствовало уже не шестьсот, а более тысячи уроженцев Венгрии, Германии, Австрии, Югославии. В опубли-

кованной резолюции повторялась та же мысль: защита русской революции — дело не только русских.

В газетном отчете говорится, что Гашек выступил на митинге с речью на сербском языке.

— Не опечатка ли это? Не перепутал ли челябинский репортер сербский с чешским? — высказал предположение один из местных историков.

Нет, не опечатка. Еще в юношеские годы, подражая Максиму Горькому, скитавшемуся по России, Гашек бродил не только по своей стране, но и по Сербии, Болгарии, Македонии. Побывал и на Украине. Молодой литератор чутко прислушивался к чужой речи, легко усваивал иностранные языки. Немецкий и венгерский он знал с малых лет. Владел сербским, говорил и писал по-русски. Недаром в Красной Армии Гашека называли «многоязычный комиссар».

В делах поарма хранятся доклады его отделов и секций. Отчета же о работе иностранной секции — самой молодой поармовской секции — я долго не находил.

Может быть, Гашек и не составлял письменных отчетов? Тем более, что от одного ветерана 5-й армии я слышал, что Гашек возглавлял в политотделе комиссию по ликвидации бумажного потока.

Однако комиссия комиссией, а отчеты отчетами. В политотдел поквартально присылали свои доклады его отделы и секции. Просмотрел в Центральном архиве Советской Армии не один десяток папок. И вот в одной из них, самой пухлой, нахожу отчет иностранной секции за август — ноябрь девятнадцатого года.

Несколько страничек текста, написанных знакомым гашековским почерком. Сжатый и лаконичный до предела, отчет содержал в себе несколько любопытных цифр. Гашек сообщал, что 720 иностранцев добровольно вступили в ряды Красной Армии и 468 специалистов из бывших военнопленных изъявили желание работать на фабриках и заводах Южного Урала.

Это были первые результаты большой агитационно-массовой работы, которую вела секция.

«С продвижением армии дальше на Восток, — писал Я. Гашек, — секции предстоит вести агитационно-организационную работу в самом широком масштабе, так как дальше находятся иностранцы в гораздо большем числе, чем район от Кургана до Челябинска, который об-

20
Доклад о работе
иностранной секции. Томитонима. I
за месяц Июль и август 1919 г.

Общая задача иностранной секции:

Вести организационно-политическую
работу среди иностранцев в
Сибири, в области буржуазии.

Материал, который обрабатывает секция:
Иностранцев, которых находила в области
свободных армий можно разделить
на две группы.

К первой группе принадлежат быв.
военно-технические иностранцы в империалистической
войне, которых находится
в Сибири около 500.000. Большинство
из них мажоры и кешеры.

Другая группа состоит из тех иностранцев,
которые находились в рядах контр-
революционных иностранных войск
и перешли к нам после нашего
дохода к иностранной армии, как
сербы, чехо-словаки, поляки и украинцы
и др. (американцы, немцы)

Детали работы среди этих групп:

Политическая агитация среди
крестьянской массы в области.

Объяснение программы коммунистической
партии.

Мирная пропаганда идей всемирной
пролетарской революции и диктатуры про-
летариата.

Подготовка иностранцев к вступлению
в ряды Красной Армии

Доклад о работе иностранной секции, написанный рукой
Я. Гашека

рабатывала секция в течение двух месяцев с вышеуказанными результатами».

За Уралом — Сибирь. Там скопилось более полумиллиона бывших солдат и офицеров австро-германской коалиции. И всю эту разноязычную массу должна была, по выражению Гашека, «обрабатывать» иностранная секция, ставшая позже интернациональным отделением политического отдела армии.

Будапешт в Красноярске

В конце девятнадцатого года поарм 5 из Челябинска перебазировался в Омск. В одном вагоне с Гашеком ехала Надежда Вишнякова — заведующая информсектором политотдела. Она рассказала мне об этой поездке:

— Мы добирались до Омска не то две, не то три недели. Пути были забиты. Больше стояли, чем ехали. В дороге Гашек вспоминал, что в Омск он должен был попасть еще летом восемнадцатого года.

«Что ты, Ярослав Романович!» — возразила я ему.

В Омске тогда белочехи были.

«Точно, — ответил Гашек, — но меня к себе пан Айзенбергер лично приглашал. Очень хотелось ему меня видеть. И он этого не скрывал. О его желании я узнал из белочешской газеты. Пан Айзенбергер не пешка.

Он был председателем военно-полевого суда в чехословацком корпусе».

Сначала мы думали, что Гашек шутит. — Вишнякова сделала паузу. — Но он тут же достал из своей сумки номер газеты, издаваемой в чехословацком корпусе. В ней был напечатан приказ о предании Гашека суду.

Позже я ознакомился с содержанием этого приказа. Много лет спустя он был опубликован в Праге, в сборнике «Ярослав Гашек в фотографиях».

Постановление, принятое в Омске 25 июня 1918 года, гласило:

«Полевой суд чехословацкого войска издал на основании предложения общественного обвинителя приказ об аресте Ярослава Гашека, бывшего члена редакции «Юмористической газеты» в Праге, бывшего добровольца 1-го чехословацкого полка Яна Гуса, редактора «Чехослована» в Киеве, члена редакции газеты социал-демократов коммунистов «Походень» в Москве, организатора чехословацкого красного войска в Самаре...»

Всем солдатам и офицерам корпуса вменялось в обя-

занность арестовать Гашека и под сильной охраной доставить в полевой суд. По мнению Н. Вишняковой, Гашек был не только выдающимся фельетонистом, замечательным оратором, но и одаренным актером.

— Какие мимические сценки он разыгрывал! — продолжала Вишнякова. — Помню, незадолго до нашего отъезда из Челябинска, после затянувшегося партсобранинн, когда все чертовски устали, кто-то из товарищей попросил Гашека рассказать про эсеров. Точнее, не рассказать, а показать. Гашек вышел на сцену и, засучив рукава гимнастерки, разыграл поединок эсера с самим собой: одной рукой он отдавал землю крестьянам, другой — забирал ее. Конец поединка Гашек изобразил с таким выражением лица, что усталость как рукой сняло: все покатались со смеху.

Гашек любил театр. Все интернациональные митинги, которые он устраивал, назывались митингами-концертами. Так было на Урале. А в Сибири, начиная с Омска, он занялся организацией интернациональных театров. Вишнякова помнит, что в Омске Гашек дружил с одним венгерским актером и режиссером, которого Красная Армия освободила из концлагеря.

— Как его фамилия?

— К сожалению, фамилии в моей голове не держатся. Знаю, что этот человек был неплохим организатором. Так о нем говорил Гашек. Как заведующий иностранной секцией, он помог венгерскому артисту сформировать труппу, хлопотал о помещении.

— Театр был создан в Омске?

— Точно сказать не могу. Поарм в Омске находился неделю, а может быть — две.

Иду в Омский областной государственный архив. Там мне показали записку, посланную Гашеком 6 декабря 1919 года в театральную секцию губнаробраза:

«Ввиду необходимости учреждения интернационального театра для 30 000 иностранцев в гор. Омске, который театр бы своей чисто социалистической программой работал на культурно-просветительном поприще среди иностранных масс, секция Политотдела V армии просит оказать всяческое содействие тов. Мадьяру Эрвину, организатору интернационального театра.

Секция еще раз подчеркивает **необходимость** такой сцены для политического воспитания иностранцев и на-

деется вполне, что тов. Мадьяру Эрвину будет театральной секцией дано помещение для культурно-просветительного предприятия. Заведующий секцией Гашек».

Значит, организатором интернационального театра, о котором рассказала старая большевичка, был Эрвин Мадьяр.

В Омске я искал его следы: просмотрел старые театральные афиши, рылся в делах Омского губнаробраза и в конце концов обнаружил интересный документ. Название многословное, нескладное, но любопытное: «Доклад иностранных рабочих искусств, находящихся в городе Омске, об основании театра интернационального характера».

Объясняя, зачем в Омске нужен такой театр, какие цели он преследует, Э. Мадьяр писал по-русски (мы сохраняем его стиль):

«Главная же цель всех пролетариев — свергнуть во всем мире капиталистическое иго. Для завершения этой цели нужны борцы из народов всего мира. Наши соотечественники, пострадавшие одинаково как от своего, так и от иностранного капитала, должны узнать раньше, чем они домой поедут, по чьей вине они страдали и как они должны поступить в будущем. А эту цель можно достигнуть через поучительную, просветительную агитацию. Одним из агитационных средств служит сцена. Для того, чтобы она действительно служила для такой цели, нужно представлять главным образом драмы или пьесы социального значения».

Кроме доклада, других документов выявить в Омском архиве не удалось. Эрвин Мадьяр умер в пятидесятых годах.

Оставалось искать тех, кто играл в этом театре, кто присутствовал на его спектаклях.

Омский историк Николай Колмогоров дал мне адрес Иштвана Ковача, бывшего технического работника театра, ныне пенсионера.

Ковач — земляк Мадьяра. Оба в мировую войну попали в русский плен, оба были освобождены частями Красной Армии и позже, женившись на русских женщинах, осели в Сибири.

Ковач лично не был знаком с Гашеком, но помнит чеха-комиссара, приходившего в театр к Мадьяру. Эрвин рассказывал Ковачу, что комиссар по профессии литератор и что он обещает написать пьесу для нового театра.

— И написал?

— Написал, — ответил, улыбаясь, Ковач. — Но поставил ее Будапештский театр.

— Будапештский? — переспрашиваю я, а сам думаю: «Ошибается старик. Вряд ли актеры Будапештского театра отважились бы после разгрома Венгерской Советской Республики поставить пьесу, присланную из России».

— Да, да, Будапештский, — повторил Ковач. И объяснил, что театр только так назывался. Он был создан в Красноярске красноармейцами — жителями Буды и Пешта. Открытие театра состоялось в Красноярске. Было это зимой двадцатого года, кажется, в первую годовщину Венгерской Советской Республики.

«Хаза Менни»

В Красноярске, как и в Омске, начинаю с Государственного краевого архива. Заведующая архивом Ольга Галян развела руками:

— О Гашеке у нас, к сожалению, ничего не сохранилось. О его пьесе впервые слышу. Прежде чем забираться в сибирскую даль, послали бы нам письменный запрос. Мы не бюрократы — сразу бы ответили. — И тут же, подумав, добавила: — Позвоните в редакцию молодежной газеты Жану Кацера. Он тоже интересуется Гашеком.

Позвонил. Кацера на месте не оказалось, но девушка, ответившая на звонок, обещала передать о моем приезде.

Жду его в читальном зале архива. Не теряя времени, сажусь за комплект «Красноярского рабочего» за 1920 год. Он здесь полнее, чем в столичных библиотеках.

Иштван Ковач говорил, что премьеры будто бы состоялась в первую годовщину Венгерской Республики. Это уже ориентир. Листаю мартовскую подшивку. В номере от 17 марта читаю заметку: «В 1-м Советском театре». В ней говорится, что перед началом спектакля выступал Ярослав Гашек.

Гашек и советский театр! Может быть, это ключ к той самой пьесе, которую я ищу? Прочитал заметку. О пьесе ни слова. Репортер записал:

«Тов. Гашек вспоминает славную историю борьбы красных войск с Колчаком и наемниками Антанты, указывает на международное значение этой борьбы и приглашает принести помощь больным и раненым красноармейцам

не с чувством благотворительности, а с особым чувством благодарного долга граждан Советского государства».

В следующем номере опять упоминается фамилия писателя. На этот раз в «Справочном отделе» газеты помещен список ораторов, которые выступят 18 марта на митингах, посвященных годовщине Парижской Коммуны: в клубе имени Карла Либкнехта — Раиса Азарх¹, Евграф Литкенс² и Ян Диман; в клубе имени III Интернационала — Василий Сорокин и Ярослав Гашек; в Красном клубе — Сергей Бирюков...

Сорокин, Диман, Бирюков! Знакомые люди. Вместе с ними Гашек прошел длинный и трудный путь от берегов Белой до Енисея. Как приятно было встретить их фамилии на пожелтевших страницах газет более чем сорокалетней давности!

Если было объявление о митингах, значит, в следующих номерах газеты надо искать отчеты о них.

Так и есть! В номере от 20 марта нахожу информационную заметку о большом митинге в клубе имени III Интернационала. Отдавая должное героям Коммуны, выступавший перед Гашеком оратор воскликнул: «Шапки долой! Мы говорим о мертвецах Коммуны».

Потом выступил с речью Гашек. Газета сообщала, что он в кратких словах изложил историю Парижской Коммуны:

«После ряда буржуазных революционных движений, в которых рабочий класс являлся лишь орудием в руках буржуазии, завоевывая для нее права своей кровью и ничего не приобретая для себя, вспыхнула 18 марта 1871 года революция, в результате которой власть перешла, правда ненадолго, в руки парижского пролетариата.

Заканчивает свою речь тов. Гашек выяснением тех причин, которые вызвали падение Парижской Коммуны...

После речи тов. Гашека хором красной молодежи был исполнен похоронный марш».

Но меня больше всего интересует гашековская пьеса. Листаю дальше — новый отчет о митинге и новые упоминания о советском театре. Митинг открылся в

¹ Раиса Азарх — советская писательница, была начальником санарма 5.

² Евграф Литкенс — бывший начальник поарма 5, позже — заместитель наркома просвещения РСФСР.

8 часов вечера. Назван Гашек. На этот раз он выступает на русском языке. А дальше самое интересное!

«Вслед за тем, — сообщает газета, — артистами Будапештского театра весьма художественно была выполнена на мадьярском языке пьеса «Домой, на родину!» (по-венгерски «Хаза Менни!»). — А. Д.), представляющая из себя в подлинном значении этого слова плод коллективного интернационального творчества (сюжет, разработанный русским товарищем, обсуждался авторами на чешском языке, после чего пьеса написана на немецком языке и переведена затем на мадьярский язык)».

Приводится ее краткое содержание.

Бывший военнопленный венгр Лайош, тупой и отсталый, так ничему и не научившийся в Советской России, возвращается на родину с одной лишь мыслью — зажить там спокойной сытой жизнью. В буржуазной Венгрии его ждет разочарование: жену расстреляли во время голодного бунта, дети умерли, его бакалейная лавка разгромлена. Обо всем происшедшем рассказывает Лайошу его старая тетка Жужи.

В Будапеште Лайош сталкивается с представителями революционного мира. Его родной брат, рабочий Ференц, за годы разлуки стал борцом и после разгрома Венгерской Республики ушел в подполье. В финале полиция схватывает Ференца. Арестовывают и Лайоша, как возвратившегося из зараженной большевизмом России. Измученный, подавленный всем происшедшим, Лайош в порыве гнева убивает старого буржуа, бывшего хозяина Жужи.

Выходит, Иштван Ковач был прав, когда говорил о Будапештском театре, созданном в Красноярске. Осталось уточнить, был ли Гашек в числе авторов этой пьесы.

Ярослав Гашек и Матэ Залка

Вечером встретился с журналистом Жаном Кацером. Разговор начался со статьи, напечатанной в «Красноярском рабочем». Пытаюсь выяснить, может быть, Кацеру известно, кто участвовал в создании «Хаза Менни» и, наконец, кто тот «русский товарищ», который разработал сюжет пьесы.

Точно ответить на эти вопросы Кацер не смог. Он высказал лишь предположение. Возможно, автором сюжета был Владимир Зазубрин, написавший роман «Два мира»,

изданный поармом в 1921 году. Зазубрин жил в Восточной Сибири и одно время редактировал армейскую газету.

— А кто же перевел пьесу с немецкого языка на венгерский?

Кацер задумался. Он слышал, что кто-то из московских литературоведов считает переводчиком пьесы Матэ Залку, но он, Кацер, не очень в этом уверен. Залка был в Красноярске считанные дни и вряд ли мог заняться переводом пьесы. А может, он выкроил все-таки какое-то время? Лучше всего об этом поговорить с Верой Ивановной Залкой. Она живет в Москве.

О том, что покойный Залка был знаком с Гашеком, я знал со слов самого Матвея Михайловича. С ним я познакомился более тридцати лет назад в живописном украинском селе Белики, куда писатель часто приезжал из Москвы на лето. Как сотрудник окружной газеты «Большевик Полтавщины», я сопровождал его в поездках по сахарным заводам Украины. Там происходили встречи писателя с читателями. На одной из них Залка добрым словом упомянул своих друзей по 5-й армии. Тепло отозвался и о чешском сатирике, в присутствии которого «мрачным оставаться было невозможно». Матэ Залка не расставался с одноклассником Гашеком. Он возил его с собой на Полтавщину. Был с ним и в Испании.

По возвращении в Москву звоню В. И. Залке, вдове венгерского писателя, активной собирательнице его литературного наследия. Говорю, что решил уточнить, можно ли Залку считать переводчиком «Хаза Менни»?

— Ничего не могу сказать вам об этом, — ответила Вера Ивановна. — Впервые слышу о «Хаза Менни». Матвей Михайлович ни разу не упоминал при мне об этой пьесе. Попробуйте выяснить у венгерских писателей, волею судеб оказавшихся тогда в Красноярске.

— Кого вы имеете в виду?

— В первую очередь будапештского писателя Антала Погоньи.

Послал письма-запросы в Будапешт: Анталу Погоньи и тогдашнему генеральному секретарю Общества венгеро-советской дружбы Шандору Деметеру.

Откликнулся Антал Погоньи быстро. Русская революция застала его в Красноярске, в лагере для военнопленных. Красная Армия освободила Погоньи из плена,

и он стал воином революции, ее пропагандистом и агитатором.

В своем письме писатель сообщил то, чего я не знал. Оказывается, в Красноярске, кроме интернационального театра, был еще венгерский революционный оркестр, выходила газета на венгерском языке.

«Что касается пьесы «Хаза Менни», — писал Погоньи, — то я, к сожалению, о ней не знаю. В марте 1920 года нашим театром была сыграна в Красноярске другая сатирическая пьеса под названием «Мирные переговоры». Она была составлена из песен-пародий на кайзера Вильгельма, Пуанкаре, Вильсона. Главным действующим лицом был красный солдат. В пьесе были заняты Франц Краус, Ласло Фельдени (известный будапештский актер, умерший в прошлом году), Ольчак-Киш (тоже известный венгерский скульптор, живет в Будапеште) и другие.

В этом спектакле актеры пели на трех языках: венгерском, русском и немецком. Таким образом, до каждого зрителя доходило содержание пьесы.

Это все, что я могу вам сообщить о тех давних временах».

Ответил и Шандор Деметер. Он сообщил, что Общество венгеро-советской дружбы включилось в поиски, что ему уже удалось поговорить с некоторыми старыми актерами, но среди них пока не нашлось ни одного участника спектакля «Хаза Менни». В письме также ставилось под сомнение, что Матэ Залка в двадцатом году мог перевести эту пьесу на венгерский язык, потому что он тогда еще не владел русским. Венгерские друзья не поняли моего вопроса. Речь шла о переводе пьесы не с русского, а с немецкого языка, который знали и Гашек, и Матэ Залка.

Эти два писателя-интернационалиста познакомились в 1920 году в Красноярске. Об этом писал Матэ Залка в незаслуженно забытой его биографами статье «О попе, боже и Ярославe Гашеке», опубликованной в десятом номере газеты «Советское искусство» за 1932 год. В ней М. Залка вспоминал:

«С Ярославом Гашеком я познакомился на собрании политработников, комиссаров и командиров интернациональных частей Пятой Красной Армии после взятия Красноярска».

Красноярск, 5-я армия, встреча с Ярославом Гаше-

Н. Д. Блохин

ком—все было в этой статье! Не была лишь упомянута пьеса «Хаза Менни». Залка сообщил о другом неизвестном драматургическом произведении, написанном Гашеком в России. В нем разоблачалась бессмысленность и преступность империалистической войны.

«...В пьесе была сцена между попом и богом, — писал Матэ Залка, — которые друг друга разоблачали перед публикой. Патера играл, по моим данным, сам Гашек, и, как видно из материалов, он пользовался большим успехом.

Спектакль был поставлен на венгерском и немецком языках, и Гашека заставили в конце спектакля рассказать кучу анекдотов, что Ярослав с большим мастерством и выполнял.

Будущий мировой писатель великолепно знал язык той массы, в рядах которой он боролся за мировой Октябрь».

Кто же все-таки написал пьесу «Хаза Менни»? Где тот надежный документ, на который можно сослаться?

Как ни странно, я нашел его не в Сибири, а в Москве, на своем письменном столе. Здесь меня ожидал ответ из Праги. Бывший заместитель начальника поарма 5, а ныне академик чехословацкой Академии наук Эрнест Кольман в лаконичной форме сообщал:

«Пьеса Гашека «Хаза Менни» ставилась в двадцатом году в Красноярском городском театре».

Итак, Ярослав Гашек участвовал в создании двух пьес — антирелигиозной, изобличающей мракобесов в рясах, и «Хаза Менни». Но где эти пьесы?

Пусть еще немного потерпит наш читатель. Ведь нашли же в России через восемьдесят лет незавершенную пушкинскую «Историю Петра»!

Рано или поздно найдут и эти пьесы.

«ДО БОТ» НА АНТАНТУ!

Напрасно французский генерал Жанен грозил им, что в случае их отказа идти на фронт против большевиков Франция не даст больше ни франка Чехословацкой Республике.

Солдаты встретили офицеров, которые делали им это любезное предложение, лозунгом «До бот», что в переводе значит «наплевать».

Я. Гашек.

Разрешите представиться...

Андор Деметер не ограничился поисками пьесы — он опросил старых будапештцев. Но только один из них, Дьердь Фельдеш, редактор венгерского сатирического журнала «Лудаши Мати», сообщил, что в пятидесятых годах, будучи в Ленинграде, на машиностроительном заводе, он познакомился со старым большевиком Николаем Блохиным. В гражданскую войну тот вместе с Ярославом Гашеком служил в 5-й армии.

«Может быть, он даст вам полезную информацию», — посоветовал мне в письме Деметер.

До этого сообщения из Будапешта я искал следы Гашека в городах, где он жил и работал. Была составлена карта поисков. Ленинград на нее не был нанесен. Правда, я знал, что среди политработников 5-й армии было много питерских коммунистов, в свое время откликнувшихся на зов партии: «Все против Колчака!»

Фамилии некоторых из них я знал: Чугурин, Сорокин, Каюров, Абрамов. О Чугурине было известно, что после возвращения из Парижа, где он работал торгпредом, Иван Дмитриевич прожил недолго. На мои запросы о Каюрове и Абрамове Ленинградский партархив ответил коротко и горестно: «Нет в живых». А тут из Будапешта от венгерского товарища узнаю о ленинградце Блохине. Надо его разыскать.

На ловца, как говорится, и зверь бежит. Раздался телефонный звонок. В трубке слышу знакомый голос писателя Юрия Давыдова:

— Еду в Ленинград собирать материалы для новой книги о моряках, — сообщил он.

Я попросил Давыдова попутно справиться об одном старом пехотинце Блохине, который работает на машиностроительном заводе.

— На каком именно? — переспросил Давыдов. — В Ленинграде много машиностроительных заводов. Впрочем, постараюсь узнать о Блохине.

И узнал через городское справочное бюро: Николай Дмитриевич Блохин, 1894 года рождения, проживает в Чернорецком переулке, дом 4/6.

Давыдов даже побывал у Блохина, но не застал его дома. Накануне старик заболел, и его отправили в больницу.

Но тот ли это Блохин, который мне нужен? На всякий случай посылаю ему открытку.

Вскоре пришел ответ.

«Да, я тот, кого Вы разыскиваете, — писал он. — Гашека знал по 5-й армии. Вместе с ним ездил с докладами по селам Поволжья. К сожалению, фотографии тех лет не сохранились, но в памяти моей кое-что еще держится. При встрече расскажу».

Я — в Ленинграде, у Блохина. Николай Дмитриевич был в числе трехсот питерских коммунистов, посланных из Петрограда на Восточный фронт. Большинство из них попало в 5-ю армию. При ее штабе Блохин был командиром и комиссаром отдельного батальона связи.

О Гашеке он рассказывал образно, с живыми подробностями, каких нет ни в одном архивном документе.

— Как познакомились? А вот как! В ту пору М. В. Фрунзе, командуя южным участком Восточного фронта, твердой рукой наводил порядок в армии, насаждал сознательную революционную дисциплину, требовал, чтобы бойцы и командиры имели боевой воинский вид.

Стояли мы тогда на станции Кротовка. Шагаю я вдоль колеи, а навстречу мне идет вразвалку военный: шинель не застегнута, ремень ниже живота. Ну, в общем, как не положено. Остановил его, сделал замечание. Не обиделся. Застегнул шинель, ремень поправил и обращается ко мне на чуть ломаном русском языке: «Осме-

люсь спросить, товарищ командир, вы случайно не из бывших унтер-ров?» — «Так точно! С вами говорит бывший старший унтер-офицер Николай Блохин». «Бывший? — переспрашивает меня незнакомец. — Я тоже бывший ефрейтор австро-венгерской армии. Разрешите представиться: Ярослав Гашек».

Я, признаться, обрадовался этому знакомству. Фамилия Гашек мне была известна по нашей армейской газете. Редкий номер «Нашего пути» выходил без его фельетона или заметки.

С того дня мы подружились. Гашек рассказывал о Праге, о своей службе в австро-венгерской армии, о том, как перешел к русским. С большой теплотой говорил о Москве. Там, на одном из митингов, он впервые увидел Ленина, не помню, был ли он с ним знаком, а вот, что Свердлова знал — это точно. Яков Михайлович, если вы помните, в то время иностранными коммунистическими группами занимался, помогал им формировать интернациональные части Красной Армии. К этому делу он привлек и Гашека. Он жил тогда в Москве, на квартире у Николая Николаевича Мандельштама, старого революционера, а потом Гашека направили в Самару.

Жили мы с Гашеком на станции Кротовка в железнодорожных вагонах. Он в одном эшелоне, я — в другом. Поезда стояли рядом. Потому и виделись часто. Обращались друг к другу по имени: я называл его Яр, а он меня — Миколаш. Вместе, по заданию политотдела, ездили в освобожденные от Колчака села: хлеб для Питера заготавливали, вербовали добровольцев в Красную Армию.

Я. Гашек в 1920 г.

Оратором он был чудесным, говорил живо, с юмором. Слушая Гашека, меня всегда охватывало чувство здоровой зависти: так вот и надо разговаривать с народом! А вести агитацию в то время было не просто. В некоторых селах, где была сильна кулацкая прослойка, к нам поначалу относились настороженно, даже враждебно. Но стоило Гашеку начать разговор с крестьянами, как люди тут же как бы оттаивали, становились добрее.

В одном приволжском селе гашековская речь настолько зажгла крестьян, что они без долгих уговоров снарядили целый хлебный обоз для голодающего Питера. Двадцать человек с того села записались тогда в Красную Армию.

— Как называлось село?

— Не то Богодуховка, не то Богодаровка, в общем, что-то божественное. Помню, Гашек здорово обыграл это на сельском сходе.

Когда один верующий мужичок стал что-то говорить о божественном порядке, который не следует нарушать на земле, Яр внимательно выслушал его, а потом спросил: «Вот ваше село с самым что ни есть божественным названием. Вы, можно сказать, все время под богом ходите. А как вам под ним жилось? Помещика не было. Урядника не было. Земли было столько, что успевай только обрабатывать. Хлеба вдоволь. Только вы да бог, так ведь?»

Поднялся шум.

«Что ты, мил человек, мелешь? — загудел сход. — Жили мы так, что хуже не надо. Помещик давил, урядник мордовал, земли не хватало... Даже нищие наше село стороной обходили».

Гашек молча слушал «возражения». А когда шум стих, снова обратился к верующему мужичку: «А вы говорите — божественный порядок. Бог да бог, да не будь, голуба, сам плох».

Собравшиеся долго не отпускали Гашека. Он рассказал несколько веселых историй. Дружный хохот стоял над всем селом.

После услышанного мне еще больше захотелось узнать, в каком именно селе проходило собрание с участием Гашека.

Ответ получил не сразу.

— Посмотрел бы на старую карту, — может быть, и вспомнил бы, — заметил Блохин.

Но где ее раздобыть? Она, должно быть, хранится в картографическом отделе фундаментальной библиотеки Академии наук СССР.

От дома, где живет Блохин, до библиотеки около часа езды. Николай Дмитриевич охотно согласился съездить в книжное хранилище, хотя после перенесенной болезни ему нелегко было передвигаться.

Явились в библиотеку и сразу столкнулись с непредвиденной трудностью: время позднее, лифт не работает, а картографический отдел находится на пятом этаже. Подняться пешком Николай Дмитриевич не имеет сил.

Что делать? Как быть?

Подымаюсь по лестнице один. Разъясняю дежурной цель нашего прихода, рассказываю, с кем пришел, кто такой Блохин, объясняю, почему он не может подняться наверх.

Встречаю полное понимание. Отступая от существующих правил, девушка берет ворох карт и спускается со мной вниз, к Блохину.

Втроем рассматриваем карту с ятями и твердыми знаками. Раздается торжествующий возглас Николая Дмитриевича:

— Вот оно, село с божественным названием! Богородское! Это здесь весной девятнадцатого года мы с Яром выступали на сельском сходе.

— Богородское, — повторяю я. — Это село уже несколько лет значится в моем блокноте, и тоже в связи с Гашеком.

Задолго до знакомства с Блохиным я через куйбышевское радио обратился к старым волжанам с просьбой сообщить все им известное о Ярославе Гашеке. Среди откликнувшихся был молодой человек из села Богородское, приехавший в областной центр по служебным делам. Услышав радиопередачу, он явился на другой день ко мне в гостиницу. «Извините за беспокойство, — нерешительно начал он. — Вы интересуетесь чешским сатириком? Могу вам сообщить, что он несколько дней жил в нашем доме с одним красным командиром». — «В каком году это было?» — «В девятнадцатом. Как только Колчака прогнали и наши в Богородское пришли. Об этом

мне отец рассказывал». — «Он жив?» — «Умер несколько лет назад».

Каюсь. Ко всему услышанному я тогда отнесся без большого внимания. Человека, в чьем доме жил Гашек, нет в живых. Юноша, которого тогда еще и на свете не было, никаких подробностей рассказать не может. Я решил: в Богородское ехать не следует.

А тут снова возникло Богородское, и по вполне конкретному поводу.

...Тем временем в читальных залах погас свет, библиотечные работники разошлись. И только мы втроем продолжали разговор, сидя над старыми картами.

Все услышанное о Гашеке, о его службе в Красной Армии было настолько интересным, что девушка забыла про все на свете.

Для нее было открытием, что гениальный чешский сатирик жил и творил в Советской России, дружил с ее земляками — питерскими коммунистами Чугуриным, Сорокиным, Каюровым, Блохиным, воевал против Колчака и участвовал в первых коммунистических субботниках в Красноярске и Бугульме.

Об участии чешского писателя в субботниках следует рассказать отдельно. Николай Дмитриевич лишь подтвердил то, о чем рассказывала учительница А. Шишагина в бугульминской редакции и что решительно отвергалось некоторыми бугульминскими старожилками.

Старая учительница утверждала, что она своими глазами видела автора «Похождений бравого солдата Швейка» на станции Бугульма во время субботника. Он с кем-то переносил шпалу. А бывший редактор бугульминской газеты возражал: «Этого не могло быть».

И вот новое свидетельство человека, дружившего с Гашеком, вместе с ним участвовавшего в субботнике. Блохин хорошо помнит, что Гашек, как начальник типографии, вывел на субботник всех рабочих.

— Дружно, с песней работали: переносили шпалы, убирали мусор, наводили блеск.

— А канаву рыли?

— В Бугульме не рыли.

Верно. Канаву Гашек рыл на другом субботнике и в другом месте. В Красноярском краевом партийном архиве недавно обнаружен отчет начальника красноярских

главных мастерских о субботнике, состоявшемся там 30 мая 1920 года.

В списке его участников под шестнадцатым номером значится: «Гашек». В графе «Перечень исполненных работ» против фамилий писателя и других товарищей, работавших с ним, говорится: «Рытье канавы для водопроводной трубы к проходной будке № 3».

На станции Абдулино

На старой карте Самарской губернии, неподалеку от села Богородское, значится крупный населенный пункт Абдулино.

— Абдулино? — повторил Блохин. — На этой станции я был с Яром, когда туда пришел эшелон с перебежчиками. Целый сибирский полк бросил Колчака и перешел на нашу сторону. Помню, Яр обратил внимание на группу солдат, одетых в китайские халаты.

«Миколаш, неужели это китайцы?» — удивленно спросил он. Гашек был уверен, что китайские кули служат только в Красной Армии.

Подошли поближе. Нет, это русские. Колчак передел их. Хотел обмануть, показать, будто китайцы с ним заодно.

С прибытием эшелона на станции состоялся митинг. Он возник стихийно. Гашек на нем не выступал. Внимательно слушал других и записывал что-то в свой блокнот.

На митинге говорили одни перебежчики. На другой день в армейской газете была напечатана статья Гашека.

— Не репортаж ли о митинге? — уточняю я и раскрываю свою папку. В ней машинописная копия статьи «Перебежчики». Она была помещена в армейской газете. Даю ее Блохину.

Николай Дмитриевич тщательно протирает платком стекла очков и углубляется в чтение. В статье упоминается та же станция, тот же эшелон с перебежчиками. По живой записи даны их выступления на привокзальном митинге.

Один перебежчик, поблагодарив красноармейцев за освобождение, призвал их разбить Колчака, освободить сибирских крестьян от гнета помещиков.

«...Мы живем теперь новой жизнью. Там — это был кошмар, здесь — новый день, заря свободы», — заявил он.

Свой репортаж о митинге Гашек закончил словами: «Эшелон двинулся. Послышались звуки «Интернационала». Это пели... новые борцы за освобождение Сибири.

Что, если бы слышал это «великий» адмирал Колчак?»

— Железная поступь красных полков, торжествующие звуки «Интернационала», — продолжал Блохин, — заставили Колчака удрать из Омска и закончить свой бесславный путь в Иркутске.

— Гашек был в это время там?

— Нет! Яр стремился попасть на заседание Чрезвычайной следственной комиссии, разбиравшей дело Колчака. Гашек так много писал о нем, столько труда и таланта вложил в развенчание «Александра IV» — так чешский сатирик называл «правителя всея Руси», — что ему, естественно, хотелось присутствовать при допросах Колчака. Однако в Иркутск Гашек попал после того, как герой его фельетонов по решению местного ревкома был отправлен на тот свет.

Последний раз Блохин видел Гашека весной двадцатого года. Ярослав Романович приехал на Красноярский вокзал вместе с видным сербским коммунистом Вукашичем Марковичем, чтобы проводить Николая Дмитриевича на польский фронт.

— Мы крепко обнялись с ним. Яр сказал: «До скорой встречи, Миколаш!» А я добавил: «В новой Чехословакии!»

Опечатка в иркутской газете

Накануне второй годовщины Красной Армии в газете «Красноярский рабочий» было опубликовано интервью заведующего иностранной секцией поарма 5.

Ответы Ярослава Гашека на вопросы корреспондента как нельзя лучше иллюстрировали ленинские слова о главной победе, одержанной над Антантой.

— Мы у нее отняли ее солдат, — говорил В. И. Ленин.

Немало солдат отняла и 5-я армия у Антанты. Взаимодействуя с красными партизанами, она ликвидировала ее опору — Колчака.

Все же в Восточной Сибири еще находились остатки польских и румынских подразделений, чехословацкого и сербского корпусов.

«Последние данные, полученные т. Гашеком от перебежчиков и отставших, — сообщала губернская газета, — свидетельствуют о том, что настроение в чешских войсках самое скверное. Уже давно замечавшееся охлаждение к союзникам в данное время перешло в ненависть. Они поняли обман Антанты, увидели, что были слепым орудием в ее руках, осознали, что она создала из них свой жандармский корпус.

То же самое можно сказать о польских легионерах, хотя среди них много контрреволюционеров. Что касается сербов, то у них сильное революционное брожение, недавно они убили начальника своей конницы полковника Павловича. О румынах и говорить нечего — каждый приказ о их боевом выступлении оканчивается убийством офицеров».

Однако не все написанное Гашеком об Антанте и ее наймигах выявлено, не все сказанное им на митингах и собраниях и опубликованное в периодической печати сохранено.

Несколько лет назад молодой сибирский историк В. Скороходов стал «искать Гашека» в подшивках старых иркутских газет. И кое-что обнаружил. В бытность мою в Иркутске я ознакомился с его находкой: в газете «Власть труда» за 21 апреля 1920 года была напечатана статья «Чешский вопрос» за подписью: «Ташек».

Меня это несколько насторожило. Я знал, что Гашек под статьями и фельетонами, написанными им для красноармейских газет, обычно ставил свое имя и фамилию.

Может, «Ташек» его псевдоним?

— Это, несомненно, Гашек, — доказывал Скороходов. — Буква «Т» вместо «Г» — просто досадная опечатка. В тогдашних газетах подобные опечатки встречались довольно часто.

Однако предположение Скороходова о Гашеке-Ташеке требовало подтверждения. Листая «Власть труда», я обратил внимание на фамилии членов редколлегии. Среди них — «Г. А. Ржанов». Может быть, это и есть тот самый Георгий Александрович Ржанов, редактировавший в разные годы «Вечернюю Москву», журнал «Московский пропагандист»?

В Москве наведываюсь к старому знакомому. Спрашиваю, не был ли он в двадцатом году в Иркутске, не ре-

дактировал ли там «Власть труда», не допустил ли опечатки в апрельском номере этой газеты?

— Да, был, да, редактировал, да, допустил опечатку.

Георгий Александрович вспомнил историю со статьей «Чешский вопрос». Она действительно принадлежит перу Ярослава Гашека. Прислал он ее с оказией. Написана она была на тему, очень близкую Гашеку. Возвращался он к ней неоднократно.

«Чешский вопрос» появился на свет через два с небольшим года, после известного обращения Ярослава Гашека через газету «Прукопник» к чешскому войску. Спустя много месяцев писатель как бы подвел итог, чему научились те чехи и словаки, которые ратовали за союз с Францией, и к каким выводам они пришли к концу интервенции в Сибири.

«Бешеная агитация против Советской власти среди чехо-войск ходом событий потерпела крушение, — отмечал Гашек. — Судно чешской контрреволюции село на мель. «Гениальная» чуткость французского генерала Жанена, который руководил чешскими войсками, кончилась полным разгромом армии Колчака, капитуляцией польских легионов и сербских полков, признанием чехо-войсками Советской власти, расстрелом адмирала Колчака и др. «государственных людей» сибирского царства генералов, капиталистов и помещиков».

В чехословацком корпусе, как и в армии Колчака, считался идеальным тот солдат, который «не думал» и «не рассуждал».

К концу сибирской авантюры Гашек подметил новую черту в чешских солдатах — они научились немножко мыслить и рассуждать.

«Обманутые союзниками, которые им обещали в течение 18 месяцев пароходы для отправки на родину, предписывали им поддерживать Колчака, охранять сибирскую магистраль, выступать против восставших рабочих и крестьян Сибири, они очутились в огненном кольце революционного пожара. Напрасно французский генерал Жанен грозил им, что в случае их отказа идти на фронт против большевиков Франция не даст больше ни франка Чехословацкой Республике.

Солдаты встретили офицеров, которые делали им это любезное предложение, лозунгом «До бот», что в переводе значит «Наплевать».

Читал «Чешский вопрос» и С. М. Бирюков, который дошел с Гашеком до Иркутска. Там Сергей Михайлович работал в Ревтрибунале и одновременно был членом комиссии губисполкома по амнистиям. В то время в Революционный трибунал довольно часто поступали дела иностранцев, воевавших на стороне Антанты.

— Когда в трибунал попадали бывшие легионеры, — вспоминал Бирюков, — мы вызывали Гашека. Он с удивительным чутьем умел отделять людей ошибающихся, тот сырой материал, как он говорил, который поддается «обработке», от матерых, неисправимых врагов революции, часто прикидывающихся овечками и прячущих свои волчьи клыки.

Ведя работу среди представителей разных народов, Гашек живо интересовался тем, что происходит в чехословацком корпусе: беседовал с перебежчиками, читал белогвардейские газеты и журналы.

«Искал я в этих «журналах», — писал Гашек в статье «Англо-французы в Сибири», — сведения о чехословаках и нашел, что большевики при занятии партизанскими отрядами станции Тайга, у Красноярска, разбили чешский карательный отряд, где и пал чешский комендант станции Прагер. Дальше: что 12 мая умер чешский военный министр генерал Стефанек и что чешский добровольческий отряд отправился в Пекин, в Китай, для охраны французского посольства.

Вероятно, чешско-словацкие белогвардейцы в настоящее время по поручению «союзников» будут в Китае вешать китайских кули во имя спасения славянства, родины и китайского «Учредительного собрания».

Разоблачая чехословацких белогвардейцев, наемных убийц, работавших на англо-французские денежки в Поволжье и Сибири и готовых за франки вешать китайских кули, Гашек в малоизвестной заметке «В чешско-словацкой республике»¹ с радостью отмечал сдвиги влево, происходившие у него на родине:

В своей статье Гашек ссылался на гор. Годонин, где родился проф. Масарик, лидер чешско-словацких контрреволюционеров.

На съезде чешско-словацкой демократии в Праге, в декабре, принято большинством голосов предложение

¹ «Наш путь», 22 февраля 1919 г.

представителей левого крыла чешско-словацкой социал-демократии расследовать действия контрреволюционного чешско-словацкого корпуса в Сибири и принять меры к наказанию виновных в этом преступлении против всемирной революции».

Виновными были не те, кто открыто сказал Антанте «До бот», не те, кто обманным путем был вовлечен в белочешский мятеж, а генералы и офицеры корпуса, названного Гашеком — жандармским.

Раскрываю двадцать седьмой ленинский том. На страницах 426—427 нахожу гневные строки в адрес тех, кто толкнул чехов и словаков в контрреволюционное болото:

«...Но мы хорошо знаем, какие силы двигают этим восстанием, мы хорошо знаем, как чехословацкие солдаты заявляют представителям наших войск и наших рабочих и наших крестьян, что они не хотят воевать с Россией и русской Советской властью...»

Речь, произнесенную вождем революции на IV конференции профессиональных союзов, Гашек читал в 1918 году. Как же ему было не сказать по адресу «союзников»:

— «До бот» на Антанту!

МНОГОЯЗЫЧНЫЙ КОМИССАР

Потом я редактор и издатель трех газет — немецкой «Штурм», в которой сам пишу статьи, венгерской — «Рогам», в которой у меня есть сотрудники, и бурят-монгольской «Ур», в которой пишу все статьи, — не пугайся, не по-монгольски, а по-русски — у меня есть переводчики.

..Кроме того, со вчерашнего дня я в редакционной коллегии «Бюллетеня политработника».

Я. Гашек.

«Рогам-Штурм»

правки, удостоверения, доклады... Сколько их уже просмотрено и прочитано! Десятки, сотни, тысячи! И все кажется мало, и все чего-то недостает.

Каждый раз после посещения читального зала Центрального архива Советской Армии что-нибудь да находится. Иногда известное, чаще неизвестное.

Читаю отчетный доклад политотдела 5-й армии за первую половину апреля двадцатого года. В нем есть раздел, который больше всего меня интересует, — «Интернациональное отделение».

В вводной части доклада говорится: «Работа отделения протекала среди иностранцев и местного гарнизона, где отделение играет руководящую роль и служит политическим центром».

Политический и организационный центр! Таким и было в то время интернациональное отделение, руководимое Ярославом Гашеком. Удивительно разносторонней была его деятельность!

За две недели апреля устроено четыре интернациональных митинга-концерта, поставлено два спектакля; в польские и сербские эшелоны посланы инструкторы-аги-

Газеты и журналы, выходявшие в революционной России, в которых печатался Я. Гашек

таторы; написаны и разсланы тезисы о работе среди иностранцев; затребованы агитаторы из центра, владеющие корейским, японским и китайским языками; выпущены газеты для немцев, венгров, поляков на их родном языке. В отчете также говорится о газете «Штурм-Рогам», о двух ее номерах — седьмом и восьмом, — выпущенных тиражом в пять тысяч экземпляров каждый.

Объединенная немецко-венгерская газета! Это уже нечто новое. Но нет ли здесь недоразумения? Не ошибся ли работник политотдела, составляя отчет? Ведь из письма Гашека к Я. Салату было известно, что газета «Рогам» выходила на венгерском языке, а «Штурм» на немецком. Выходили как самостоятельные издания.

Меня интересовал и «Штурм», и «Рогам», и «Ур», и «Бюллетень политработника», и, разумеется, объединенный «Штурм-Рогам».

Обращаюсь, как уже привык, к П. М. Матко. Больше, чем он, о жизни Гашека в революционной России, пожалуй, мало кто в Москве знает. Для Петра Миновича объединенная немецко-венгерская газета была такой же новостью, как и для меня. Матко назвал добрый десяток людей — историков, литературоведов и просто друзей Гашека, — положивших немало сил, чтобы найти хотя бы один номер венгерской или немецкой газеты, издаваемой интернациональным отделением поарма 5: пражан З. Анчика, З. Кржижека, З. Горжени, Р. Питлика, иркутян Б. Санжиева, В. Скороходова, омича М. Марцинковского, казанца С. Антонова, куйбышевца Ю. Щербакова, москвичку С. Востокову, саратовца Н. Еланского, направлявших свои усилия на то, чтобы найти немецкий «Штурм», венгерский «Рогам», бурятский «Ур». Их усилия, к сожалению, не принесли желаемых результатов. Например, Н. Еланский вынужден был публично признать:

«Попытки разыскать эти газеты пока не дали результатов. Между тем они существенно дополнили бы сведения о деятельности Гашека в Красной Армии».

Об объединенной немецко-венгерской газете речи до сих пор вообще не было. Отчет поарма 5 за апрель свидетельствовал, что такая газета в Сибири издавалась.

От буквы «В» до буквы «Г»

Матко посоветовал поискать эту газету в Красноярске. Там издавался «Рогам», там выходил «Штурм». Если допустить, что позже эти газеты были объединены, то, надо думать, немецко-венгерский печатный орган выходил в Красноярске.

Увы, там этой газеты обнаружить не удалось. Искал я ее и на Урале. И в газетных хранилищах Москвы. Обращался в архивы Будапешта и Берлина. Кто-то посоветовал зайти в Центральный музей Революции. В его фондах собраны десятки тысяч ценнейших экспонатов. Нет ли среди них «Штурма-Рогам»?

В отделе фондов ответили отрицательно и порекомендовали обратиться в библиотеку музея. Там тщательно проверили и, ничего не найдя в своих картотеках, в свою очередь посоветовали обратиться к научному сотруднику музея М. Чернякову. Он, мол, уже не первый год занимается периодикой, издававшейся в годы гражданской войны на иностранных языках.

— О «Рогаме» меня уже спрашивали наши ученые, — ответил Черняков. — Интересовались им и приезжавшие в Москву венгерские историки. Эту газету они давно ищут. И немецкие ученые к нам наведывались, о «Штурме» спрашивали. Может быть, у себя в Берлине они ее уже нашли?

Я сказал, что совсем недавно получил письмо из Берлина. Заведующий отделом международных связей Общества германо-советской дружбы Фишман сообщил, что, к сожалению...

— К сожалению, — подхватил Черняков, — и в фондах нашего музея ни «Штурма», ни «Рогам», ни сдвоенной немецко-венгерской газеты нет.

В тот день я ушел от Чернякова ни с чем. Через полгода я снова попал в Музей Революции, но не в отдел фондов, не к Чернякову, а в фотоотдел. Кто-то сказал, что там имеется фотография Гашека, сделанная в Москве в восемнадцатом году.

Роюсь в фототеке, или, точнее, в ящике с карточками от буквы «В» до буквы «Г». В этой фототеке, в которой не во всем строго соблюдается алфавитный порядок, нахожу представителей разных поколений — от Аркадия Гайдара до Валентины Гагановой, от видного английско-

го коммуниста Уильяма Галлахера до героя Отечественной войны Николая Гастелло. Рядом с Галахером фотография замечательного американца Джона Рида. Он попал сюда не по алфавиту. Попал потому, что вместе со своим английским другом был сфотографирован в двадцатом году в Москве.

В ящике не одна сотня карточек. Перекладываю одну за другой. Номера негативов разные: то пятизначные, то четырехзначные. Задерживаюсь на негативе А.42788. Гляжу и не верю своим глазам — на карточке написано: «Рогам-Штурм».

Но карточка — это еще не документ. Читаю по стеклу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Четыре вещи слова напечатаны по-русски, по-венгерски и по-немецки. Ниже крупными буквами клишированный заголовок: «Рогам-Штурм». Еще ниже: «№ 8, Красноярск, 10 апреля 1920 года».

Вот оно — документальное подтверждение, убедительное доказательство того, что венгеро-немецкая газета действительно выходила. Правда, называлась она не так, как это написано в отчете поарма, не «Штурм-Рогам», а «Рогам-Штурм». Но не в этом суть.

Срочно заказываю отпечаток негатива и через несколько дней получаю его. Увы, на негативе изображена лишь восьмая часть первой полосы. Правда, очень важная часть. Отчетливо видны заголовок газеты, год и место ее издания и оглавление материалов, напечатанных в восьмом номере «Рогама-Штурма».

Бела Кун выступает со статьей «Кто такие коммунисты». Есть корреспонденция и заметки о белой Венгрии, о славном сыне венгерского народа Тиборе Самуэли, о героях труда. Опубликован и фельетон Ярослава Гашека «Жертва немецкой контрреволюции в Сибири».

Седьмой, и пока единственный

Разумеется, меня в первую очередь заинтересовал этот малоизвестный даже гашековедам фельетон. И тут, к счастью, выясняется, что в фототеке хранится его копия. Заказываю новый отпечаток с фельетоном «Жертва немецкой контрреволюции в Сибири».

В нем писатель возвращается к излюбленной им дневниковой форме. На этот раз записи велись не от имени

уфимского буржуя или попа Малюты, а от имени майора фон Лаузитц. В то время в Восточной Сибири еще существовали лагеря бывших военнопленных. По роду своей деятельности Гашек часто бывал в этих лагерях.

Майору Гашек дал меткую характеристику. Он назвал его «мужественным и неутомимым спекулянтом, забавлявшимся мыслями о восстановлении Германии и Австрии на монархической основе».

В лагере майору жилось вольготно. Он даже имел денщика Ганса. Приказав ему приготовить бифштекс на офицерской кухне, майор сделал в дневнике несколько записей о росте большевистского влияния в лагере:

«Поведение солдат ухудшилось. Порядочность и лояльность улетучиваются. Сегодня слышал, как Карл Проссек (Вена, Мариахильферштрассе, 12, 21 полк) сказал Яношу Кочи (8 полк, Шопронь, пивовар): «Мы рабочие, и никакая сила не сможет остановить эту революцию, если все будем заодно. Лишь пролетарская революция в состоянии помочь нам, рабочим. Поэтому мы должны не околачиваться в лагере, а вместе работать для революции».

В фельетоне называются имена тех, кто готов работать для революции, защищать ее. В их адрес майор фон Лаузитц мечет громы и молнии.

«Здесь много таких негодяев, — замечает он. — Меня страшно злит, что шведский Красный Крест уже ликвидирован, и человек не имеет никакой связи с родиной. Сколько адресов подобных мятежных паршивцев я смог бы переслать в Австрию! Да здравствует дом Габсбургов и Гогенцоллернов! На виселицу красных дьяволов!»

Следующую запись майору сделал, когда вернулся денщик. Фон Лаузитц обеспокоен: не успел ли кто-нибудь сагитировать его денщика по дороге от офицерской кухни?

«Опасным пропагандистом является Вильгельм Дернер, 27 полк, барак № 18, проживающий в Штеглице, близ Граца. 12 марта 1920 г. он сказал моему денщику Гансу Киршнеру: «Ты, глупый парень, вздуй своего майора и скажи, что ты по горло сыт его хамством».

Денщик начал выходить из повиновения.

«Гуго, — прикрикивает майор на денщика, — почему куришь без разрешения? Подожди, через несколько месяцев я тебе так дам затянуться, что почернеешь, ты,

проклятая обезьяна. Как ты стоишь передо мной, разве не знаешь, что опять возвратимся в Берлин и Вену к кайзеру?»

Захлебываясь от восторга, майор восклицает: «Да здравствует кайзер Вильгельм! Да здравствует кайзер Карл! На виселицу красную сволочь! Началось! Сохрани нам, господи, императоров и нашу землю! Ура!»

По этому поводу Гашек замечает:

«Но было не так, как майор фон Лаузитц себе представлял. В рабочих кварталах Берлина гремело могучее «Да здравствует большевизм!» Рабочие со штыками изгнали новую монархию из Берлина, и Германия оказалась накануне пролетарской революции.

Услышав это, майор фон Лаузитц очень опечалился, и все офицеры заметили, что он проделывает какие-то странные вещи. Вечером он вернулся из города с двумя банками черной и желтой масляной краски и кистями.

«Я им покажу, — сказал он, — в голосе слышались властные нотки, — Австрию мы должны заново покрасить!»

Товарищи уложили майора в постель, приложили к голове холодный компресс. Он притих, но потом тайком исчез с масляными красками и кистями.

Ночью патруль интернационального отделения остановил в городе голого мужчину, разукрашенного черной и желтой красками. Он орал песню, славящую покойную австро-венгерскую монархию.

«Несчастливым черно-желтым певцом был господин майор фон Лаузитц», — так заканчивался гашековский фельетон, напечатанный в восьмом номере венгеро-немецкой газеты.

А где же седьмой? Неужели из пяти тысяч отпечатанных экземпляров ни один номер «Рогама-Штурма» не сохранился?

Из всех крупных газетных хранилищ «непроверенным» оставалась Государственная публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина.

Решил вторично съездить в Ленинград. И не пожалел.

Сначала в картотеках «Рогам-Штурм» не нашел. А что, если искать не по названию газеты, а по городу, где она издавалась, — по Красноярску? В то время в губернском городе выходило до десяти разных газет. В картотеке я

обнаружил «Известия иностранной секции политотдела 5-й армии», год — 1920, место издания — Красноярск.

Подаю читательскую заявку и — о радость! — через несколько минут получаю... седьмой номер «Рогама-Штурма». Какое счастливое недоразумение! Его легко объяснить. Заголовок газеты немецкий и венгерский. Его библиограф на карточку не занес, а записал то название, которое было обозначено по-русски. Вот почему в каталогах нигде не значился «Рогама-Штурм».

Просматриваю четырехполосный номер газеты. В нем помещены статьи и заметки о задачах Советской власти в области экономики, отчеты о состоявшихся коммунистических субботниках, о положении в Венгрии. Напечатан фельетон «Наши и ваши». На последней странице подпись, набранная по-русски:

«Ответственный редактор Ярослав Гашек».

Милые библиотечные работники, они и понятия не имели, какая драгоценность лежит у них на полках! Не беда, что края газетных полос износились, что типографская краска местами выцвела и кое-где текст нельзя прочесть без увеличительного стекла.

Важно, что обнаружен седьмой, четырехполосный и пока единственный номер «Рогама-Штурма».

А что с «Уром»?

Академика Эрнеста Кольмана, того самого Кольмана, который помог мне окончательно установить, кто является автором пьесы «Хаза Менни», я случайно встретил в Москве. Он приехал из Праги, чтобы прочесть публичную лекцию о философских взглядах на кибернетику. С Гашеком он работал в Восточной Сибири. Кольман тогда занимал пост заместителя начальника поарма 5. Ему подчинялось интернациональное отделение, руководимое Гашеком. В Сибири отделение вело большую работу не только среди иностранцев, но и среди национальных меньшинств, и прежде всего бурятов. В Иркутске Гашек загорелся идеей выпускать для них газету. Но где взять переводчиков, шрифты? В Москву, в Центральный Комитет партии, была отправлена телеграмма с просьбой направить в Иркутск «коммунистов-лингвистов, знающих бурятский и монгольский языки, а также шрифты».

— Получили их?

— Шрифты получили, — ответил Э. Кольман, — а коммунистов-лингвистов в Москве не оказалось. Цека нам посоветовал найти их на месте.

— Нашли?

— С трудом. Только благодаря гашековской настойчивости удалось заполучить одного учителя-бурята.

— Не помните его фамилию?

— Не помню. Знаю только, что это был единственный на весь Ангарский аймак учитель-бурят. Местные власти не хотели его отпускать. Если память не подводит, то губревком нам в этом деле помог.

Память не подвела академика. В Иркутском областном партийном архиве меня познакомили с письмом Эрнеста Кольмана и Ярослава Гашека. Обращаясь к председателю губревкома, они писали:

«Политотдел 5-й армии просит губревком дать предписание Ангарскому аймачному ревкому о немедленной отправке в политотдел 5-й армии гр. Тунуханова Иннокентия Ивановича для работ по изданию газеты на бурятском языке.

*Зам. нач. поарма 5 Э.Кольман
Нач. Интернационального Отделения Гашек».*

На этом письме председатель губревкома написал резолюцию: «Запросить справку в губпарткоме экстренно».

Неизвестно, что по поводу Тунуханова ответил губпартком, но Гашек вынужден был вторично обратиться к председателю губревкома:

«Для справки сообщаю, — писал он, — что гр. Тунуханов Иннокентий не служит в Ангарском аймачном ревкоме и не занимается никакими делами». Он еще с большей убедительностью подчеркнул, что Тунуханов нужен поарму «на издание бурятских газет, так как он специалист по бурят-монгольским языкам».

Это было в августе, а в сентябре родилась газета, которой, как вспоминал Э. Кольман, Гашек очень гордился.

«Это первая советская газета для бурятов, — подчеркивал он, — первая газета в мире на бурятском языке».

Пока не найден ни один номер газеты «Ур», что по-бурятски означает «Рассвет».

В письме к Салату Гашек с радостью сообщал, что он не только редактирует газету «Ур», но и пишет для

нее статьи: «Не пугайся, не по-монгольски, а по-русски — у меня есть переводчики».

Одним из них, как теперь установлено, был народный учитель из Ангарского аймака. Там и по сей день помнят энергичного Кешу, помогавшего знаменитому чешскому сатирику выпускать газету на бурятском языке.

Большой интерес к этому изданию проявляет Буянто Санжиев — иркутский ученый и исследователь творчества Гашека, с которым мы безуспешно целую неделю искали в Иркутске газету «Ур». Не найдя ее, Санжиев пошел дальше. Он установил, что букварь для бурят был создан при живейшем участии Гашека: он бывал в аймаках, вел большую работу среди бурятского населения, участвовал в первом беспартийном бурятском съезде.

Из политсводки поарма, подписанной Гашеком, я узнал интересные сведения об этом форуме:

«17-го октября открылся 1-й беспартийный бурятский съезд. Прибыло на съезд 150 делегатов. Настроения делегатов революционные. На съезде представлены трудовые низы бурятского населения. По словам председателя съезда, присутствует 20% делегатов-коммунистов. Съезд проходит на бурятском языке. Всего ожидается 250 делегатов».

По мнению Буянто Санжиева, делегатам съезда был роздан «Ур». Как он выглядит — неизвестно. Известно только, что в октябре «Ур» продолжал выходить в Иркутске.

Все время я поддерживаю связь с Буянто Санжиевым. Изредка от него поступали лаконичные сообщения, из которых явствовало, что ни в Иркутске, ни в Улан-Удэ, ни в других местах «Ур» пока не обнаружен.

И вот звонок по телефону. В трубке знакомый голос. Звонит Буянто Санжиев из Внукова. Он летит в Адлер, у него есть несколько свободных минут.

Спрашиваю Санжиева об «Уре». Ищет, но пока ничего нового нет. Зато кое-что ему удалось узнать о китайской газете, выходившей в то время в Иркутске. Называлась она «Дунфан Чуншэ», или по-русски «Восточная коммуна». Гашек к ней имел прямое отношение. Не-

задолго до отъезда из Иркутска он писал тому же Салату:

«Теперь еще на мне сидит РВС армии, чтобы я издавал корейско-китайскую газету. Тут уж я абсолютно не знаю, что буду делать. Китайцев я организовал, но по-китайски знаю очень мало. Из 86 тысяч письменных знаков в китайском языке знаю всего-навсего 80».

— Гашек хотел знать больше, — продолжал Буянто Санжиев. — Я нашел один документ, доказывающий, что Гашек изучал восточные языки.

Санжиев установил, что в списках студентов двухгодичных курсов восточных языков, открывшихся при Иркутском университете, значился и Ярослав Гашек. Эти курсы имели три отделения: китайское, монгольское и японское.

Гашек не закончил их, так как вскоре получил вызов на родину.

Против «обзор литературы»

В том же письме к Ярославу Салату, посланном из Иркутска 17 сентября 1920 года, Гашек сообщал: «...Со вчерашнего дня я в редакционной коллегии «Бюллетеня политработника».

Выходит, что в редколлегию он был назначен 16 сентября. Листаю «Бюллетень» за этот месяц, но Гашека в нем нет. Оказывается, в сентябре «Бюллетень политработника» прекратил свое существование. А вместо него политотдел решил выпускать журнал «Вестник поарма 5». Его редактором был назначен Ярослав Гашек.

Незадолго до отъезда Гашека из Иркутска вышел двоянный номер журнала, в котором Гашек выступает и как редактор, и как фельетонист.

В журнале напечатана передовая «Укрепление партии», статьи и корреспонденции о партийной работе в армии. Есть и фельетон Гашека «Чем болен аппарат экспедиции». Это отклик на статью в «Правде» «Как мы распределяем литературу».

Обеспокоенный тем, что газеты, поступающие в армию, оседают в штабных канцеляриях и нередко используются «тыловыми крысами» как оберточная бумага при получении продуктов из хозчасти, Гашек с гневом пи-

сал: «...Надо предавать суду тех, кто бессовестно отнимает у трудящихся масс литературу.

Эту угрозу мы должны исполнить на деле в армии, и мы исполним. Преследование таких несознательных обжор литературы — есть залог оздоровления экспедиций на местах».

О выступлении Гашека против «обжор литературы» я слышал еще и от ветерана 5-й армии А. М. Гермогентова. Его фамилия не раз встречалась в приказах поарма, когда речь шла о снабжении армии культинвентарем, о работе кинопередвижек и экспедиций.

О том, что Александр Михайлович жив, я узнал в Бугульминском краеведческом музее. Однажды сюда на экскурсию приехала совсем юная библиотекарьша из деревни Митрофановки. Увидев на стене групповую фотографию, на которой был изображен Гашек вместе с другими ветеранами армии, девушка воскликнула:

— Я видела точь-в-точь такую у нашего деда Гермогентова. Он с Гашеком в Иркутске фотографировался.

На попутной машине добираюсь в Митрофановку к Гермогентову. Узнав, по какому делу я приехал, Александр Михайлович несказанно обрадовался.

— Романыча я хорошо знал. Последний раз виделся с ним в двадцать девятом году, в коллективизацию, когда я бригадиром в колхозе работал.

— В двадцать девятом?

Я насторожился. Гашек, как известно, умер в 1923 году. Старик, должно быть, путает.

Однако Гермогентов продолжал свой рассказ.

— Захожу в магазин: туда книжные новинки привезли. Купил книжку про бравого солдата Швейка — и домой. А на фамилию того, кто эту книгу написал, честно говоря, внимания не обратил. Название привлекло. Вечером стал читать — не оторвусь. Ох и смышлен этот чертяка Швейк! Стали мне попадаться в книге слыхом слышанные истории. От кого же я их слышал? Верьте не верьте, а сразу перед своими глазами я увидел Ярослава Романовича. Посмотрел на книжную обложку, а на ней напечатано: «Я. Хашек».

Ну, думаю, ошибся. Другой, должно быть, человек. А вот в «Правде» читаю: «Хашек и Гашек — это все равно, что Гуса называть Хусом.» Вот так и встретились мы с Романычем...

Потом старик заговорил о фотографии, которую я видел в Бугульме. Но там была только фотокопия, а в Митрофановке, в доме Гермогентова, висел оригинал.

Александр Михайлович бережно снял со стены пожелтевшую фотографию и стал объяснять, кто на ней изображен.

— Это Моисей Вольфович. Бывший руководитель поарма. Рядом с ним — Романыч. В кепчонке — Маша Смирнова. Ее за мужика принять можно. Боевая была баба, ликвидацией неграмотности занималась, на «темноту» в атаку шла. Рядом с ней — питерский рабочий. Жаль, фамилию забыл. А вот это я, — и Гермогентов ткнул пальцем в молодцеватого, тщательно выбритого командира, стоявшего позади Гашека. — Безусым я тогда был. — Александр Михайлович провел рукой по окладистой бороде. — А это вот наш друг китаец. Фамилию его тоже забыл. Все мы его Ваней-Чжаном звали.

И тут старик вспомнил, что на большом митинге китайских граждан в Иркутске¹ выступал Гашек. Говорил он по-русски, а Ваня-Чжан переводил.

Немного помолчав, Александр Михайлович снова вернулся к Гашеку. Начальник поарма относился к чешскому писателю с большим уважением и доверием. Когда он уезжал в командировку, Гашек исполнял обязанности начальника поарма.

Это интересное сообщение, впервые услышанное мной в Митрофановке, естественно, требовало документального подтверждения. Его можно было найти только в архиве среди приказов по поарму 5.

Действительно, в одном из них говорилось, что на время отсутствия М. Вольфовича его обязанности с 7 по 13 октября 1920 года исполнял Гашек. Он был врид нач. поарма 5. Подписанные им инструкции и письма печатались в «Вестнике». Правда, не все. Одно из интересных его писем в губком партии не было опубликовано. Его недавно обнаружил Буянто Санжиев. Это письмо по поводу грубых ошибок, допущенных инструктором Дмитриевым.

Выступая перед бойцами, Дмитриев выдвинул свой проект «избавления молодого поколения от лап самогон-

¹ Такой митинг действительно состоялся 12 июля 1920 года. По сообщению газеты «Власть труда», на митинге от политотдела армии выступал Я Гашек.

щиков-отцов». Он предлагал мобилизовать всю молодежь и отправить ее в города, где воспитывать, привлекая для обучения военному строю... для использования как рабочей силы, а в это время все старики-фанатики и собственники уйдут к Аврааму...

Высмеивая эти и другие вредные предложения Дмитриева, Гашек заметил, что в дмитриевском проекте недостает «только применения способа физического уничтожения стариков».

В заключение делается вывод: «Если с такими проектами Дмитриев пойдет к крестьянам и будет им проповедовать, то в лучшем случае его поколотят, а в худшем — сделают восстание против Советской власти».

После письма Гашека Дмитриев был освобожден от работы, а его проект отвергнут и сдан в архив.

Еще одна газета

Поиски «Рогама-Штурма», «Ура» и других газет помогли попутно разобраться в изданиях, выпускаемых поармом на иностранных языках, особенно в тех, которые выходили под редакцией или при живейшем участии чешского писателя.

В своем письме к Салату Гашек назвал не все. Помимо венгерской, немецкой, бурятской, объединенной венгеро-немецкой газет, интернациональное отделение, как это удалось установить, выпускало также однодневную газету на четырех страницах. Ее выход в свет был приурочен к выборам в Иркутский городской Совет рабочих и красноармейских депутатов. С этой подлинно интернациональной газетой я ознакомился в Иркутском областном партийном архиве.

В «Совете» были напечатаны статьи на пяти языках. И это очень знаменательно. Двадцатый год, во всем нехватка, а тут выходит такая газета! Сколько огромных усилий требовала она: надо было обзавестись шрифтами, найти наборщиков, корректоров, знающих разные языки, отыскать бумагу.

И неутомимый Гашек все нашел.

Со страниц этой газеты выступали сыны разных народов: немцы, чехи, китайцы, буряты, корейцы, венгры. Они призывали своих земляков отдать голоса за достойных кандидатов. Гашек обратился с открытым письмом к чеш-

ским рабочим и бойцам Красной Армии, которые впервые принимали участие в свободных выборах.

«Мы стоим перед выборами в Иркутский местный Совет рабочих и красноармейских депутатов. Русская трудовая общественность очень заинтересована в том, кто будет выбран от чешских рабочих и солдат Красной Армии. Ответ ясен и каждому понятен. Каждый чешский рабочий, пролетарий, который действительно сочувствует русской пролетарской революции, давно уже понял, что только русские коммунисты уничтожили бесправие, покончили с богачами, ликвидировали буржуазную собственность и указали трудящимся классам всей земли, всего мира тот единственно правильный путь, по которому и они могут идти, чтобы добиться уничтожения современного общественного строя».

Выступление Гашека в однодневной газете «Совет» напомнило мне разговор с С. М. Бирюковым, происшедший в Москве накануне моей поездки в Восточную Сибирь. Меня интересовал вопрос, кто же был избран в Иркутский Совет от чешских бойцов.

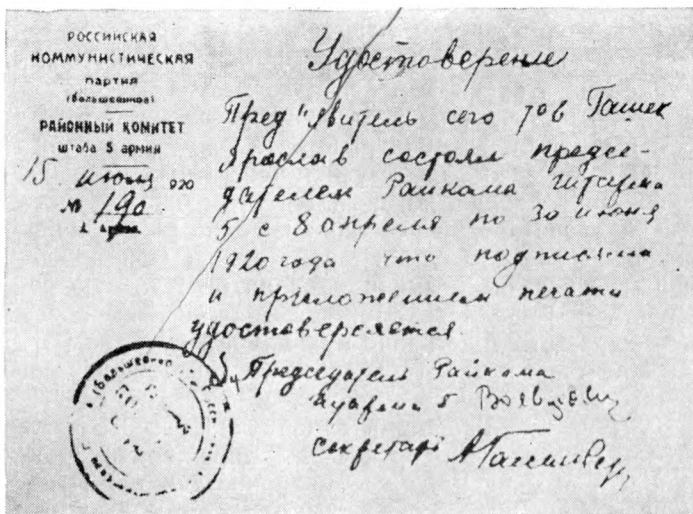
В Красноярске Бирюков был вместе с Гашеком. Оба они были избраны в районный партийный комитет при штабе армии (райком руководил первичными армейскими организациями), оба уделяли много времени так называемому «бескровному» фронту: занимались восстановлением органов народной власти, подготовкой к выборам в местные Советы.

— Отлично помню Первый пленум Красноярского городского Совета, — рассказывал Сергей Михайлович. — Он состоялся в день Первого мая. Гашек приветствовал депутатов от имени иностранных пролетариев. Когда Ярослав закончил свою речь, все поднялись с мест и, взяв друг друга за руки, дружно запели. Это было что-то потрясающее. Мне часто приходилось присутствовать на собраниях, но я никогда не слышал, чтобы люди с таким подъемом пели «Интернационал». Когда гимн был исполнен, начались приветствия на русском, чешском, китайском и венгерском языках.

— Сохранилась ли запись речи Гашека?

— Полностью вряд ли. Может быть, «Красный стрелок» напечатал ее по живой записи.

В Иркутске перечитал армейскую газету. О пленуме — ни строчки. Впрочем, о выступлении Гашека перед депу-

татами я прочел в другой газете — в «Красноярском рабочем»¹. В нем сжато излагался текст его речи. Были упомянуты и аплодисменты, и пение пролетарского гимна:

«Товарищ Гашек приносит приветствие Совету от имени иностранных пролетариев, которые от русских товарищей учились делу пролетарской революции. Слово «Советы» стало международным, нет ни одной страны, пролетарии которой не понимали бы его значения. Это слово стало путеводной звездой, великой мечтой мирового пролетариата, но оно же является страшной угрозой для буржуазии.

Оратор выражает в заключение надежду, что Красноярский Совет будет неуклонно стремиться к созданию Великой Советской России. (Аплодисменты, «Интернационал»).

Прошло несколько десятилетий, но и сейчас хочется аплодировать Гашеку.

Избирался ли Гашек депутатом городского Совета? Сергей Михайлович не помнит. В Красноярске нет, вероятнее всего, его выбирали в Иркутске.

¹ «Красноярский рабочий», № 80, 1920 г.

Спросил об этом заведующую областным партийным архивом А. Шапранову. Она ответила: «В нашем архиве материалы избирательной комиссии не сохранились». — «А у ваших коллег в Иркутском госархиве?» — «Вряд ли. Списки кандидатов в депутаты, помнится, были в газете «Власть труда».

Действительно, в губернской газете печатались списки. Их было два. В первом — кандидаты, выдвинутые большевиками, во втором — меньшевики. В обоих списках Гашек отсутствовал.

Обратился в Иркутский областной государственный архив, к старшему научному сотруднику Тамаре Натушкиной. О том, что Гашек был избран в Иркутский горсовет, она слышала. От кого избирался — от гражданского населения или от чехословацких красноармейцев, — точно не помнит, нужно посмотреть фонд № 504 (фонд городского Совета).

Начинаем вместе изучать фонд № 504. Листаем страницу за страницей, вчитываемся в каждую бумажку, как бы чего не пропустить! Наконец добрались до списка кандидатов в депутаты, избранных в августе двадцатого года. Среди них иностранные пролетарии: китаец Чжан Чжан-хай, венгр Эрне Мюллер, немец Рудольф Браун... Гашека нет!

День прошел. На другой с раннего утра продолжаем поиски. Первую половину дня трудимся вместе, вторую — Тамара Яковлевна одна. Я уйду на встречу с работниками иркутских редакций и радиовещания, чтобы рассказать им все то, что мне известно о Гашеке, о его пребывании в Восточной Сибири.

У входа в зал меня окликнула девушка: «Вас срочно просят к телефону».

В трубке взволнованный голос Тамары Яковлевны: — Я нашла Гашека! В протоколе среди избранных от 5-й Красной Армии Ярослав Романович числится двадцать четвертым депутатом.

«Красная Европа»

В своем письме к Салату Гашек не назвал не только однодневную газету «Совет», но и «Красную Европу». Правда, она издавалась не в Иркутске, а в Уфе. И не в двадцатом, а в девятнадцатом году.

В Уфе навел справки об этой газете в Книжной палате Башкирской АССР. Там подтвердили, что «Красная Европа» действительно выходила, но в газетном хранилище нет ни одного экземпляра.

— Прага нас дважды про «Красную Европу» запрашивала, — сказала пожилая хранительница периодических изданий. — А где ее взять?

— А нет ли в Уфе тех, кто создавал эту газету?

— Василия Васильевича Сорокина знаете? — ответила она вопросом на вопрос.

— Но он ведь редактировал «Наш путь»?

— Это известно. Сорокин в то время в Уфе жил. Можно сказать, всеми газетами командовал. Комиссаром по делам печати был.

«Красная Европа» выходила раз в неделю — по субботам. Печаталась на венгерском, немецком и русском языках. Редактором был Гашек. По его заказу, как рассказывал мне Сорокин, он написал для первого номера передовую. Она называлась так же, как и сама газета, — «Красная Европа». В этом же номере Гашек напечатал свою статью.

Это сообщение еще больше меня заинтересовало. Значит, есть еще гашековские статьи, не известные многим читателям.

Не буду задерживаться на том, в каких газетных хранилищах я справлялся, сколько запросов послал в разные города и какие ответы получил. Скажу только о результатах поисков: с тремя номерами «Красной Европы» я ознакомился в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Оказывается, крепка была память у Василия Васильевича. На первой полосе помещена его статья — призыв, обращенный к редакции и читателям новой газеты:

«Пусть же выходящая под этим названием газета поддерживает революционное пламя, и пусть она способствует дальнейшему его разрастанию.

Наш привет интернациональному изданию!»

В этом интернациональном издании, на той же полосе, где была помещена сорокинская передовая, Гашек напечатал «Ликующий зверь» — гневный отклик на убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

«Это последняя вспышка. Недалек день, когда везде в Европе и во всем мире будут предательские и согла-

шательские правительства уничтожены и восторжествует власть трудящихся над капиталистами, помещиками, кулаками, купцами и банкирами».

Следующий номер «Красной Европы» вышел 22 февраля 1919 года. Через всю полосу крупными буквами напечатано: «Этот номер посвящается победоносной Красной Армии, в рядах которой сражаются иностранные коммунисты».

На видном месте — статья Я. Гашека «Вооруженные силы пролетариата». Она звучит как ода Красной Армии.

«Открытая гражданская война класса против класса выделила из масс восставшего пролетариата Красную Армию.

Она есть щит свободы пролетариата, его независимости и страх для всех врагов Советской власти.

Пролетариат слился с Красной Армией в один живой организм, она ведет его к желанной цели, к его диктатуре, к решению боевой задачи интернационала и к окончательной победе над империализмом».

Переворачиваю страницы и на четвертой — взволнованные стихи. Гашеком они написаны по-немецки, о героях спартаковцах.

В другом номере Ярослав Романович снова возвращается к немецкой теме. С первой на вторую полосу переходит его большая статья, озаглавленная «Переворот в Германии».

В статье сообщается о том, что в Мюнхене убит вождь баварского пролетариата Курт Эйсер. Подробно осветив революционные события на юге Германии, Гашек со страниц «Красной Европы» заявил:

«Жестокая расплата за Карла Либкнехта и Розу Люксембург приближается. В Баварии дело с убийцами Эйснера кончено.

Но они по пути на эшафот захватят с собой Шейдемана, Носке, Эберта и всю другую предательскую челядь не только в Германии, но и во всей Западной Европе».

«Штурм», «Рогам» и вместе «Рогам-Штурм», «Ур», «Совет», «Вестник поарма 5», «Красная Европа» — семь разных изданий, бьющих в одну цель. В каждом из них участвовал Гашек. Участвовал и как редактор, и как организатор, и как пропагандист идей братства народов.

ЭСТОНСКИЕ ПОИСКИ

В Нарве я с большим интересом прочел выцветшее объявление, в котором эстонское правительство год тому назад обещало лицам, которые меня схватят и повесят, 50 000 эстонских марок.

Я. Гашек.

Снова в Москве

Глубокой осенью Ярослав Романович с Шурой Львовой прибыли в Москву. Гашек не был в советской столице с весны 1918 года. Как она изменилась, как похорошела! Задымили трубы фабрик и заводов, рабочий люд из подвалов переселился в добротные барские особняки; открылись двери театров. И город, и люди — все перестраивалось на мирный лад.

Впервые за последние годы Гашек надел штатский костюм, сшитый у московского портного. Признаться, он отвык от пиджака и чувствовал себя в нем неловко. Нет-нет да одернет полы, словно управляя гимнастерку. Иногда он машинально забрасывал руку за правый бок, где раньше висела на тоненьком ремешке полевая сумка — постоянная спутница писателя в его армейской походной жизни. Да и меховую шапку он то и дело сдвигал набекрень, как привык носить фуражку с красной звездочкой.

Гашек посетил дом на Арбате. Здесь прежде собиралось чешское землячество, и часто с раннего вечера до глубокой ночи шли горячие споры о русской революции, о ее влиянии на судьбы других народов. Побывал также и на Неглинной, в гостинице «Европа», где в том же восемнадцатом году в небольшой комнатушке, значившейся под номером 44, размещалась редакция чехословацкой газеты «Прукопник». Гашек поднялся на второй этаж, несколько минут постоял возле знакомой двери, хотел

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

1721

чехословацкого коммуниста члена Р. К. П. (больш.)

1. Фамилия, имя и отчество *Дроздов Романович Роман*
2. Место и время рождения *Млада 1883*
3. Профессия до войны *писатель в журнале*
4. Состояли ли членом полит. орг. какой именно, и с каких пор (до войны) *членом в 1905 отпущен, зав. сод. ком. / позже в 1910*
5. Состояли ли в профсоюзе, с каких пор и в каком (до войны) *не состоял*
6. С каких пор находится в России *с 1915*
7. Служили ли в чехослов. корпусе, в какой должности, с каких пор, когда ушел *в 1915 в чехослов. корпус, в 1917 ушел*
8. Состояли ли в орган. ЦК. СС.С.Р. когда *в 1917*
9. Когда и где стал коммунистом *Москва, апрель 1918*
10. Где работал в России:
 - а) на советской службе
 - б) как партийный работник *Секретарь, Трудовой Уезд, Александров, Орлов, Челябинск, Прага, ...*
11. Состоит ли в профсоюзе, каком именно и с каких пор
12. Род занятия в настоящее время *к. в. коммунистический работник*
13. Адрес учреждения в котором работает
14. Служили ли в Красн. Армии с каких и до каких пор *с апреля 1918 г. ... 28/5/1920*
15. Род специальности в военной службе
16. Род специальности в партийной работе
17. На каких языках говорит и пишет *русский, чешский, немецкий*
18. В какое место Чехословакии желает ехать *куда трудиться*
19. Точный свой адрес в Чехословакии
20. Семейное положение (сколько детей) *одна дочь*

Собственноручная подпись

Дроздов Роман

19 ... дня *ноябрь* ... мес. 1920 года.

Собственноручную подпись удостоверяет

Председатель:

В. П. Томас

было постучать, но потом передумал. Те, кто жили и работали здесь, уже не отзовутся на его стук: одни погибли в боях за революцию, другие вернулись в Чехословакию.

Гашек же возвращался одним из последних. И не по своей вине. Несколько месяцев между Москвой и Иркутском шла настоящая борьба за Гашека. Поармовцы не хотели отпускать полюбившегося им «многоязычного комиссара» и под разными предлогами откладывали его отъезд. Центральное чехословацкое бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б) требовало возвращения Гашека на родину.

Теперь у него была не одна, а две родины. Он стремился домой, но ему трудно было расстаться со своими фронтовыми товарищами, с которыми он делил и горести, и радости, с которыми прошел не одну тысячу верст по трудным дорогам войны.

В столице Гашек прожил неделю, самое большое — две. На анкетном листке, заполненном им накануне отъезда, есть отметка: «Выбыл из Москвы 26 ноября 1920 г.».

В левом кармане тщательно отутюженного гашековского пиджака лежал паспорт на имя немецкого подданного, некоего Штайдлова. Он был выписан на всякий случай. Ведь Гашек возвращался на родину через буржуазную Эстонию. Местной охранке могли дать знать о нем. В Сибири, как начальник интернационального отделения, он вел пропаганду и среди эстонцев, живших в Омске. Он помог эстонским коммунистам наладить выпуск газеты на их родном языке. Это было известно револьверской разведке, которая пуще огня боялась бацилл коммунизма.

Зимним ноябрьским вечером от Московского вокзала отошел длинный железнодорожный состав, набитый до отказа разноязычными пассажирами. Среди уроженцев Германии, Австрии, Венгрии находился Гашек — Штайдлов с женой.

Эшелон шел до Нарвы. Здесь пассажиры пересели на местный поезд Нарва — Ревель. В незамерзающем порту их ждал пароход «Кипрос».

Письмо из Таллина

С «Кипроса» я и начал свои эстонские поиски. Написал в Таллин начальнику Госпароходства М. Г. Кэбину.

Просил его уточнить, под чьим флагом плавал этот пароход, жив ли кто-нибудь из членов экипажа. Если жив, то не запомнился ли старым морякам круглолицый пассажир лет сорока. Ехал он не один, а с женой, которую представлял княгиней Львовой.

Была еще одна примета: на ногах у Гашека были черные сибирские чесанки — подарок иркутян (они сохранились и выставлены в Липницком мемориальном музее писателя). Пассажиров в валенках, должно быть, было немного и, возможно, кому-нибудь из моряков запомнилась эта на первый взгляд малозначащая деталь.

Письмо, посланное в Таллин, было 196-м. Счет я веду с того дня, когда стал «заниматься» Гашеком. И что примечательно: ни одно из писем, посланных по поводу Гашека, не осталось без ответа.

М. Кэбин, как я того ожидал, тоже откликнулся. Начальник эстонского пароходства привлек к поискам коммуниста пенсионера Ивана Петровича Ялакаса, вдумчивого собирателя истории местного торгового флота.

Вскоре я получил от Ялакаса письмо. Он сообщал, что «Кипрос» принадлежал не эстонской, а немецкой пароходной компании и плавал под германским флагом. Вся команда судна состояла из немцев.

Можно было бы поставить на этом точку, но Ялакас решил пойти дальше. Он прочел все или почти все, что писали о Гашеке, о его пребывании в Эстонии, местные газеты и журналы, побеседовал со старыми моряками, побывал в архивах. И вот что ему удалось установить.

«В газетах «Советская Эстония», «Молодежь Эстонии» в связи с семидесятипятилетием со дня рождения гениального сатирика были напечатаны о нем статьи. В них говорилось только о творчестве писателя и ни слова о его пребывании в Эстонии. Лишь в газете «Серп и молот» я нашел заметку, в которой сообщалось, что в первых числах декабря двадцатого года Гашек прибыл из Советской России в Нарву: там он четыре дня находился на карантине.

Эти сведения заимствованы автором заметки из книги «Швейк в Эстонии и другие юмористические рассказы». Она, как мне удалось установить, выпущена в Тарту еще в 1929 году. В сборник вошел и путевой очерк Гашека «Стряхиваю пыль со своих ног» — о его злоключениях в буржуазной Эстонии. Единственный экземпляр этой ред-

костной книги хранится в нашей республиканской библиотеке, и переслать его невозможно. Но пусть вас это не огорчает. Фельетон был опубликован в январе двадцать первого года в пражской газете «Вечерни Ческе слово». Опубликован вскоре после того, как Гашек вернулся на родину. Думается, что в московских библиотеках можно найти подшивку этой газеты.

Кроме того, я беседовал с морским капитаном — нарвлянином Бернгардом Олли. Он рассказывал, что через Нарву возвращались на родину не только бывшие пленные — уроженцы Германии, Чехословакии, Австрии. Этим же путем следовали и русские, находившиеся в германском плену. И те, и другие проходили в Нарве карантин.

Надо надеяться, что, помимо Олли, найдутся люди, которые помнят старую Нарву, ее бесславной памяти карантинный лагерь, где под видом борьбы с насекомыми вылавливались революционно настроенные люди. Правда, свидетелей прошлого становится все меньше и меньше. С записью их воспоминаний надо торопиться, а то...»

В конце письма следовало приглашение: «Приезжайте к нам в Эстонию. Вместе поищем».

Но прежде чем принять это приглашение, мне захотелось прочесть эстонский фельетон. Действительно, он был помещен в газете «Вечерни Ческе слово». И не в одном, а в нескольких номерах под заголовком: «Стряхиваю пыль со своих ног». В нем любопытные сведения о пребывании Гашека в буржуазной Эстонии.

50 000 эстонских марок

Первое, что увидел чешский сатирик, вступив на нарвскую землю, — это объявление, касающееся его самого: эстонское правительство сообщало, что выдаст 50 000 марок тому, кто схватит Гашека.

Это объявление вряд ли доставило тогда удовольствие писателю. Но позже, оказавшись уже в Праге, Гашек зло высмеял тех, кто охотился за ним, и заодно упавшую в цене эстонскую марку.

«50 000 эстонских марок! — писал он. — У них сейчас очень мизерная валюта: за десять эстонских марок вы получаете одну немецкую. Тем не менее обещание было весьма заманчивым, поскольку мне нужны были деньги:

на пути из Москвы в Нарву я израсходовал последний миллион советских рублей.

По счастью, я сообразил, что, если бы даже я сам себя повесил, — в Нарве никто бы не поверил, что это именно я, потому что я ехал под чужой фамилией и с поддельным паспортом, на котором подлинной была лишь моя фотография».

Выходит, правы были русские товарищи, предупреждавшие Гашека, какая опасность подкарауливает его в белой Эстонии. Воздух здесь был не такой чистый, каким он дышал в Советской России. Да и порядки старые. За многие годы он вновь увидел жандармов и сыщиков:

«Из задумчивости меня вывел один хорошо одетый господин, который ломаным русским языком спросил — не хочу ли я обменять советские рубли на эстонские марки.

Я узнал его с первого взгляда. После долгих лет снова полицейский сыщик!

Эстонских жандармов и полицейских, стоявших длинной цепью за проволочной изгородью, тянувшейся вдоль границы, я уже видел и смотрел на них с односторонним чувством, которое, надеюсь, каждый поймет.

Вся Эстония окружена проволочными заграждениями, чтобы туда не могли проникнуть идеи социализма.

Первый сыщик продолжал разговор. Пытался из меня, неизвестного иностранца, что-нибудь выпытать. Говорил о беспорядках в Эстонии и хвалил Советскую Россию.

Я ему сказал, чтобы он не очень хвалил Советы, что я прочел в «Народни политике», как у одного чешского сапожника в Петрограде жена с голоду сошла с ума, а дедушка умер в Христовицах у Бероуна. По улицам Петрограда валяются трупы. Из полутора миллионов жителей остался в живых только один Зиновьев, который в обезлюдившем Петрограде среди бела дня грабит магазины. Но это все еще пустяки в сравнении с тем, что делается с новорожденными...

Господин сыщик, даже не попрощавшись, поспешно перешел на другую сторону. Я присоединился к транспорту пленных, возвращавшихся из России.

Разорванные, грязные мундиры старой Австрии, выцветшие за шесть лет рюкзаки, смесь голосов и языков

всех народов бывшей монархии. Ворота старой крепости немецких крестоносцев закрылись за нами».

Ворота старой крепости закрылись... Что это за крепость? Заглянул в справочники. На берегу Нарвы друг против друга стоят два древних сооружения — Германовский замок, или Замок Германа, построенный ливонцами в городе Нарве, и напротив него Иван-Городская крепость, воздвигнутая во времена Ивана III. Какая же из этих крепостей та, о которой упоминает Гашек?

Еду в Нарву, чтобы получить там ответ. По пути из Москвы приобретаю в Ленинграде на автовокзале справочник-путеводитель «Памятные места Ленинградской области».

В ожидании автобуса знакомлюсь с содержанием книги. Она неплохо оформлена. Много познавательного материала. В конце — указатель имен и перечень населенных пунктов Ленинградской области. Смотрю по алфавиту на букву «Г»: И. Газа — революционер. А. Ганнибал — прадед А. Пушкина, В. Гаршин — писатель, а за ним — Я. Гашек.

Ярослав Гашек в Ленинградской области — это интересно! Справочник указывает, что Гашека надо искать с 141-й страницы. С нее начинается глава «Иван-Город»:

«В 1919 г. Иван-Город захватили белогвардейские войска генералов Юденича, Родзянко и белоэстонцев, — говорится в справочнике. — После разгрома Юденича под Ямбургом (Кингисеппом) осенью 1919 г. Иван-Город, называвшийся в то время Ивановской стороной гор. Нарвы, по условиям мирного договора 2 февраля 1920 г. вошел в состав буржуазной Эстонской республики».

Далее речь идет уже о Гашеке.

«Писатель в 1919 г. участвовал в боях против Юденича под Ямбургом...»

Тут все напутано. Известно, что, когда Юденич наступал на Петроград, Гашек находился на Восточном фронте.

На той же странице нахожу любопытные сведения о Гашеке:

«В 1920 г. он по пути на свою родину некоторое время находился в Иван-Городской крепости, где помещался тогда лагерь для бывших военнопленных, созданный буржуазным эстонским правительством».

Итак, по справочнику выходит, что Гашек проходил карантин не в Германовском замке, а в Иван-Городской крепости, где будто бы находился лагерь. Так ли это?

Замок Германа или Иван-Городская крепость?

Прямо с автобуса, доставившего меня в Нарву, направляюсь в Краеведческий музей. Он расположен в небольшом флигельке на территории Германовского замка. Заведует музеем Евгений Петрович Кривошеев, географ по профессии, музейный работник по призванию. О том, что Гашек бывал в Нарве, он знает. В какой из двух крепостей находился — неизвестно. Документы не сохранились. Склонен думать, что в Германовском замке.

— А не в Иван-Городской крепости?

Ознакомил Евгения Петровича со свидетельством самого Гашека. Ориентиры указаны в фельетоне «Страхиваю пыль со своих ног». Я читал, а Кривошеев изредка прерывал меня, давал свой комментарий.

Когда я дошел до места, где Гашек сообщал, что «ворота старой крепости немецких крестоносцев закрылись за нами», заведующий музеем спокойно заметил:

— Это и есть Нарва, ее Германовский замок. Читайте, пожалуйста, дальше!

«...Дело разрушения крепости завершает международный Красный Крест, соорудивший из остатков старого Рыцарского зала уборную...»

— Рыцарский зал был в Германовском замке, — подтверждает Кривошеев.

«...Они ухитрились также приспособить башни крепости под различные склады. Не дай бог, если сюда заглянет ревизия!»

— Башни под различные склады? — повторяет Кривошеев. — В старом замке была только одна башня — башня Германа. Я говорю была, потому что немцы разрушили ее в первую мировую войну. Гашек же сообщает о башнях во множественном числе. Это, пожалуй, относится к Иван-Городской крепости... Там несколько башен — Набатная, Широкая, Отводная, Провиантная, Длинношея, Колодезная, Пороховая...

Продолжаю читать:

«В шесть часов вечера нас наконец выстраивают в ряды по шесть человек, окружают эстонскими солдатами

и выводят через ворота крепости в сад у моста, где нас опять считают».

— Сад у моста! — воскликнул Евгений Петрович. — В замке сада не было, а в Иван-Городской крепости и по сей день у моста стоят многолетние деревья.

— Сколько километров от Иван-Города до станции Нарва?

— Около двух.

— И Гашек так считал. Вот послушайте, что он по этому поводу писал:

«Нас гонят через мост и еще два километра через город, в котором гражданская война оставила заметные следы».

— Через мост и два километра по городу, — повторил Евгений Петрович. — Это, пожалуй, самое убедительное доказательство в пользу Иван-Города. Чтобы попасть из Германовского замка на вокзал, незачем было гнать людей по мосту. Замок и вокзал построены на одном берегу. Иван-Городская крепость — на противоположном.

Кривошеев считает ее «своей». Правда, находится она не на территории Эстонии, а РСФСР, но с давних пор входит в сферу деятельности Нарвского музея, как один из его составных объектов.

— Сходим на мост, поглядим! — предлагает Кривошеев.

Мы спускаемся вниз к полноводной реке. Теперь через нее переброшены уже два моста: новый, построенный по последнему слову техники, и старый — деревянный, по которому сорок лет назад шагал под конвоем Гашек.

Сразу за мостом — Иван-Город. У входа в крепость — сад, за садом не одна, а несколько сторожевых башен. Но башни старой крепости молчат. Нужны живые свидетели, которые могли бы подтвердить, где в двадцатом году находился карантинный лагерь, в котором томился Ярослав Гашек и другие.

Живые свидетели

Найти их было не так просто: гитлеровцы за время своего пребывания в городе превратили Нарву в пустыню. В живых осталось несколько старожилов.

Были мы с Кривошеевым у Мэри Альт, вдовы красно-

гвардейца, расстрелянного в девятнадцатом году в Германовском замке. Он был один из четырехсот защитников революции, попавших к эстонским белогвардейцам в плен и расстрелянных из пулеметов. Мэри Альт слышала, что о погибших бойцах чешский писатель вспоминал в одной из своих статей, когда вернулся из Эстонии в Прагу. Тепло, сочувственно писал о них. О, если бы она тогда знала, что Гашек был среди пленных в карантинном лагере, что находился в Иван-Городской крепости, она поделилась бы с ним последним куском хлеба!..

Беседовали мы и с Юханом Лилландром. Он, как и Мэри Альт, утверждал, что карантинный лагерь размещался в те далекие годы в Иван-Городской крепости.

— Многое говорит за Иван-Город, но с выводами торопиться не следует, — заметил педантичный Кривошеев. — Полезно было бы потолковать еще с Константином Иосифовичем Журавлевым. Он коренной нарвитянин, работает старшим инженером в горсовете и обладает редкостной памятью.

Журавлев оказался не только человеком редкостной памяти, но и большим эрудитом. В разговоре выяснилось, что фельетон «Страхиваю пыль со своих ног» он читал не в переводе, а в оригинале, когда учился в чешском городе Брно, в его высшем техническом училище, носившем название «Немецкая академия».

— Помнится, — говорит Журавлев, — один из моих однокурсников по академии, зная, что я родом из Нарвы, спросил: «Читал ли ты, Константин, что о твоём городе Гашек написал?» — «Гашек? — повторил я удивленно. — Разве чешский сатирик бывал в Нарве?» — «А как же! Прочти, что он пишет!»

Журавлев приобрел тоненькую книжицу с фельетоном Гашека и в один присест проглотил его.

— Правдивая вещь. Только в одном месте писатель допустил неточность...

— Какую? — перебил Кривошеев.

— Он написал, что карантинный лагерь помещался в крепости, построенной немецкими крестоносцами. Это не так. Я жил тогда на Горной улице, против замка Германа. Хорошо помню, что в нём размещался нарвский гарнизон, эстонская контрразведка. За стенами крепости расстреливали красноармейцев. Разве согласились бы военные власти держать своих солдат с возвращенцами

из России? Иностранцы находились, это я точно знаю, в Иван-Городе. Там же околачивались представители Красного Креста, делавшие свой бизнес: они бесплатно распространяли библию и, как правильно писал Гашек, одновременно спекулировали на обмене денег.

— Выходит, что Гашек был в Иван-Городской крепости? — заключил Евгений Петрович.

— И там, и в Нарве, — продолжал Журавлев. — Через наш город он шел, с нашего вокзала уезжал в Ревель. Наблюдательный был человек! Проходя по городу, не пропустил картинку, которую я сам отлично помню. Возле пожарной каланчи в те времена пасся известный в городе своей драчливостью длинноротый козел. И там же обычно валялся в невысыхающей луже толстый боров. Иногда животные между собой затевали драку.

И кто бы мог подумать, что козел и боров из нарвского захолустья, а также полицейский, пытавшийся их разнять, войдут в мировую литературу? Ведь драка возле пожарной каланчи запечатлена в фельетоне «Страхиваю пыль со своих ног».

Слезы Гашека

Третью, предпоследнюю главку своего путевого фельетона Гашек закончил так:

«Завтра едем в Ревель! Даю честное слово читателям и редакции, что завтра мы, в конце концов, уедем в Ревель».

От Нарвы до Ревеля, который сейчас называется Таллином, эшелон полз целых два дня. Гашек так описал дорогу:

«Эстонские власти осматривали нас на нескольких станциях, не впуская и не выпуская никого из вагонов, не разрешая делать покупок. Мы сидели вокруг маленьких железных печурок — в них уже давно погас огонь — и ругали Эстонию и представителей всех международных Красных Крестов...»

Было за что ругать! В течение двух дней люди не получали в пути хлеба, горячей пищи. Большие надежды они возлагали на эстонскую столицу. Но на Ревельский вокзал, где пассажиры должны были получить обещанные им завтрак, обед и ужин, эшелон не пустили. Его перевели на другой путь и, не задерживая, отправили в порт.

«Поезд мчит нас с повышенной скоростью вдоль морского берега. Море больше никого не привлекает. Все взгляды обращены назад, к тому месту, где трусливо прячется за песчаными насыпями город Ревель, вызывавший раньше столько надежд среди отчаявшихся людей. Поезд останавливается у мола, к которому пришвартовался пароход «Кипрос».

Иван Петрович Ялакас ведет меня к морю. В порту оживленно. Вдали маячат силуэты кораблей, идущих тем же курсом, каким в свое время шел «Кипрос». Вспоминаются гашековские строки о встрече в море двух кораблей:

«Я иду подышать чистым воздухом на нос парохода, который в это время обменивается сигналами с другим пароходом, везущим русских пленных на родину. Все выходят на палубу. На пароходе русские выбрасывают красный флаг. Пароходы встречаются. Русские и мы машем платками, кричим «ура!». У многих на глазах слезы. Их никто не стыдится.

Долго еще несутся наши взаимные приветствия по широкой морской глади залива и отзываются эхом от меловых скал острова Сильгит».

— Сильгит! — Иван Петрович показал рукой в сторону острова.

— Мне говорили, что Гашек был скуп на излияния своих чувств, — продолжал Ялакас. — Все хохочут, слушая анекдот или смешную историю, и только он один как бы равнодушен ко всему им самим рассказанному. А тут слезы на глазах.

«Слезы Гашека», — повторяю я про себя и думаю о том, какое же большое чувство должно было захватить писателя, чтобы при виде русских товарищей, поднявших красный флаг, у него на глазах появились слезы. Он не стыдился их. Всеми своими корнями Гашек сросся с революционной Россией, и сейчас эти корни обрывались.

Невольно на память приходят строки, принадлежащие классику чешской пролетарской литературы Ивану Ольбрахту, адресованные Ярославу Гашеку: «Он снова смеется над целым светом. И только над одним — нет: над коммунизмом и своим омским прошлым. Это было его лучшее прошлое».

О Г Л А В Л Е Н И Е

	<i>Стр.</i>
Глава I. Начало пути	3
Глава II. Вынужденные скитания	20
Глава III. Ярослав Романович	36
Глава IV. В Уфе и за Уфой	54
Глава V. Будь у него десять жизней	91
Глава VI. «До бот» на Антанту!	109
Глава VII. Многоязычный комиссар	121
Глава VIII. Эстонские поиски	140

Александр Михайлович Дунаевский
Иду за Гашеком

М., Воениздат, 1963, 152 с.

Редактор *Габова К. К.*

Художественный редактор *Гречиго Г. В.*

Художник *Абакумов Н. А.*

Технический редактор *Чапаева Р. И.*

Корректор *Морозова В. М.*

Сдано в набор 19.3.62 г.

Г-31604

Подписано к печати 10.11.62 г.

Формат бумаги 84×108¹/₃₂ — 4³/₄ печ. л. = 7,79 усл. печ. л. — 7,814 уч.-изд. л.

Изд. № 4/3224

Тираж 70.000

Зак. 168

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 38 коп.